

СИНТАКСИС

ПУБЛИЦИСТИКА

КРИТИКА

ПОЛЕМИКА

36

ПАРИЖ
1995

Журнал редактирует:

М. РОЗАНОВА

The league of Supporters: Е. Афанасьева, Л. Баткин,
Л. Богораз, Ю. Вишневская, И. Голомшток,
П. Литвинов, М. Окутюрье, Н. Рубинштейн,
Т. Толстая, А. Френдли, Е. Эткинд

**Мнения авторов не всегда совпадают
с мнением редакции**

© SYNTAXIS 1998

Адрес редакции:

8, rue Boris Vildé
92260 Fontenay-aux-Roses
FRANCE

Тел. (33-1) 46 61 28 38
Факс (33-1) 46 61 25 21

От редактора

Когда 20 лет назад, осенью 1978 года, вышел первый номер журнала “Синтаксис”, один городской сумасшедший, рассматривая обложку, сказал:

- Хвастаетесь? Пальцем грозите? А на кого прищыкнули?

Я не поняла.

- А чего тут особенно понимать? Не зря же вы слово “синтаксис” на три части разделили:

**СИН
ТАК
СИС**

СИН - это “Синявский”, ТАК - это “так вам всем и надо”, а СИС - это всего-навсего “щыц”, только помягше...

Такой способ прочтения мне в голову не приходил. Я не задумывала журнал театром военных действий, первый номер был тихий и ласковый, посвященный в основном защите арестованного Алика Гинзбурга, с материалами о Галиче, Набокове, и со статьей Синявского “Анекдот в анекдоте”, из-за которой, собственно говоря, и был придуман “Синтаксис”.

А было так. Уже через два года нашей эмиграции выяснилось, что если перед профессором Синявским открыты и Сорбонна в Париже, и Колумбия в Нью-Йорке, то писателю Абраму Терцу печататься негде. Старые эмигрантские издания - “Новый журнал”, “Грани”, “Вестник РХД” - после “России-суки” дела с ним иметь не хотели. А что закрутилось вокруг “Прогулок с Пушкиным” - а-я-яй! - даже приятно вспомнить. Ему и больно и смешно... И с “Континентом”, куда Синявский при его основании вошел в члены редколлегии, а Розанова сотрудником, на пятом номере произошел разрыв и раскол, все углублявшийся по мере того, как матерел этот материк единственно верного учения и литературного вкуса, утверждаясь в роли обкома в изгнании.

Собственно в самой ситуации изолированности от официоза ничего нового для нас не было. Мы хорошо знали ее по Москве. Правда, там у нас были друзья. Они же единомышленники. В новых эмигрантских условиях хватало пальцев одной руки пересчитать сторонников во всех странах. Из Москвы рукописи Абрама Терца в течение девяти лет - вплоть до посадки - переправлялись во Францию, - и там, избежав цензурного надзора, превращались в печатные публикации. А теперь мы и сами жили в Париже. Куда же бежать рукописям? И далеко не сразу я сообразила, что в мире частного предпринимательства можно завести собственный журнал, где я сама буду редактором, и никаких главных надо мной не поставят, а двум моим любимым авторам - Андрею Синявскому и Абраму Терцу будет обеспечена издательская площадка.

Синявский ко всей этой затее относился поначалу с откровенным скепсисом.

- Мы же совершенно одни, мы на необитаемом острове в этом русском Мухосранске-на-Сене. С кем ты будешь делать журнал? И кто будет в нем печататься? Никого нет!

- Ну и что, - радостно отвечала я, - это будет журнал одного автора и ты сможешь написать туда что угодно. Стихами хочешь?

Идею нового издания мы обсуждали с узким кругом единомышленников, и один из них, мудрый московский еврей из Израиля, сказал, что либеральное, западническое и противостоящее угрозе растущего русского национализма издание имеет все возможности найти финансовую поддержку в Америке или даже в Израиле, если на нем будет стоять громкое имя Синявского. Я не сразу соблазнилась этой логикой, но в конце концов сдалась, и на первых номерах "Синтаксиса" написано: "журнал редактируют М. Розанова и А Синявский". Несмотря на безупречную логику, ни мудрый московский еврей из Израй-

ля, ни другие наши болельщики не сумели даже под славное имя Синявского раздобыть хотя бы цент.

Но оказалось, что в эмиграции не одному Синявскому негде печататься: одних - эмигрантский издательский комитет в своих изданиях видеть не хочет, другие - и сами туда ни строкой. У "Синтаксиса" сложился собственный круг авторов - эмигрантских и российских, доверявших нам свои тексты с известной долей риска. Последнее десятилетие круг авторов не расширило: многие эмигрантские публицисты и эссеисты бросились печататься в Отечестве и я призадумалась: а нужен ли русский эмигрантский журнал синтаксического разлива? И спросила об этом лауреата премии "Кассандра"-95 Дмитрия Фурмана (напоминаю забывчивым: Фурман получил "Кассандру" за то, что в августе 91-го года товарищ Ельцин еще с танка не слез, а наш лауреат уже увидел его не самое демократическое нутро!).

И вот что он ответил:

"Имеет ли какой-то смысл издавать сейчас, когда в России можно издать все, что угодно - были бы деньги - русский журнал во Франции? Я думаю, что смысл найти можно.

Во-первых, относительно легко и естественно придать журналу "заинтересованный взгляд со стороны", взгляд не французский, не американский, но и ни одной из российских партий (употребляя это слово в предельно широком значении). Любое издание в России, даже если ему ничего не диктует какой-нибудь владеющий им Березовский или Потанин, все равно входит в систему соперничающих группировок, течений, "тусовок", все равно его издатели и сотрудники живут современными российскими предрассудками, страхами и надеждами. Из Парижа же все легче увидеть в "нормальных пропорциях". Таким образом, роль такого издания - роль "маргинала", того, кто входит в данное общество, но входит не до конца, ибо входит и в какое-то другое, поэтому может смотреть со стороны и видеть то, что не видят ни те, кто

смотрит лишь изнутри, ни те, кто смотрит только извне.

Во-вторых, такой журнал мог бы сыграть роль посредника между русскими, вернее, “россиянами”, теми, кто смотрит изнутри и “западниками”, теми, кто смотрит извне. Мне думается, что потребность в таком постоянном “месте встречи” русских и западных ученых, публицистов и т.д. - есть.

Наконец, в третьих. Я не верю в какие-то совсем уж страшные сценарии развития, но все-таки в России еще может быть всякое. Поэтому такой журнал нужен еще и “на всякий случай”, если в России будет негде печататься.”

“Синтаксис” был задуман как поквартальное издание. На деле за 20 лет вышло 36 номеров - меньше двух в год. На большее не хватило сил и финансовых возможностей. Сегодня, когда сил и возможностей значительно меньше, “Синтаксис” может быть станет ежегодником. Он по-прежнему остается журналом Терца-Синявского и будет знакомить публику с тем, что осталось в архиве писателя. Он по-прежнему сохранит политическую остроту и останется усилителем раздающихся в отечестве критических голосов.

В былые времена зарубежное русское издание давало выкричатся тем, кого обрекали на неминуемую гибель. Сегодня одинокий человеческий голос заглушен невнятным гулом сорока сороков разнокалиберных и разнокачественных отечественных газет. Все кричат - и никто никого не слышит и почти не читает. В этих условиях “Синтаксис” сознательно берет на себя роль хранилища, архива, выделяя и вынося на публику свидетельства о настоящем, которые иначе гибнут без отклика в общем газетном могильнике. Начиная с этого номера мы будем отмечать некоторые интересные материалы перепечаткой.

Такова программа для “Синтаксиса” на следующие 20 лет.

Петр Вайль

АБРАМ ТЕРЦ, РУССКИЙ ФЛИБУСТЬЕР

На левом глазу Андрея Донатовича Синявского была черная повязка. Одна тесемка уходила под ухо, другая - в волосы, седые и жидкие. На плотном кругляше, закрывавшем глаз, белой тушью - череп и кости.

- Вот мы теперь какие, - сказала Марья Васильевна.

Синявский лежал аккуратный-аккуратный, в голубой полосатой рубашке, застегнутой под горло, без галстука, задрав бороду, вытянув руки по швам, уютно вписанный в тесную трапецию гроба. Никогда я не видал таких благостных покойников.

Вообще видал я их немного, если не считать Чечни. В Чечне все они выглядели плохо, что понятно, но и другие памятные мало были похожи на себя - Венедикт Ерофеев в мае 90-го в Москве, Сергей Довлатов в августе 90-го в Нью-Йорке, Иосиф Бродский в январе 96-го в Нью-Йорке. А Синявский в феврале 97-го в Париже смотрел классическим праведником - "как будто заснул".

- Вот мы теперь какие, - сказала Марья Васильевна. - Такой же, только холодный очень.

В Париж я прилетел за день до похорон, гулял по любимым кварталам шестого аррондисмана, а ближе к вечеру позвонил - уточнить время. "Если приедете прямо сейчас, гроб еще открыт, есть шанс увидеть Синявского, - сообщила вдова. - Да к тому же в виде пирата". Много лет зная Марью Васильев-

ну, я сказал: “Да ну вас”. Она вдруг возбудилась: “Почему это “да ну вас”? Когда умер Жерар Филипп, его хоронили не в партикулярном платье, а в костюме Сида. Почему Синявский, который всю жизнь был флибустьером, не может лежать в гробу в виде пирата?” Холодея, я понял, что она не шутит, и поехал.

В подпарижском городке Фонтене-о-Роз я не был несколько лет, но дорогу нашел - вспомнив перекресток с алжирской забегаловкой “Колибри”, где еще в самый первый приезд в 79-м ел с Синявскими кус-кус. В трехэтажном каменном доме на улице Бориса Вильде все было так же, но Марья Васильевна повела на второй этаж, где в окружении икон, книг, подсвечников в виде купчих, прялок стоял на подставках гроб. В гробу лежал Андрей Донатович с пиратской повязкой на глазу.

- Вот мы теперь какие.

Строго говоря, в повязке лежал Абрам Терц. Это он при жизни любил прохаживаться по комнатам, нацепив “Веселого Роджера”, и именно это после смерти имела в виду его вдова, устраивая макабрический карнавал. Ведь 25 февраля 1997 года умер один человек, но два писателя - Андрей Синявский и Абрам Терц.

Давным-давно, в темные годы, литературовед и критик Андрей Синявский стал посылать на Запад свои сочинения под вызывающим, украденным у одесского бандита (“Абрашка Терц, карманник всем известный”) псевдонимом Абрам Терц. Потом был арест и знаменитый суд 66-го года, на котором литераторов - Андрея Синявского и Юлия Даниэля - судили за литературные произведения, даже не притворяясь, не позаботившись сочинить иных обвинений. С того суда и принято вести отсчет советского диссидентства как общественного явления. В известном смысле все мы - и кто за, и кто против, и кто вне, и кто после - вышли из этого процесса.

В Мордовии, в Дубровлаге, Андрей Синявский отсидел пять с половиной лет, а Абрам Терц, внедряя главы в письма к жене, написал в лагере книгу о самом свободном человеке российской истории - "Прогулки с Пушкиным". Великий поступок - сопрячь послания к любимой женщине и к любимому поэту.

Двадцать лет мы были знакомы с Андреем Донатовичем, я видал его в разных странах и ситуациях, и всегда тихоне Синявскому сопутствовал озорник Терц.

Впервые эту пару я увидел в 77-м году на биеннале в Венеции, где литературовед Синявский выступал с докладом, а Абрам Терц так хулиганил в прениях, что переводчики только разводили руками. В 79-м в Колумбийском университете Нью-Йорка профессор Сорбонны Синявский читал лекцию о протопопе Аввакуме, а на улице стояли пикеты с протестами против Терца: "Стыд и срам, товарищ Абрам", и "Второй Дантес". В Москве в 95-м мы сидели рядом на киносимпозиуме, и в дискуссии о мелодраме Синявский неожиданно молодо и задорно прочел "Левый марш", провозгласив: "Вот это энергия! Не то что "Под черной вуалью..." А Терц негромко прибавил: "...трахаться". В 94-м в Бостоне на неузнаваемого в смокинге Синявского надели мантию и шапочку почетного доктора Гарварда, а Терц, посмеиваясь и даже хохоча, сказал мне, показывая на другого свежего доктора: "Он был министром внутренних дел, когда я сидел в Дубровлаге".

Тогда в Бостоне состоялся самый долгий мой разговор с Андреем Донатовичем.

Знамена, плакаты, оркестры, хоры на ступеньках старинных зданий (Гарвард основан в 1636-м, на 119 лет раньше Московского университета), шесть тысяч выпускников в черных мантиях с разноцветными башлыками (у каждого факультета свои цвета), пестрые наряды 15-тысячной толпы гостей. Я разговаривал со старым выпускником, который пожало-

вался, что из-за этого праздника каждый год пропускает лучший клев в своем Иллинойсе, пора кончать, никак не может решиться вот уже 63 года. Тут только я сообразил, что "28" на флажке в его руках означает год выпуска. Старейший же из присутствовавших гарвардцев был молчалив и задумчив - есть что вспомнить: он закончил университет в 1913-м. Тогда ему было двадцать два, теперь - сто.

В речах выпускников, профессоров, ректора шло состязание в остроумии, иногда даже по-латыни. Хохот стоял, как на концертах Боба Хоупа. Позже, когда мы собрались на коктейли и закуски, один из новых почетных докторов - виолончелист-суперзвезда Йо-Йо-Ма - сыграл "Сарабанду" Баха, сказав предварительно: "Вам придется это выслушать, чтоб вы не воображали, что здесь кормят бесплатно".

Карнавальность оборачивалась не только смешной и веселой, но и поучительной.

Мог ли предвидеть подобный разворот событий Андрей Синявский, получивший за писательство лагерный срок, а теперь - гарвардский докторат?

Карнавальные кувырки "из грязи в князи". Рядом сидел другой новоиспеченный доктор Гарварда - Эдуард Шеварднадзе. Особо опасный зэк и высокопоставленный блюститель закона теперь принимали равные почести. Самое удивительное заключалось в том, что это положение вещей выглядело нормой. Во всяком случае, соответствовало той картине мира, которую рисовал в своих книгах апостол фантастики, гиперболы и гротеска - Синявский-Терц.

Об этом мы и говорили уже после торжеств, в доме общих друзей в Бостоне.

- Андрей Донатович, соблазнительно спросить: представляли вы себе нечто подобное, когда сидели в мордовских лагерях, скажем, в Дубровлаге, где писались "Прогулки с Пушкиным"?

- Разумеется, нет, ничего похожего.

- Но об идее возмездия, торжества справедливости - думали?

- Я не люблю возмездия. Да и насчет справедливости и ее торжества - я не очень. То чувство, которое владело мной и сейчас владеет, можно назвать верой в обратимость судьбы. И в относительность хорошего и дурного. Это, кстати, одна из главных мыслей Пушкина. Завтра грустное повернется на веселое, послезавтра - трагическое на смешное.

- Как вы двадцать лет назад представляли свою жизнь в дальнейшем?

- Я допускал, что отсижу свой срок, выйду. Но для меня было ясно, что как литератор я конечный человек. Второго Абрама Терца сыграть не смогу, потому что буду находиться под жестким присмотром.

- Неужели вы не мечтали, что ваши книги будут изданы?

- Любое будущее я представляю в наихудших вариантах. Просто для того, чтобы быть готовым и не слишком заноситься в мечтах, потому что мечты чаще всего обманывают.

- Строй души такой?

- Наверное, строй души. Да и судьба такая. Когда я начинал писать, я знал, и жене говорил, что меня рано или поздно посадят, и я иду на это, потому что мне важнее попробовать такой путь. Конечно, лучше подольше прожить и побольше сделать интересного. Но обольщаться... Я старался не обольщаться.

В церкви на Свято-Сергиевом подворье, рю Крима, 93, гроб стоял закрытым. Пиратская повязка была под крышкой, но дух Терца витал. Стоявшая рядом со мной журналистка со свечой в руке скорбно склонила голову чуть ниже допустимого. Выше пышные курчавые волосы вспыхнули сразу. Публика шарахнулась. Муж журналистки стал бить ее по голове. Служба под расписными прялочными сводами не прерывалась. Пахло паленым.

Народу в церкви собралось меньше, чем я ожидал. Однако такой ход дела был заложен сознательно и давно. Синявский как-то сказал: "Я вообще враг. Враг как таковой. Метафизически, изначально. Не то, чтобы я сперва был кому-то другом, а потом стал врагом. Я вообще никому не друг, а только - враг..." Он указал свое место в обществе, а именно - отсутствующие места в обществе. Об этом его рассказ о пришельце - "Пхенц", в котором запрограммирована авторская судьба: "Если просто другой, так уж сразу ругаться?"

Он был диссидент не в узко-политическом, а в широко-мировоззренческом смысле слова. Всегда раздражающе против, всегда наглядно одинок. Так было при жизни, так же - в смерти. Синявский не захотел быть со всеми. Это раз. И два - что более важно: он не хотел быть с теми, кто отвергал и травил его. Уникальность Синявского в том, что резкие и дерзкие книги навлекли на него и кары советской власти, и ругань постсоветской России, а в промежутке - неприятие и злобу антисоветской эмиграции.

Отпевание шло не в известном всем и каждому главном православном соборе Парижа - Александра Невского на рю Дарю, а в небольшом деревянном храме на северной окраине города. И похоронили Синявского не на Сен-Женевьев-де-Буа, где покоятся деятели русского зарубежья, включая знаменитостей - от Бунина, Тэффи и Мережковского до Галича, Тарковского и Нурсева - и где по рангу лежать бы Андрею Донатовичу, а на муниципальном кладбище городка Фонтене-о-Роз. Синявский предпочел соотечественникам - соседей. Улегся на скромном французском кладбище скромного французского городка.

- Андрей Донатович, вам удастся сейчас смотреть на себя глазами лагерника?

- Удастся. Лагерь вспоминается часто. И когда я теперь встречаюсь с лагерными товарищами, мы все время смеемся. А вспоминаем ситуации не всегда забав-

ные, порою жутковатые... Кроме того, я довольно часто вижу сны - про то, что второй раз попал в лагерь. Это совсем не кошмары, нет, не кошмары. Снится, что у меня заканчивается второй срок. И мысль - как же я теперь во Францию попаду? И просыпаюсь не с чувством облегчения, а с иронической усмешкой, потому что после второго срока проделать все эти зигзаги - довольно странно.

- Да, одной эмиграции на жизнь хватает. Ведь вас наверняка постоянно спрашивают: не думаете ли о возвращении в Россию?

- Во всяком случае, в видимом будущем я себе такой задачи не ставлю. Ведь я почему эмигрировал? По единственной причине: хотел продолжать писать. А мне сказали: не уедете - отправитесь обратно в лагерь. Возвратиться в Россию... А зачем возвращаться? За материалом? Материала у меня хватает. Писать там? Вроде бы свобода слова, но уж очень зыбкая. Кроме того, я считаю, что писателю все равно, где его тело находится, ежели он продолжает работать. Потом я не уверен, что, если окончательно вернусь в Россию, меня там радостно начнут печатать. Нет. В России ко мне достаточно плохо относятся.

На кладбище было телевидение, операторы проворно скакали через яму и командовали. Все стали полукругом, гроб ушел под землю. Марья Васильевна растерянно посмотрела вниз. Ее фигура в длинном широком плаще, на секунду замершая, выстроила мизансцену трагедии. Начались речи. Уверенно вперед вышли генералы. Генерал официальный - посол, и еще более официальный - знаменитый поэт.

- Андрей Донатович, вы враг любого канона, разрушитель иерархии, противник системы. А тут - смокинг, трехвековая традиция, ранжир. Как себя чувствуете в качестве лауреата?

- Я сравниваю контрастные ситуации в своей судьбе. Поэтому немножко смешно, но я, скорее, над

собой смеюсь. И потом, я ведь враг не любого канона. Например, очень люблю фольклор - искусство каноническое. К тому же в Гарварде канон веселый. Это ритуал, но - игровой. Конечно, что-то меня стесняло, больше всего - смокинг, который я никогда в жизни не надевал, и это оказалось тяжелым испытанием. Я и галстуков-то не ношу.

Знаменитый поэт, давно освоивший похоронный жанр, привез горшок с землей с могилы Пастернака. Хочется думать, что земля набиралась из фикуса в посольстве - иначе пастернаковская могила должна напоминать карьер. Горшок опростался в яму, и тут Марья Васильевна прервала речи, сказав, что покойный был человек антиторжественный и веселый, поэтому пора идти в дом - выпивать, закусывать и рассказывать анекдоты, которые он так любил.

За два дня до смерти, предельно изнуренный и уже окончательно побежденный раком, Синявский хохотал над анекдотом о "новых русских", только ему пришлось объяснять, что такое сотовый телефон.

Марья Васильевна спохватилась на кладбище поздно, что понятно: у нее впервые умирает муж, а генералы всегда привычно и споро выходят вперед - диссидент - не диссидент, порядок есть порядок. Гражданин начальник всегда ощущает себя главнее нарушителя закона.

- Андрей Донатович, я помню, как вы настаивали на том, что по характеру не авантюрист, но ведь превращение Синявского в Терца - авантюра, и отчаянная.

- Да, но это была страсть... Я бы не рискнул стать, ну, например, грабителем или спекулянтом, мне это не интересно. А страсть писательства - другое дело. Хаксли где-то сказал, что с человеком случается чаще всего то, что на него похоже. Не потому, что он так хочет, а в силу судьбы и свойств характера, что ли. Вот и я не хотел таких поворотов, я не авантюрист, а, напротив, - кабинетный и тихий, даже скуч-

ный человек. Но закрутилась судьба, стала давать неожиданные узоры, и, когда пройдешь эти узоры, они тебе самому начинают нравиться. Но сознательно их повторять не следует.

- Любопытно, когда вы сейчас подыскивали сравнение - кем бы могли стать, то назвали не естественную авантюрную экзотику, вроде землепроходца, а грабителя и спекулянта. И псевдоним у вас бандитский. И в "Мыслях врасплох" сказано, что даже чтение книг - это кража, про писание и говорить не приходится. Так что - в вас прочно сидит убеждение в том, что писательство - нечто по сути своей незаконное?

- Да. Конечно. В данном случае слово "вор" - метафора слова "художник". Я в принципе за разных писателей, но мне лично реалистически описывать жизнь - встал, чаю попил - неинтересно. Я лучше вовсе писать не буду. Писание в моем понимании - нарушение запретов.

- А у кого ворует писатель?

- В моем случае - у государства. Когда государство монополизировало не только идеологию, но и стиль, то писатель естественно идет на преступление, если он настоящий писатель.

- Но сейчас как быть? Вы не перестали заниматься своим делом, не изменили позиции, но на вас не покушается ни Франция, ни Соединенные Штаты, никто. У кого же теперь писатель ворует?

- У общества. Если взять судьбы западных художников, то это обычно - крушение определенной традиции. Ну что, Джойс - не мог писать как принято?

- Еще как мог! По "Дублинцам" это хорошо видно - как он доводил до блеска приемы XIX века. Ничто не предвещало "Улисса".

- Ну вот. Писатель нового времени - всегда преступник. Всегда нарушитель обыденной нормы. Она ему просто надоедает.

- Да и сама идея записи своих мыслей, соображений - не очень-то естественна, правда?

- Это тоже ненормально. Вместо того, чтобы жить как все люди, писатель зачем-то пишет. То есть совершает выход из нормальной жизни.

- Получается, что ему мало той реальности, которая есть, он хочет свою создать. В конечном счете, ворует даже не у общества, а у самой жизни.

- Да, именно. Я помню, как мне чекисты говорили: "Лучше б ты человека убил". Да и в лагере не раз слышал от эзков, что любой писатель - сумасшедший, их всех сажать надо. Я говорю: "Как? Любого? И Достоевского?" Мне говорят: "И Достоевского". - "И Толстого?" - "И Толстого". Я спрашиваю: "Почему?" - "Да они жить мешают". Я сталкивался не раз с такой точкой зрения, и в каком-то смысле она понятна.

В доме на рю Борис Вильде, 8, шли поминки. Марья Васильевна, полгода бившаяся с болезнью, как с советской властью, заметно устала, но распоряжалась по обыкновению - не то Екатерина Великая, не то Екатерина Фурцева. С докладами и блюдами подходили близкие и приближенные. В саду были накрыты столы, гости усаживались на траву, один залез с бутылкой на дерево и громко требовал туда селедки. По-летнему грело солнце. Марья Васильевна говорила по телефону: "Спасибо, спасибо. Кто, вы говорите, дал номер? Эта сволочь?! Запомните: он - один из убийц Синявского". В углу гостя объясняла человеку в черном костюме, что Монтень - это не вино. Я рассматривал стеллажи, на которых лежали папки с надписями на корешках: "Выступления", "Кибиров", "Газеты-93", "Вагрич", "Мерзавцы".

- Андрей Донатович, если выступать перед большой аудиторией, о чем целесообразно, своевременно говорить?

- Я не моралист, не политик, для меня нет никаких целесообразных тем. Я всего только писатель - существо достаточно легкомысленное. Я бы говорил - не потому, что вообще важно, а потому, что важно для

меня лично, - о божественной стихии юмора и фантастики, которой окружены земля и небо.

- Андрей Донатович, хотелось бы поговорить о вашем коллеге, получившем почетную степень в Гарварде в 78-м году, - о Солженицыне. Я перечитывал его тогдашнюю речь и обнаружил довольно много сходного с вашими соображениями, изложенными в "Голосе из хора" и в "Мыслях врасплох". Я говорю о похвале русской духовности в сравнении с западным рационализмом, протест против здешней установки на право в ущерб правде - то, что Солженицын в своей гарвардской речи назвал "юридическим мышлением", и энергично против этого возражал, и так далее. То есть некоторые важные мотивы у вас обоих совпадают. При этом вы уже много лет воспринимаетесь основным оппонентом Солженицына, даже его антиподом.

- Отдельные взгляды у меня с Солженицыным действительно совпадают - что касается, например, духовности русского человека. Но существенно - что не совпадает: типы писателей. Я не говорю, кто лучше, кто хуже. Солженицын - вполне законная и прекрасная литературная фигура. Но по своему складу - он писатель-пророк, писатель-моралист. Мне такое чуждо - приехать на Запад и тут же начать его учить: Америка неправильно живет, надо жить по-другому, по телевизору улыбаются слишком часто, не надо улыбаться. Да и свой народ не стоит учить. Мне противно такое учительство. Я не люблю морализаторство позднего Толстого, Гоголя в его "Выбранных местах из переписки с друзьями".

- Но концептуальные совпадения все же несомненны. У вас в "Мыслях врасплох" написано: "Довольно твердить о человеке. Пора подумать о Боге" - вполне солженицынская фраза. Или вот рассуждение о краеугольном на Западе понятии свободы личности: "Никак не пойму, что за "свобода выбора", о которой столько толкует либеральная философия. Разве мы выбираем, кого нам любить, во что верить, чем болеть?" Все это

в целом соответствует протесту Солженицына против "юридического мышления".

- Конечно, я тоже считаю, что человеческая совесть, или божественная благодать, или милость Божья - выше, чем человеческие законы, государственные установления. Выше, выше. Но в том-то и дело, что юридические нормы на высшие ценности и не претендуют. Они ведают практикой повседневной жизни, и жить удобнее, руководствуясь ими, а не верой. скажем, в доброго царя-батюшку. И при помощи юридических норм - например, свободы слова, свободы совести - человек может исповедовать высшие духовные ценности. А вот без этих норм - не может, к сожалению.

- Морализаторство вам всегда было чуждо?

- Да, в силу рабочей специфики. И когда я говорю о духовности, понятие это окрашивается у меня эмоционально.

- Ну да, у вас и пьянство возведено в поэтическое достоинство: "Не с нужды и не с горя пьет русский народ, а по извечной потребности в чудесном и чрезвычайном". Речь идет, как я понимаю, не столько о духовности, сколько о художественности природы русского человека. Вы положили много сил на доказательство этого тезиса - о мощном творческом импульсе, проявляющемся в русском народе столь многообразно. Сейчас в России - социальный слом. При всех минусах этого процесса - самое время для реализации творческих потенций.

- Нет ведь строгой закономерности: дать гласность - будет творчество. Процессы эти иррациональны, не вполне постижимы. Все сразу не станут поэтами.

- Почему обязательно поэтами? Бизнесменами, коммерсантами, например, - очень творческое занятие.

- От меня это далеко. Мне гораздо ближе анекдот, который я недавно услышал, - вот где творческие возможности русского человека. На необитаемый остров попали француз, англичанин и русский. Поймали золотую рыбку, и, как положено, она каждому пообещала

исполнение трех желаний. Француз потребовал сто миллионов франков, дом в Париже и немедленно - на родину. Англичанин - сто миллионов фунтов, дом в Лондоне и - на родину. Русский, оставшись один, спросил рыбку: "Ящик водки можешь?" Получил. Второе желание - еще ящик. "А теперь, - сказал он рыбке в третий раз, - верни сюда этих двух охломонов". Ситуация комическая, но и творческая.

- Бердяев называл этот российский дар к обществу коммунотарностью. Переходя к высокому стилю, можно говорить и о соборности.

- Естественно, не просто ведь водка, но и компания. А кроме всего прочего, само появление этого анекдота свидетельствует о творческой потенции.

Поразительно, как закрепилось в сознании публики западничество Синявского. Видно, оттого, что посылал рукописи на Запад, оттого, что на Западе прожил четверть века. Между тем, поди найди большего патриота, русофила и почвенника. Или все дело в том, что патриотизм Синявского - просвещенный?

Синявский помещал русскую традицию во всемирный контекст, при этом упрямо настаивая на ее самобытности, особенности и известных преимуществах.

- Андрей Донатович, вы писали: "Я твержу, что свобода слова как раз писателям-то и не идет на благо, что от свободы писатель, случается, хиреет и вянет, как цветочек под слишком ярким солнцем". Как сказана свобода слова на литературном процессе и на литературных достижениях?

- Гласность способствовала литературному процессу. Это главное, и хотя я понимаю, что препятствия иногда помогают создавать что-то интересное и настоящее, но никогда не стану на этом основании сторонником цензуры. Цензура - это смерть.

- Общество и его культура утратили телеологический характер. Много лет опорой - со знаком плюс или минус - был социалистический реализм, по вашим

словам, "органичное явление для нашей литературы".
Теперь этого нет.

- Я имел в виду не столько практику советской власти, сколько систему строгих идеологических и стилистических канонов. При всем своем критическом отношении к соцреализму я находил и высокие образцы этого искусства. Например, Маяковский. Нормы выветриваются, но с соцреализмом не покончено - не потому, что его догмы продолжают насаждаться, а потому, что общество не вполне демократично. Взять вещи, даже хорошие вещи, деревенщиков - они часто написаны по сходным правилам. Я бы даже высказал еще более крамольную мысль: ведь "Красное колесо" во многом следует канонам соцреализма, хотя автор совершенно не соцреалист. Но в основе лежит идея романа-эпопеи как ведущего жанра - это веяния 30-х годов. Признается необходимость позитивной программы, положительного героя, которому подыгрывает автор, показывая, какой тот хороший и правильный. Ежели герои недостойны автора, то они обычно - негодяи. Либеральная интеллигенция у Солженицына - глупая и пошлая среда, никак не творческая. Из "Красного колеса" нельзя понять, как в России начала века могло развиваться такое великодушное искусство, если интеллигенция была сплошь дурачьем, отравленным революционными идеями. Это - идеологическая сетка, которая накладывается на события. Для меня это - социалистический реализм. Я оттого и стал Абрамом Терцем, что так сильно не любил соцреализм. Даже когда воспитывают и учат очень правильно, как надо жить не по лжи, это становится неприятно.

- Хочется соврать?

- Примерно так.

Имени - или именам - Синявского-Терца больше, чем кому-либо, отечественная словесность обязана ощущением легкости и дерзости. Современный писатель - чувством разрешения от обязательной роли наставника народов и властителя дум. Сове-

менный читатель - освобождением от подхода к книге как учебнику жизни.

Вспомним, кто становился героем Синявского-Терца, когда он писал не свою свободную гротескную беллетристику, а литературу о литературе - тот причудливый жанр, который правильнее всего обозначить попросту его именем. Его герои - Пушкин, Гоголь, Розанов, фольклор. Свободные творцы.

Впрочем, писатель, по Синявскому, - не вполне самостоятельная творческая личность. Он - проявление и продолжение народной традиции. И чем больше ей соответствует, тем он состоятельнее.

По-терцевски ловко вписав концепцию в традицию, Синявский вывел формулу писателя.

“Дурак совершает все невпопад и не как все люди, вопреки здравому смыслу и элементарному пониманию практической жизни”. Но именно “дурацкое поведение оказывается необходимым условием счастья - условием пришествия божественных или магических сил”. Подобно мудрецу или философу, Дурак “тоже находится в этом состоянии восприимчивой пассивности” - потому что “Дурак, как никто другой, доверяет Высшей силе. Он ей - открыт”.

Синявский идет дальше. Дурак показывает фокусы, веселя публику (“выполняет весьма важную функцию!”), а через эту деятельность протягивается нить между Дураком и Вором: “Оба они фокусники. Вор - всегда. Дурак - иногда”. Кража в сказке не носит негативной окраски - это имитация чуда. Или, по крайней мере, демонстрация высочайшего мастерства, проявление творческого потенциала - “не апофеоз безнравственности, но торжество эстетики”.

А на скрещении Дурака и Вора возникает еще один образ - Шута, чья задача “превратить нормальную жизнь в клоунаду”.

Итак, в качестве Дурака писатель является проводником высших сил. В качестве Вора - преступает установления и нарушает каноны. В качестве Шута - веселит и развлекает.

В этой сказочной цепочке нетрудно увидеть перекличку с другим любимым героем Синявского-Терца. В "Прогулках с Пушкиным" тоже шла речь о "восприимчивой пассивности", которая по-терцевски вызывающе названа "пустотой", - что есть (на самом-то деле и чего не поняли все оскорбленные этой книгой) способность вмещать все и быть рупором божественного глагола.

Но Пушкин - предельный случай, высокий идеал. А в более знакомом, обычном варианте - это художник вообще. Синявский тут закодировал вора, насмешника и писателя Абрама Терца, то есть сам себя - как старый живописец внедрял свой портрет в толпу придворных, как в переплетениях ветвей на загадочной картинке обнаруживался вверх ногами недостающий пионер.

- Андрей Донатович, в вашем "Голосе из хора" записана чья-то фраза: "Жизнь - это трогательная комбинация". Замечательное выражение, подходящее к вашей жизни Синявского-Терца.

- Действительно, очень похоже. Знаете, как-то в лагере ко мне подошел простой мужик, ээк, увидел, что я мрачный, и, желая приободрить, говорит: "Ничего, писателю и умирать полезно!"

- Вот мы теперь какие, - сказала Марья Васильевна, и вслед за ней я стал спускаться по лестнице.

Синявский остался лежать, задрав бороду, в голубой полосатой рубашке, застегнутой под горло, в черной флибустьерской повязке Абрама Терца с черепом и костями на левом глазу. Проверял - полезно ли писателю умирать.

А.К. Жолковский

ВСПОМИНАЯ СИНЯВСКОГО

Некоторые из моих сокурсников по филфаку МГУ просто учились у него, но у нас на романо-германском отделении русская литература не проходила. Его имя я впервые услышал, когда заговорили о его рецензии в "Новом мире" на один из первых оттепельных сборников Пастернака (1961). Начало было так далеко... Но в выходе пастернаковского тома Большой серии "Библиотеки поэта" с предисловием вскоре арестованного Синявского (1965) была уже видна рука истории, а задним числом узнается и его собственный двусмысленный почерк. Книгу покупали на черном рынке наполовину за стихи опального поэта, наполовину за предисловие бывшего советского критика.

Пастернаком я тогда не занимался, была пора структурного Sturm und Drang'a (том мне привезла польская лингвистка Анна Вержбицка), и предисловие на меня впечатления не произвело. Но процесс политической ферментации, катализатором которого стало дело Синявского и Даниэля, пошел, постепенно он вовлек и меня, и к 68-му году я созрел для подписания письма в защиту Гинзбурга и Галанскова, в свою очередь вступившихся уже непосредственно за сидящих "перевертышей".

Позже, обратившись со своими структурно-лингвистическими инструментами к поэтике и пона-

открывав Америк в области пастернаковских инвариантов, я вновь перечитал предисловие Синявского и обнаружил, что почти все это там уже было, только без помпы и парада, в тиши и без шума. (Андрей Донатович, для Вас мои центонные экзерсисы - не бином Ньютона). Когда потом в эмиграции, году в 80-м, Мельчук написал мне, что говорил о моих работах с Синявским и тот готов с ними познакомиться, я тут же послал все, что было напечатанного, и прежде всего некий вывезенный из Москвы грязноватый препринт, в котором рябило от нумерованных пунктов и подпунктов, буквенных сокращений и квазиматематических формул, - с трепетом от мысли, что меня прочтут на небе.

Меня прочли, но узнал я об этом не сразу. В 1984 году на пастернаковском симпозиуме в Иерусалиме я, наконец, увидел Синявского. Я подошел представиться, назвался - в ответ назвался и он - я сказал, что, конечно, знаю его по портретам - он как-то смущенно-издевательски ухмыльнулся и посмотрел на Марью Васильевну. Я расшаркался и отошел. Через некоторое время он сам подошел ко мне, сказал: "Вот Марья говорит, что я должен извиниться. Я прочел ваши работы, очень интересно..." - "Мне приятно слышать, что они Вам нравятся". - "Да, очень интересно. Марья говорит, что я должен объяснить, почему я засмеялся. По работам я представлял себе какого-то очкарика с буквами и цифирьками, а вы..." - "Понятно, эдакий здоровяк-волейболист..."

Мой доклад Синявскому понравился, и с его публикации в "Синтаксисе" (с посвящением "Андрею Синявскому - посаженному отцу советского пастернаковедения") начался мой роман с журналом. Все, что я в нем напечатал, было написано в "синявском" духе, часто под прямым впечатлением от обсуждений с А.Д. В освобождении - моем и целого поколения литературоведов - от структурализма и, шире, монологизма 60-х - начала 70-х годов Синявский сыграл

важнейшую роль, явив собой российских Барта и Деррида в одном лице. У него самого это шло от Розанова, элементы постструктурной разомкнутости были у Лотмана, параллельно влиял воскрешенный Бахтин, в том же направлении действовало эмигрантское открытие Америки, да и Европы...

Синявский был звуковым лицом этих сдвигов. В значительной степени - в силу своего мученического ореола, который столь показан российскому мыслителю, но который он носил с тем же полным отсутствием щегольства, что и старые домашние туфли. А в не меньшей степени - в силу своей тихой, но обескураживающей двоякости: способности сначала прожить, а затем и описать свои сложные игры с властью, оставаться диссидентом даже среди диссидентов, привечать Лимонова и т.д. и т.п. и в результате непрерывно состоять под судом и следствием.

Недавним и совершенно неожиданным подтверждением живучести его репутации деконструктора стала для меня переписка (по электронной почте) с моим давним московским другом, а ныне редактором одного из лингвистических журналов. Он пытался цитировать мои, скажем так, прогулки по одной из российских литературных святынь, и среди его категорических императивов было требование выбросить ссылки на работы Синявского о Пушкине и Гоголе. Читать это на экране компьютера в Лос-Анджелесе в середине 90-х годов было диковато. После напряженной борьбы я в конце концов победил, но победа Синявского была очевидна уже из того, что и через 20 лет после публикации его книги принадлежат к самому живому литературному жанру - запретной классики.

Однажды он завел разговор о вере в Бога: я сказал что-то добросовестно агностическое. А.Д. не стал меня переубеждать, только спросил: "Но в домовых-то, в леших-то Вы верите?" Я не засмеялся, потому что, помимо интеллектуальной неловкости, это

было бы и просто бестактно. Он сам был немного домовым или лешим, с его косоватой бородкой, разными глазами, полуавтобиографическими историями про крошку Цореса и Пхенца и проживанием под Парижем в доме Гюисманса без языка...

Как-то во время совместного посещения одного из замков-музеев под Парижем, уже после осмотра, мы обедали в полупустом вестибюле замка, превращенном в ресторан. Пользуясь огромностью зала, по нему туда и сюда бегал маленький мальчик с мячом, на которого изредка по-немецки шикали родители, сидевшие через несколько столиков. С того момента, как мальчик заметил Синявского, мяч стал все ближе и ближе подкатываться к нашему столику. Наконец, окончательно осмелев, мальчик подошел к Синявскому вплотную. "Bist Du ein Zwerg?" - спросил он. "Это слово я знаю", - сказал А.Д., и покраснев, с улыбкой кивнул мальчику. Счастливый невероятной встречей с гномом, мальчик побежал к родителям.

Последний раз я видел А.Д. в начале декабря 1996 года. Сам того не зная, он уже побывал при смерти, но теперь находился в состоянии ремиссии. Он писал на компьютере, сделал для меня перерыв, был гостеприимен и бодр. Он стал расспрашивать, чем я занимаюсь, одобрительно выслушал мое рассуждение (я приехал на конференцию по Чехову), что Зошенко - это великий "человек в футляре", а в ответ на мой отчет о демонтаже ахматовского мифа со смаком рассказал, как Ахматова придиралась к каждому слову его (хвалебной) статьи о ней, величественно поворачиваясь в профиль, и довела его до того, что он ушел со словами: "Пусть о Вас Сурков пишет!.."

Он дожил до расцвета той фантазмагорической литературы, появление которой пророчил 40 лет назад (в статье "Что такое социалистический реализм") и образцы которой дал тогда же. Он всегда был и жизнью полон в высшей мере, и одновременно не-

много косил, или сквозил, в мир домовых, русалок и виев, туда, где с маленьким фонариком в руке жук-человек приветствует знакомых. Там, наверно, он и прогуливается теперь, вместе с Пушкиным, в тени Гоголя, среди существ, подобных ему, опавших листьев, голосов из хора. Спокойной ночи, Андрей Донатович!

Andrei Sinyavsky

Георгий Гачев

УРА И УВЫ - СИНЯВСКОМУ!

Юбилейная речь по случаю 70-летия

Синявский - это уже человек-миф. Предложу некое толкование этого мифа, мифо-логию. Впрочем, это будет уже мой миф о мифе, мой образ синявского феномена.

С юности у нас в душах (а мы с С. почти одного поколения: ему вот 70, мне 66) формула Ленина: "Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя". "А вот я попробую!.." - таким мне чувствуется исходный импульс пути и дела С. (Во мне он - таков). Не идти "в ногу со временем", а создать свое Пространство-Время, в коем обитать и в нем идти своим путем-дорогою. Не выбираемы страна и эпоха. Но в них мне надо прожить мою единственную жизнь - и чтоб по истине, по совести и счастливо. Трудно совместимо? Да. Требуется усилий и воображения. И вот Синявские: Андрей да Марья - удачный опыт так жить жизнь и осуществить себя.

Тут в истоке, конечно, - талант, одаренность природы, которая естественно для себя - как живет, глядит, говорит - так и раздвигает своим избытком пространство Бытия и осеменяет его умом и красотой, "луг многоцветный" создавая. Синявский - человек Восхищенного Разума, "очарованный странник" по жизни и культуре. Он - любит. Борьба же и критика - побочный продукт Любви. Есть люди другого типа: помпадуры борьбы, критики, в ком зудит,

“кипит наш разум возмущенный”... Они вцепляются в наличное бытие - будто свет на нем клином сошелся, и разрушают до основания и переустраивают. Зачем? Строй рядом. “У Бога обителй много”. Имей воображение, взвись и виждь (иные возможности существования и творчества), прямо осуществляй - Слово, не дожидаясь у-слов-ий и прав-разрешений. “Если хочешь быть счастливым - будь им”. Если хочешь быть свободным - будь им: твори пространство Свободы, а не испрашивай прав на нее, как талона и ордера на Свободу...

Это я все излагаю урок нам от жизни и творчества Синяевского (как я его понимаю). Ему пришлось бороться - да: ибо вдвигать свое живое пространство-время в окаменевший советский социум - как же без “сопромата”?.. Но Борьба - следствие Игры. Азарт, а не Ненависть. (Пишу эти слова с большой буквы, так как то действующие силы, “божества” нашего существования, мотивы и энергии, нами движущие).

Синяевский - Игрок, homo ludens, “человек играющий”, но не *rag excellence*, “по преимуществу”. Игра и игровое отношение к Бытию в нем, как художественной натуре, эстетическом человеке, есть, мощно движет. Но все же Игрок - перетасовывает наличное бытие, паразит. А художник - Творец, добавляет к Бытию. Игрок - циник. В творчестве - Любовь плодоносяща. В Синяевском - положительное отношение ко всему, миро-любие. Вроде противник ему советский строй, что давил его свободную творческую личность. Но и это - любит, “врага своего”. И недаром “Любимов” - так названа его “преступная” повесть, за которую его судили. Это имя символического советского Города, где происходит действие. Но вслушайтесь: не “Глупов” (как у Щедрина), но “Любимов”! Писатель Синяевский если и противостоял нашей советской жизни и государству в поединке, то победил своего “врага” единственно победным для писателя оружием: художественным воспроизведением этой трудной реальности. Он возлюбил ее, как уже

своего персонажа, - и так “расправился” с возлюбленным врагом: превратив его в друга. То есть эстетический подход тут равносителен христианскому, сверхэстетическому: “возлюбите врагов своих!” Этик - судит (а сказано: “не суди!”), эстетик - любит. Литература Синявского - это совсем иной уровень, нежели всякая “обличительная” литература, что тупо и всерьез колет нашу историю, ее учреждения и действующих лиц. Да ведь и они - в драме и фарсе Бытия - роли исполняли необходимые, не ведая, что творят.

А знаменитая статья “Что такое социалистический реализм?”, которую инкриминировали ему как “охаивание” советской действительности и литературы, - да это же ОДА! Она поразительна была именно оправдывающей это явление интонацией: что это детище великой Идеи, Цели. Он в пиитическом восторге и ужасе перед сим феноменом. Он объяснял и даже хвалил - но по-своему, а не как положено: и это самое нестерпимое для Власти: свободноличностное к ней отношение и даже приятие. Да и плюс еще - обертон иронии...

Путь Синявского - путь естественного, органического вырастания. Душа Кандида, Простодушного, с детской способностью удивляться. А удивление, по Аристотелю, - начало познания. И все писания С. - это акты первоудивлений - бытию, человеку, воздуху, Пушкину, Гоголю, Розанову... - и потому так небывало смог на все взглянуть и прописать. Представляю, как удивился он, нормальный советский юноша, выросший в мифологии тридцатых годов, любящий Маяковского, когда попались ему стихи Пастернака, Мандельштама: ведь это же так хорошо! - и почему НЕЛЬЗЯ? И - позволил себе любить, и читать, и писать - неположенное и непрошенное.

Естественный человек - в социуме Принуждения и Обязательности. Он выросстал, набухал своим содержанием - и внутри советского социума уже создал себе нишу экологическую и культурную, где обитать. Что в нее входит, каков состав ее? Самое глав-

ное - Любовь, Жена, что конгениальна ему, Марья Васильевна Розанова. В ней и красота, и ум, и талант, и воля, озорство и игра, дева-воительница она, как валькирия. Вдвоем они и смогли сотворить особую вселенную и выиграть битву с монстром Державы... Он - такой мужичок-старичок-боровичок, леший бородатый; она же - будто Аленушка из сказки, но вместе с омутом, над которым та пригорюнилась, сидючи, завлекаючи... Русалка. Розанова. Розовая. А он - Синий. Кровь и Небо. Жизнь и Дух... РО-СИ - они вместе, как спора России: таковою ныне уж в эмиграции обитают...

Синявские - первопроходцы были, открыватели и в стиле жизни, в модусе вивенди, и в круге чтения и интеллектуальных интересов. Когда у нас "модернизм" бякою был, о Пикассо Синявский с Голломштоком книгу написал, где природнил нам эту странность и такую естественностью разъяснил. Когда на моды Запада зырили наши "звездные мальчики", в "оттепель", они, Андрей да Марья, повадились на русский Север каждое лето отчаливать - и там прялки и иконы попавшие собирали и древнерусскую красоту промышляли в писаниях своих. Когда молодым Марксом и Гегелем ум питали многие, ну, экзистенциализмом еще, он мне предложил Федорова "Философию общего дела" и Флоренского "Столп и утверждение истины" - собирал уже давно эти книжицы. И Розанова, и Федотова... Но и "Аврору" Якоба Беме, и "Закат Европы" Шпенглера мне давали...

А житье интеллигента в деревне - и этот модус-статус ими первыми осуществлен. Арендовали они на Волоколамском шоссе в деревеньке Денькове избу и жили там не только летом, но и зимой в начале 60-х. Мы туда ездили, капусту рубить помогали, на печке спали. В большом доме - как в Абрамцеве - и художник жил-работал, и литературовед Меньшутин, с кем Синявский книгу о поэзии первых лет революции написал. Так меня заворожил этот модус вивенди, что я даже себе избу арендовал в 1968-м, потом и ку-

пил, и повел натуральное хозяйство - материальное и духовное, вдали от ярмарки социума, работая полдня утром, полдня руками и семью кормя...

Но главное пионерство Синявского в стиле жизни людей культуры - это не просто писание и творчество "в стол" - то многие страусино-трусливо умеют делать, moi у compis (включая и меня), но он осмелился пробить "железный занавес", передавать свои сочинения потайно на Запад и печатать за границей под псевдонимом "Абрам Терц". И тут уж пошла Большая Игра - не на живот, а на смерть даже. Захватывающий риск, что - в русском стиле, о чем Пушкин:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю...

В сарайчике в Денькове, на отшибе и на приволье. Да и в подвальчике на Хлебном переулке, во столице, Синявский выделывал-алхимичил Абрашку Терца, сего Гомункулюса потайно в лоне своем самозачал и взращивал, сего отчаянного камикадзе от литературы...

Но откуда, зачем Абрам Терц, сей персонаж блатного одесско-еврейского эпоса, - совершенно русскому Синявскому понадобился во псевдонимы, в "живые помочи" душе? Да затем же, зачем Пушкину примесь эфиопско-семитской крови: как жарко-огненная закваска, что позволяет противостать-одолеть засасывающую сырь энтропийного космоса матери - сырой земли, что клонит в дрему берложье-обломовскую, гнет спать, пить и истаять - имеет эрос к Небытию... Абрам Терц - это имя-перец. И Синявский мог бы Синюшным стать-сникнуть (человек он мягкой конструкции), не подливай он в себя сей коньяк с Юга: Южнорусской школы приток советской литературы влил солнечность и юмор в иначе сугубо серьезно-серо-трагичную монотонь только русской традиции... Да и вслушайтесь в звучность имен: "Андрей Синявский" - это, конечно, красиво, певуче, как "Сергей Есенин", "Евгений Онегин", что

как “не белы снеги”: имя-слово все - на гласные шири (“е”) и дали (“и”) и на сонорные-сонные (“н”) инструментованная звучность. В именах таковых - русалочья мана русской дали-шири, влекущая прочь от себя и отсюда в путь-дорогу - и в истаивание в некоем воздухе (“й”). Ангельский демонизм: дух воздушного пространства, не земно-жизненный... “Андрей Синявский” - слоги открытые, как русская душа - нараспашку. “Абрам” же “Терц” - слоги жесткие, закрытые, упругие, как дом и “я”, себе на уме. В имени - вертикаль “А”, рокот “р” (= звук “я”), огне-земля глухих = сухих согласных. Имя - как сгусток энергии. Имя-пружина, как нож кривой. Таким именем можно себя заряжать-мужествить...

И тут уж пошло мифологическое существование: Синявский один - во многих лицах-ипостасях одновременно существует, как индийские боги в аватарах. Ходит на заседания сектора советской литературы Института мировой литературы научный сотрудник Синявский, а там, на Западе, выходят эссе и повести страшного вора и картежника Абрама Терца. Улыбается в редакции “Нового мира” талантливый критик - и великолепного стиля статьи и рецензии выходят из-под его пера. И в школе-студии МХАТа - лектор, любимый студентами. А в сарайчике в деревне Деньково сочиняет недозволенное, самочинное... Тут уж не двойничество, а поболее ролей-масок...

И таковое даже в теле его прописано. У него один глаз прямо, а другой вбок смотрит, как бы убегающая в нездешние, трансцендентные измерения бытия, их видя и оттуда подачу энергии и смысла получая... Но распада личности не происходит - напротив: богатое единство многообразия. То ли ему Зодиак помогает? Он же под созвездием Весов родился, а, значит, - МЕРА ему присуща. Способность гармонизировать разное, расходящееся. И в его сочинениях категория Прекрасного, а не Возвышенного работает. Кричащие крайности Гоголя или Достоевского ему претят, ужасны. А вот Пушкин - свой брат... И в ха-

рактере: простодушен - и лукав, наивен - и себе на уме, и мальчик - и старичок...

Но это - его личный миф. А вот ПРОЦЕСС Синявского-Даниэля - это уже миф советской и мировой истории XX века. Что там парадоксально? Перед судом предстал просто мирный человек, писатель, эстет, не имевший никакой амбиции быть гражданином. Помните некрасовское:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан?

Синявский, в соответствии со своим талантом-призванием, считал себя обязанным быть именно писателем-художником, не зарывать свой талант, а реализовывать его. И стоял на этом несбиваемо. И это оказалось чудом неслыханного у нас доселе гражданственного поведения. Поэт по существу и натуре, Синявский стал гражданином поневоле. Поэт и Артист, он сыграл роль Гражданина великолепно - именно потому, что ИГРОВО себя в жизни поставил, не совсем всерьез... А, впрочем, может, это уже аберрация, и так сейчас, когда все благополучно обернулось, представляется. А тогда-то шло дело "до полной гибели всерьез"... Но опять же - свобода воображения помогла: что можно по-иному вести себя, нежели прежде на процессах - каявшиеся и запуганные...

Процесс, героическое поведение на нем, потом лагерь и мировое движение в его защиту - принесли мировую славу Синявскому, но несколько перекосили его суть да дело как писателя и его роль и вес в истории русской литературы и мысли. И те диссиденты, что так рьяно писали протесты и вставали в защиту "мученика прав человека" Синявского, когда к ним попадали его тексты, понимали ли, ЧТО читают? От "Прогулок с Пушкиным", этой шампанской книги, в стиле Первой главы "Евгения Онегина", отвернулись чопорные ученые Запада. Но и наши "русичи" какую кампанию развернули против оскорбителя "нашего Пушкина"... То есть высокий эстети-

ческий уровень сочинений Синявского, их художественный аристократизм пока заслонен игровым Терцем и гражданственным Процессом. А между тем главная амбиция Синявского - литературно-творческая. И тут он действительно фигура значительная и оригинальная. Выскажу несколько соображений об этом.

Есть, грубо говоря, два типа писателей: писатель от литературы и писатель от жизни. То есть один растет в атмосфере книг, Слова, начитан - и в подражание начинает и сам писать. Другой - живет, страдает, переживает, мыслит, много видит и испытывает потребность рассказать о своих опытах и виденном с помощью слов - итак появляется текст, сочинение. Писатели от литературы - это Пушкин, Гоголь, поэты и писатели Серебряного века... Писатели от жизни - Толстой, Чехов, Горький, большинство советских писателей, вплоть до Солженицына...

Синявский - филолог по образованию, литературовед по профессии. Его эрудиция, художественная культура - и импульс, но и помеха собственному сочинительству: как же осмеливаться писать, когда столько прекрасного уже написано? Да и слух ловит тебя на слове и фразе: это похоже на Гоголя, а это на Розанова... И Синявскому на пути к собственному художественному творчеству предстояло наработать себе содержание жизни, ее опыты, подтянуть их под свою культуру, идти сверху вниз, в отличие от "нормальных" писателей России и советских... Правда, были у нас Тынянов, Каверин, филологи по образованию и литературоведы по началу, что стали прозаиками, но они жидковаты в этом (не перла субстанция нутряная), да и сюжеты и чужой жизни придумывали, комбинировали ("Кюхля", "Два капитана"...). И Синявский подобно начал: комбинируя чужое, придумывая: таковы первые рассказы и повести: "Квартиранты", "Графоманы", "Любимов"... Но ими он себе накликал Судьбу: и рискованную игру под именем Абрама Терца, и процесс, и лагерь - такие

опыты и сюжеты, что дух захватывает!.. И недаром он признавался, что самые счастливые годы жизни провел и самых интересных людей встречал - в лагере!.. Что ему и требовалось... Так что Синявский жизнь разыграл - как художественное произведение, плод искусства, интриги, и выделал себя персонажем, будучи автором в истоке.

И тогда-то пошло! Напитавшись духом Жизни и Судьбы, ум его и слово запорождали первоклассное: "Голос из хора" - письма о лагерной жизни, что - как идиллия (парадоксально так!) предстала; "Прогулки с Пушкиным", "В тени Гоголя". И его тексты о литературе, писанные из и после лагеря, пронизались экзистенцией мощной - и мысль и слово заиграли, зарезвились привольно. И вполне органично вышло, что самое значительное его художественное произведение - роман "Спокойной ночи" - написано в его позднем возрасте (вышел в 1984 г.).

Да, крещендо все шло... Но - "на всякого мудреца довольно простоты"... Когда я сегодня принял по новой размышлять над Синявским и его делом, во мне меланхолически зазвучали стихи Пушкина из "Онегина", когда Евгений склонился над трупом Ленского:

Приятно дерзкой эпиграммой

Взбесить оплошного врага...

Еще приятнее в молчанье

Ему готовить честный гроб...

Но отослать его к отцам

Едва ль приятно будет вам.

Весело было Абраму Терцу озорничать ВНУТРИ советской цивилизации, которой Синявский сын природный. И шалун Блудный сын, и богема имеет смысл и почву - пока цел Отец и при нем Сын послушный, служивый (даже в "органах" - половых-понизовых: об их людях вполне великодушно - в романе "Спокойной ночи"). Но когда сокрушилась советская цивилизация - и не без сильного импульса процесса Синявского-Даниэля и последовавшего за

тем диссидентского движения, да и Россия под угрозой развала... - где прописываться литературному делу Синявского, коли не по истории русской советской культуры?.. Не по сорбонским же анналам!..

Подобное же - и с Солженицыным. Тараня со всей яростью и мощью ненавистные ему Коммунизм и Советский Союз, не заметил он, как перешел грань и уже гвоздил по любимой им России, которой советская держава была естественным продолжением. А во второй, не жестокой половине советского семидесятилетия вполне сносно можно было существовать. Да и то сказать: оба они - и Солженицын, и Синявский - вели искусственную жизнь подпольщиков в собственной стране - и не знали будничной жизни простых советских людей: как была защищена женщина-мать, как мы пользовались благами социализма: и бесплатным образованием, и медициной, и пионерлагерями и детсадами, и не надрывались на работе, превращая время в деньги, и были защищены монополией государства на террор - от частного-инициативного терроризма, среди которого обитаем ныне.

Увы нам смертным! Даже такие талантливые и умные - видят только части Истины. "По частям разумеется!" - говорил апостол Павел. А часть - есть ложь Целого... Вот и изрекай после этого нечто... Это же относится и к моему сему тексту.

11.10.95

ПАМЯТИ АНДРЕЯ СИНЯВСКОГО

Про него рассказывают, что он сидел в лагерях. Солженицына это одело мраморной робой, его - нет. Про него говорят, что его любила дочь Сталина. К Каплеру это приросло, к нему - нет. Про него сообщают, что он был диссидентом, - вот не избежал, значит, душных объятий эпохи? Да и как отрицать ненасытное кровавое чрево, материнскую мутную колыбельную скифски-скуластой страны? Но даже в мордовском лагере его соседом по нарам был Пушкин. Русской литературе предписана тяжелая поступь под грузом истории, и лодыжки у нее широковаты. Ах, ножки, ножки, где вы ныне! А у него - легкость, не выслуженная, а дарованная, подверстывающая в один ряд остролистую готику, XIX век, Византию, - к извилистым речениям уголовников. Повсюду свой - и не свой на разных материках судьбы. Борода - и та, у других русофильская, а у него - добровольно-еврейская. Источник свободы - не западная демократия, а вековой запах тления книг. Можно упрекнуть прожившего под этим книжным наркозом, что он не увидел действительности. Но кто нам сказал, что такое действительность? Вдруг она - не то, что действительно, а то, что действенно? А что более действенно для судеб непрерывно творимого мира, чем прочитанные книги?

И снова скифский простор, и каменные бабы. Их воздвигали, оказывается, не для того, чтобы почтить память дорогого покойника, а чтобы уловить и запереть в каменном истукане опасный дух убитого

врага. То или другое - суть ли важно? Противоположности смыкаются. Желаем воздать почести, увековечить - и запираем в саркофаги, воздвигаем неразбиваемые пирамиды, замуровываем в гражданские доблести, не замечая, что остаемся со своими окаменелостями. А дух не удержишь. Выскользнет и побегит дальше на легких ножках.

О нем говорят, что он был писатель, и это достоверно.

P.S.

Дорогая Мария Васильевна,

Решаюсь послать Вам текст, происхождение которого таково. После смерти Андрея Донатовича мои студенты (я читаю лекции и веду семинар эссеистов в Институте журналистики при "Литгазете") попросили посвятить одно занятие памяти ушедшего. Как и полагается по нашей учебной схеме, я предложил им написать краткие эссе о Синявском, а поскольку это было в дни траура, допустил и форму прощания. ... Эту работу лучшей студентки моего семинара Светланы Ивановой (она уже печатается) я и посылаю Вам в знак общего к Вам уважения и в подтверждение неослабевающего интереса к фигуре А.Д. Надо учесть, что возраст моих студентов - студенческий, то есть им всего лишь за двадцать, для них наши дела - дела давно минувших дней, и поэтому эту работу Свет. Ивановой начинается словами: "Про него рассказывают, что он сидел в лагерях..."

Ваш - Л. Аннинский

23.3.97

ПАМЯТИ ТЕРЦА

Нелегко будет России замолить свою вину перед Синявским. В его судьбе она раскрыла во всю ширь и глубь всю свою “бездну унижений”. Эта, по его же собственному определению, “родина-сука” выявила еще в ранние студенческие годы исключительный талант, незаурядный ум, начала с ним “работать”, то есть шельмовать самым гнусным образом, ну а потом, когда выяснилось, что молодой человек не сдался, не дал погубить свой талант и душу, расвирепев, засунула в свое узилище и только уж потом, отжевав, отглумившись, выплюнула за границу. Утерлась, довольная: все-таки молодость сожрала.

С другой стороны, для той же самой России в ее какой-то, может быть, почти не существующей или совсем не существующей, но витающей над нами астральной модели, иными словами, для “идеалистической России”, имя Синявского вместе с Даниэлем навсегда останутся символами борьбы и даже победы. Судилище 1966 года вместо того, чтобы запугать, открыло в обществе существование какого-то труднообъяснимого резерва свободы, то ли уцелевшего со старых времен, то ли накопившегося заново.

Так или иначе, дальше все пошло в присутствии и под пристальным наблюдением Андрея Донатовича Синявского, человека весьма оригинальной внешности. Маленький, с длинной бородой и косым глазом, он вроде бы напоминал нам каких-нибудь пустынников или лесовиков, однако всякий раз, как я его видел, я вспоминал бритого Сартра.

Разумеется, было что-то общее у этих двух людей не только во внешности, но и во взглядах на суть человеческого бытия, то есть, по-сартровски говоря,

“экзистанса”. Свой личностной и художественной практикой Синявский как бы всегда подтверждал один из ведущих постулатов сартровской философии, постулат о могучем и грозном уровне человеческой свободы. Человек способен сделать выбор среди альтернатив, удовлетворяющих определенную цель. Он способен также выбрать цель из тех, что способны удовлетворить определенную, то есть тоже выбранную, человеческую природу. Таким образом, не существует никаких ограничений человеческой свободы, а те, кто говорит о психологическом детерминизме, на самом деле просто пытаются избежать ответственности за свой выбор.

Многие произведения Синявского-Терца, такие, например, как “Крошка Цорес” или “Спокойной ночи”, можно рассматривать как притчи о человеческой свободе. Он, казалось, органически не мог произнести слова “мы”, то есть связать себя хоть какими-то путями. При чтении Терца тебя то и дело пронизывает чувство тотального одиночества. Герой “Голоса из хора” - это по сути дела то же самое лицо, что и “Пхенц”, притворяющийся человеком, мыслящий отросток из космических глубин. Бесформенность изначальной человеческой ситуации в мире является как бы необходимым элементом для его радикальной свободы. Существование тем не менее предшествует сути. Человек отрицает пустоту мира, создавая его суть для себя, переделывая “вещь в себе” в “вещь для себя”, сам создавая для себя структуру мира.

Все писатели при жизни немного кокетничают. Тот же Сартр без конца кокетничал со своими поклонниками, студентами левого берега Сены. Так и Пушкин постоянно кокетничал, мы знаем с кем. Так и Синявский при всей суровости своего выбора оставался человеком, полным юмора и литературного кокетства, подхватывал Пушкина под ручку, флиртовал с ним по бульварам, грассировали напропалую, демонстрировали тотальную “неангажированность”.

Впрочем, и в этом кокетстве, и в частой иронии он всегда оставался вопиющим одиночкой, недаром избрал в самом себе “Абрама для битья”.

Открываем наугад “Мысли врасплох” и читаем: “Жизнь человека похожа на служебную командировку. Она коротка и ответственна... Тебе поставлены сроки и отпущены суммы. И не тебе одному. Все мы на земле не гости и не хозяева, не туристы и не туземцы. Все мы - командировочные”.

“Надо бы умирать так, чтобы крикнуть (шепнуть) перед смертью: - Ура, мы отплываем!”

“Довольно твердить о человеке. Пора подумать о Боге”. “Мысли о Боге неиссякаемы и велики, как море. Они захлестывают, в них тонешь с головой, с руками, не достигая дна. Бог в нашем сознании - понятие настолько широкое, что способно выступать как собственная противоположность даже в рамках единой религиозной доктрины. Он - непознаваем и узнаваем повсюду, недоступен и ближе близкого, жесток и добр, абсурден, иррационален и предельно логичен. Ни одно понятие не дает такого размаха в колебании смысла, не предоставляет столько возможностей постижения и толкования (при одновременно твердой уверенности в его безусловной точности). Уже это говорит о значительности стоящего за ним Лица и Предмета наших верований, наших раздумий. В Бога можно по-разному верить, о нем можно бесконечно думать: Он охватывает все и везде присутствует, как самое главное, ни в чем не уместяясь. Это самое огромное, единственное явление в мире. Кроме этого ничего нет”.

Эти мысли, разумеется, уводят Андрея Донатовича Синявского от предполагаемой нами близости к Сартру с его постулатом “смерти Бога” и возвращают его туда, откуда он и пришел, к Бердяеву и Шестову, в энергетические поля той “идеалистической России”, ради которой он и прожил свою творческую жизнь.

Дмитрий Быков

ПАМЯТИ АНДРЕЯ СИНЯВСКОГО

Есть соблазн написать, что Андрей Синявский умер, а Абрам Терц жив. Эту пошлость наверняка изречет кто-нибудь из лакировщиков Синявского, старательно делавших из него жертву, правозащитника, пушкиниста и вообще совесть нации.

Между тем у Синявского с Терцем были сложные отношения. Терц поработил своего создателя, заставил за себя отсиживать (разгуливая при этом на такой свободе, что дух захватывает). Лагерник Синяв-

ский грузил железо - Терц писал "Прогулки с Пушкиным". Истощенный Синявский хлебал баланду - Терц пировал в тени Гоголя. Филолог Синявский изучал блатной фольклор и сектантские нравы - Терц посматривал на него со стороны и приговаривал: "Так и надо". Это Терц, бесстрашный налетчик, устами старого вора сказал однажды Синявскому его любимую с тех пор фразу: "Писателю и умирать полезно".

Синявский сильно косил, почти по стихам Лосева: "Один мой глаз глядит на вас, другой - на Бога". Раздвоение личности было его привычным, нормальным состоянием: Терц - в представлении своего носителя - был выше его ростом, ходил враскачку, пером орудовал, как "пером", носил усики. Синявский имел бороду лопатой, был невысок, худ, ходил медленно и даже закурить предлагал с просительной какой-то интонацией. Всякий раз, когда у Синявского был шанс спастись, Терц заставлял идти до конца. Вся жизнь он мечтал избавиться от этого тихого филолога, гнал его то в подполье, то в лагерь, то в эмиграцию - теперь добил, ан писать за него стало некому. Ситуация из песни Высоцкого про ЯК-истребитель: Синявский читал Высоцкому лекции в школе-студии МХАТ. Высоцкий подарил Синявскому коляску для сына Егора.

Терц изжил, исписал Синявского. Освободился и умер.

В русской литературе последнего времени не было человека, так же страстно, неотступно сосредоточенного на смерти, как Синявский. Она его волновала и притягивала страшно, это было его христианство, во многом унаследованное и усвоенное от любимого Розанова (книга Синявского о нем, по-моему, лучшая), но еще более отважное и бескомпромиссное. Розанов за собой замечал, что ко Христу он обращается в самые пограничные, самые страшные свои минуты. Для Синявского христианство было - постоянная готовность умереть, он и в литературу

шел, как на смерть, и эту готовность скорее исчезнуть, чем сдаться, он называл главным оружием христианина. Смерть он считал самым значимым событием жизни. На запретной зоне в лагере он мечтал укрепить плакат: "Не бойтесь смерти". Он постоянно сознавал, как легко его уничтожить: ткни - и нету. Эта всечасная готовность умереть проистекала у Синявского от абсолютного доверия к Богу, которому он призывал верить, как собака хозяину. Позовет - беги. Принято говорить о внутренней свободе Синявского. Бред. "Никак не пойму, что за "свобода выбора", о которой столько толкует либеральная философия. Разве мы выбираем, кого нам любить, во что верить, чем болеть? Любовь - монархия, деспотия... О какой свободе мы помышляем, когда поглощены, когда ничего не помним, не видим, кроме Предмета, который нас выбрал и, выбрав, мучает или одаривает? Свобода всегда негативна и предполагает пустоту. Свобода - голод, тоска по власти, и если сейчас о ней так много болтают, это значит, что мы находимся в состоянии междуцарствия" ("Мысли врасплох", 1965).

У человека, которому есть, за что умирать, свобода одна - умереть. Все остальное время Синявский делал то, чего хотел Терц, чего хотел Бог: писал, думал.

Лагерь его не сломил, но повредил ему во всех отношениях: не только лишил возможности написать лучшие художественные тексты (а фантаст Синявский в середине шестидесятых был на взлете), но и заслонила его литературную деятельность. Остался процесс Синявского и Даниэля, первых нераскаявшихся политзаключенных в советской истории; остался скандал вокруг "Прогулок"; осталась полемика с Максимовым и примирение с ним; полемика с Солженицыным; непримиримое неприятие стрельбы по Белому дому в октябре 1993 года... Все это сегодня, когда внелитературные обстоятельства важнее литературных, оттеснило гениальную прозу Синяв-

СТРАННОСТИ ЛЮБВИ

Абрам Терц так долго был моим кумиром, что даже познакомившись с Андреем Донатовичем, я не позволял себе путать одного с другим.

По-моему, Синявский делал то же самое. Терца он представлял себе черноусым красавчиком, молодцеватым, вороватым, с ножом, который, как с удовольствием отмечал Синявский, на блатном языке называют "пером". Сам Синявский был прямой антитезой своему герою. Маленький, сутулый, с огромной седой бородой, он не смеялся, а хихикал, не говорил, а приговаривал. Глаза его смотрели в разные стороны, отчего казалось, что он видит что-то такое, чего собеседнику и не снилось. Вокруг него вечно вился табачный дымок, и на стуле он сидел, как на пеньке. Что-то такое я видел ребенком в кукольном театре. С годами он все больше походил на гнома, вернее, на персонажа русской мифологии - лешего, домового, банника. По-моему, он это сходство в себе культивировал. Во всяком случае, нравилось оно ему чрезвычайно. "Ивана-дурака", одну из своих последних книг, он надписал: "с лешачим приветом".

Поразительно, что человек, которого любили даже зэки, мог возбуждать и вражду. Синявский - единственный в истории нашего инакомыслия - умудрился трижды вызвать бурю негодования. С горьким достоинством он писал о себе: "Я вообще враг. Враг как таковой. Не то, чтобы я сперва был кому-то другом, потом стал врагом. Я вообще никому не друг, а только - враг".

По-моему, во всем виноваты странности любви: Синявского громили за то, что он любил больше всего в жизни.

Первую волну негодования обрушила на него советская власть, решившая, что он ее свергает. На самом деле, Синявский был тайным революционером, трепетно хранившим верность тем ее идеалам, о которых сам режим и не вспоминал. В автобиографической "Спокойной ночи" он пишет о своем любимом Маяковском: "В нем одном, самоубийце, тле неукротимый и праведный уголь революции ее начальной стадии, вносившей отголоском что-то истовое и возвышенное в нашу кондовую, комсомольскую доблесть". Это "возвышенное" Синявский сохранил до конца - этой зимой он мечтал дописать работу о Маяковском, которая должна была завершить трилогию, начатую терцевскими книгами о Пушкине и Гоголе.

Второй раз Синявского невзлюбила эмиграция. Ему вменяли в виду несдержанное западничество. И опять - мимо. Синявский и правда нежно любил Запад. Еще один проект, из тех, что он не успел завершить, связан с публикацией путевых очерков, собравшихся за четверть века европейских путешествий. Но все же на Западе он был гостем. Синявский, за исключением, может быть, одного Высоцкого, которого он же и открыл, был самым русским автором нашей словесности. Улавливая тончайшим литературным чутьем ее тайные ходы, он умело вел прямую линию от протопопа Аввакума через Пушкина, Гоголя, Розанова и Маяковского к сегодняшнему дню.

Третий раз Синявский попал в опалу на заре перестройки как русофоб. Но что об этом говорить, если Пушкина от Абрама Терца защищали люди, которым так и не удалось написать по-русски грамотного предложения.

Синявский мужественно нес свой крест, остроумно и изошренно защищаясь от нападков. Вагрич Бахчанян, которого Андрей Донатович очень любил,

изобразил эту борьбу в виде поединка фехтовальщика с носорогом.

С этим животным связана наша последняя, как я узнал сегодня, встреча с Синявским. Мы гуляли по нью-йоркскому музею естественной истории, и Андрей Донатович рассказывал, как в детстве хотел жить в чучеле носорога. Впрочем, живых зверей он любил больше - и я обещал в следующий раз сводить его в наш огромный бронкский зоопарк.

Сегодня утром выяснилось, что следующего раза не будет.

26 февраля 97 года

608 Она стояла, как столб
как статуя, в моей
теплой комнате
(Машина времени)

Я говорил с людьми, но
на самом деле писал. Я
делаю вид, что пишу, но
на самом деле писал.
(Самонаписущая ручка)

Голос без хора, с. 608

ЗАМЕТКИ К БИОГРАФИИ АБРАМА ТЕРЦА

“Все биографии - вранье чужих столетий”
С Гомера повелось такое... “а затем” -
Хаям, Вийон, Шекспир...

Их не было на свете?

Тогда уж Терца точ-

но не было совсем!

А кто же был?

Да Пхенц, и - запер дверь...

... Гуляй в подшитых валенках теперь,
А рядом - Пушкин с тросточкой и в шляпе
(или в цилиндре? Разницы тут нет!)...

“В запасе вечность”, как сказал поэт...

(Ну тот, что паспортину держит в лапе)

Един в трех лицах - Пхенц, Абрам, Андрей,

“Спокойной ночи” буркнув из дверей,

Опять за старенький компьютер сел

Опять, наверно, чем-то новым занят...

Но как теперь узнать? Пхенц улетел...

И что еще он там нахулиганит?

* * *

Вольно ж так долго побеждать,
Что белый конь успел подохнуть,

Седок - ослепнуть и оглохнуть...

Кому на ком теперь въезжать?

Да и куда?

ковит поре... с ридом уж наду...
е сены... с... атмосфера...
то беском... Грегори... И...
здесь пост... (больш...
е что у Гов... (больш...
летное знан... сегодня беском...
). Оно свое... доставляет уюноль...
- единствен... в своем роде, и...
длина достав... каждому у...
дана быстрой... жизни. Боль...
чем от кон... несчастье наст...
не мир Грегори-Рио персонажи об...
... нитинной

IN MEMORIAM

Правда не живет вне правдивого стиля

Григорий Померанц

Тогда я услышал о смерти Си...
... и почувствовал, что...

Когда я услышал о смерти Синявского, я почувствовал, что это моя личная потеря, что я его любил. Хотя мы очень разные. Хотя много в нем я не принимал и не принимаю. Смерть отодвинула назад все “нет, не мое”, осталось только “да, мое. *Моя потеря*”. Мое поколение, по которому не первый раз звонит колокол... Мое, наше чувство вечно открытых вопросов. Мой жанр эссе, опыта, попытки выхватить кусок достоверности из потоков полуправды. Мои поиски меры в современном русском языке, с его пересекающимися пластами интеллектуальной условженности, советских штампов, варваризмов и феи. Мне уже приходилось писать, что стиль полемики важнее предмета полемики. Что основа английской цивилизации - *стиль* парламентских дебатов, и в современной жизни меня, наверное, больше всего пугает падение стиля. Казалось бы, уже некуда было дальше падать, и я всегда сочувствовал словам Синявского о стилистическом расхождении с советской властью. Но сегодня возникло новое стилистическое расхождение, с новой властью, с ее нечленораздельным языком и с прогрессивной переменой грубой власти КГБ на тонкую власть НТВ... Само построенные фразы Синявского - борьба с политическим стилем и красной, и желтой прессы, утверждение принципа, что правда не живет вне правдивого стиля.

Мне ближе всего Синявский в своей лагерной прозе, особенно в “Голосе из хора”, многими не прочитанного (не было скандальной славы). Эти внешне не связанные отрывки складываются в целое, как “Опыты” Монтеня. Я трижды перечитывал “Голос”, каждый раз находя новые оттенки смысла. В “Голосе” раскрывается смысл и других частей лагерной трилогии - взгляда на вершины русской литера-

туры из лагерных бараков, взгляда, целиком окрашенного местом, в котором писались “Прогулки с Пушкиным” и “В тени Гоголя”. И в то же время - через гротескные сдвиги оценок - характеристика этого места, памятник лагеря как парадоксально свободной академии, переоценивающей, пробующей на излом все ценности.

Я с сочувствием прочел роман “Спокойной ночи”, но Синявский для меня прежде всего эссеист, классик жанра, который только в последние десятилетия, с огромным опозданием, пускает корни в русскую почву. Одно из самых замечательных приобретений, оставленных Синявским России - возрождение искусства фрагмента, “опавшего листа”, мимоходом брошенной фразы, абзаца. В Синявском, как и в Розанове, нашла свое выражение текучесть русского духа, о которой он так прекрасно написал в “Голосе”: “Религия Святого Духа как-то отвечает нашим национальным физиогномическим чертам - природной бесформенности (которую со стороны ошибочно принимают за дикость или за молодость нации), текучести, аморфности, готовности войти в любую форму (придите и владейте нами), нашим порокам или талантам мыслить и жить артистически при неумении налаживать повседневную жизнь как-то вполне серьезно (Зачем? Кому это нужно? Надолго ли? Надоело! Сойдет и так!) В этом смысле Россия - самая благоприятная почва для опыта и фантазий художника, хотя его жизненная судьба бывает подчас ужасна...”

Перечитал и вижу, что ничего не сказалося о процессе Синявского и Даниэля, о начале цепочки, которая и меня когда-то зацепила: процесс - Белая книга Ал. Гинзбурга - процесс составителя Белой книги - волна протестов... Не написалось, потому что это в прошлом. А я пишу о том, отчего сегодня больно. Больно от смерти писателя Синявского. Он умер в расцвете своего таланта. И я чувствую эту смерть как безвременную кончину.

Андрей Вознесенский

ОТПЕВАНИЕ НА СЕРГИЕВОМ ПОДВОРЬЕ

Отпевали Донатыча
        в закрытом гробу.
Как пантера,
        сидит телекамера
                        у оператора на горбу.
Последнею хохмой
        чертовой
                        печалы иконостас,
Мария повязку черную
        повязала ему на глаз,
пиратские череп и кости
        украсили глаз его...
Упокой душу, Господи,
        усопшего раба твоего.
А он отплывал
        пиратствовать
                        в воды, где ждет Харон.
Сатана или Санта-Мария
        встретят его паром?
Изящные череп и кости,
        скрещенные внизу,
как фото на будущий паспорт,
        лежат на его глазу.
Стилист? Хулиган? Двuruшник?
        Гроб пуст.
                        В нем нет никого.
Упокой, Господи,
        душу уставшего шута твоего.

Спасли меня в “Новом мире”
    когда-то, пират пера...
А вдруг и тогда схохмили?
    Все это теперь - мура.
Земли переделкинской
    горсточку
        брошу на гроб его.
Упокой душу, Господи,
    духовного бомжа своего.
Вы выпили жизни чашу,
    полную денатурата.
Литература частная,
    вздохни по Андрею
        Фанатовичу.
Упокой, Господи, нашу
    агрессию,
    гордынь мою упокой,
упокой страну нашу грешную,
не брось ее в час такой.
Время шутить не любит.
    Шутник, уйдя, подмигнул:
а вдруг не ошибся Лютер,
    что Богу милей богохул?
Упокой, Господи,
    душу усопшего
        Абрама твоего.
Греховничая, кусочничая,
    хранит в себе божество
интеллигенции горсточка,
    оставшаяся в живых...
Упокой, Господи,
    души неусопших
        рабов твоих.

*Париж
Сергиево Подворье*

ГОРСТЬ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Меня наконец осенила оригинальная коммерческая идея. Пришла она мне в голову на похоронах. Речь пойдет не о том, как душу продать. Продажей душ, кстати, занимался не только Чичиков, но и мои друзья, Комар и Меламид: они скупили души знаменитых людей (с подписью на сертификате), а потом продавали их на аукционе с молотка. Но души Андрея Донатовича Синявского у них на складе не было: кому он ее продал, знает только вдова, Мария Васильевна Розанова, слывающая ведьмой. (Старый парижский анекдот: “Приходит М.В. в хозяйственный магазин покупать метлу. Ей говорят: вам завернуть или прямо полетите?”) На похоронах Синявского поговаривали, что, мол, в главной синагоге Одессы поют кадиш по Абраму Терцу, и потому вовсе не ясно, чье тело хоронили в парижском гробу.

Но не в том дело. На кладбище речь над могилой Синявского произносил поэт Андрей Вознесенский. В руках он держал пластиковый пакет и с этим пакетом, как я заметил, ни на секунду не расставался. Пакет оттопыривался: он был, похоже, набит какой-то снедью - такие пакеты носят с собой “органики”, сидящие на специальной диете из отрубей с фасолью. Закончив надгробную речь, Вознесенский засунул руку в пакет и вытащил оттуда - кто бы мог подумать? - землю. Поэт объявил, что это - горсть родной земли, которую он привез на могилу писателя на чужбине. Довольно увесистая горсть: с полкило. И не просто российской земли, а земли из Переделкино - видимо, потому, что хоронили все-

таки писателя. А поскольку Синявский изучал творчество Пастернака, все присутствующие поняли, что переделкинская земля - с могилы Пастернака. Моя подруга, парижанка Ира Уолдрон, сказала, что не впервые встречает Вознесенского на похоронах писателей-эмигрантов. Можно даже утверждать, что поэт был на похоронах всех писателей, скончавшихся на чужбине в последнее десятилетие (значая, как оказалось, фамилия у Вознесенского, специализирующегося на произнесении надгробных речей). И всюду с ним пакет родной земли. Все оттуда же, как я понимаю, с могилы Пастернака. То есть Вознесенский просто-напросто гробокопатель. Скоро от могилы ничего не останется. С чем ездить на похороны за границу?

Не знаю, может быть, все эти сплетни сочинили злые языки, но факт остается фактом: спрос на горсть земли с могилы великого человека был, есть и всегда будет. И ту меня осенила идея открыть магазин вроде тех, где торгуют парфюмерией, или лекарственными травами, или кофе-чаем, но продавать там в баночках землю с могил великих людей. Баночка с наклейкой: "Пастернак". Или "Рильке". Или, скажем, "Лев Толстой". Если мумию Ленина похоронят, она тоже пойдет в дело. Причем можно вывозить из России, скажем, "Ленина", а в Россию ввозить "Маркса" и "Энгельса". В разном причем виде: "Набоков", скажем, гранулированный, в зернах или быстрорастворимый. (Кстати сказать, содержимое баночек можно не только бросать в гроб, но и принимать на поминках, растворяя его в вине.) Цена будет варьироваться, естественно, в зависимости от известности покойного, от модности имени (например, все тот же Пастернак), от даты захоронения (древность могилы), но главное - от количества праха в составе почвы. На баночке так и будет указано: "Пастернак. 0,5% праха". И срок выдержки. Потому что могилы, конечно, начнут истощаться, так что придется обновлять почву, подсыпая новую землю и

БРАТ, ДРУГ, КОЛЛЕГА, УЧИТЕЛЬ...

(“Радонеж” № 6[50], апрель 1997 г.)

В то время как на Сергиевом подворье в Париже шло отпевание Андрея Синявского, в Университетском домовом храме Святой мученицы Татианы в Москве собрались на панихиду многочисленные друзья, ученики и коллеги писателя.

Из проповеди священника Владимира Вигилянского на панихиде по А.Д. Синявскому (28 февраля 1997 г.):

Если воспринимать земную жизнь как отрезок времени, предназначенный человеку для приготовления к жизни вечной, то стоит ли огорчаться, когда умирает праведник, загробная участь которого не вызывает никакого сомнения? Ведь Сам Иисус Христос сказал: “Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек” (Ин. 11, 25-26).

Но почему же Господь, произнесший эти слова утешения по поводу смерти Лазаря, Сам “воскорбел духом”, когда пришел в дом к сестрам Лазаря Марфе и Марии, а в конце концов и “прослезился”?

Этот евангельский эпизод, связанный с болезнью, смертью и воскресением Лазаря, особенно сегодня нам важен, поскольку мы все сейчас, оплакивая дорогого и любимого нами брата, друга, коллегу, учителя, реально поставлены пред тайной жизни и смерти.

Что сказано в Евангелии об отношении Иисуса Христа к Лазарю? Сказано, что Он его любил. Помните, когда Господь прослезился, иудеи говорили: “Смотри, как Он любил его” (Ин. 11, 5, 36).

Как же и нам не оплакивать разлуку с человеком, призванным Божией любовью в этот мир к святости и к свидетельству славы Божией! И чем больше это свидетельство об истине, любви и свободе было проявлено в этом мире, тем больше наша скорбь. Поскольку без этого свидетельства этот мир не полон.

В греческом языке мученик и свидетель - это одно и то же слово. Мученичество - это и есть высшее проявление свидетельства славы Божией. В чем же эта слава Божия может быть выражена в каждом из нас? Прежде всего в умении сделать свое "я" настолько прозрачным, чтобы "образ и подобие Божие", по которому мы созданы, не были заслонены, замутнены нашей гордостью, ведь "Бог гордым противится, а смиренным дает благодать" (Иак. 4, 6).

Андрей Синявский был одним из смиреннейших людей, которых я знал. При этом он был одним из дерзновеннейших литераторов и мыслителей. Могут ли сочетаться эти качества в одном человеке? Безусловно. Истинное смирение включает в себя и умение пользоваться свободой и талантом, дарованными нам Богом и делающими нас богоподобными. Для него творчество никогда не было способом самоутвердиться или выделиться, поскольку, как он при мне ответил студентам Литинститута несколько лет назад, цель писательства есть преображение. В этой покорности Истине и противостоянии любой лжи Андрей Синявский и проявлял свою свободу. Он в тюрьме и лагере был свободным человеком. Он умел оставаться свободным человеком, испытывая - уже после лагеря, в эмиграции - жестокое давление общественного мнения и либерального диктата. Он оставался внутренне свободным человеком даже тогда, когда мстительные чекисты распустили на Западе слух, что Синявский был агентом КГБ, и этот липкий слухок был с удовольствием поддержан, развит и превращен некоторыми органами эмигрантской печат-

ти в безжалостный инструмент клеветнической травли...

Впрочем, Андрею Синявскому не так трудно было быть свободным, так как он был верующим человеком. Примечательно, что он не стеснялся уточнять свою конфессиональную принадлежность и в обществе своих друзей-агностиков, и в лагерном сектантском окружении, и в католических монастырях, куда его приглашали выступать. причем его православие было не просто данью традиции, но сознательным продуманным выбором.

За несколько лет до кончины он, подводя итоги своей жизни, решил проститься со своими друзьями и недругами, побывать в городах и весях своего детства и юности, поклониться родным могилам. Проститься - значит попросить прощения и простить. Я был свидетелем его внутренней серьезности и сосредоточенности, когда мы паломничали с ним в Псково-Печерский монастырь, когда много часов провели за беседой с русским провинциальным архиереем-бессеребреником, когда при мне он в Париже прощал и прощался со своим многолетним недругом, известным русским писателем-эмигрантом...

Он умер, как подобает православному человеку, примирившись с людьми и с Богом - после таинств Елеосвящения, Покаяния и Причащения.

Прости и нас, дорогой брат, друг, коллега и учитель. Вечная тебе память.

(Газета "Татьянин День", 1977, № 12).

Мы обратились к отцу Владимиру с несколькими вопросами.

- Отец Владимир, почему именно в университетской церкви была совершена панихида?

- Во-первых, Андрей Донатович был студентом и аспирантом МГУ. Во-вторых, он много лет до аре-

ста преподавал здесь на филологическом факультете. Некогда Университет предал его - коллеги по филфаку не только не защитили Синявского от судебных преследований, но и подлили масла в огонь тем, что уволили его до суда из МГУ и сочинили "коллективку" в "инстанции", в которой обвинили его в антисоветской деятельности. В-третьих, меня с Андреем Донатовичем связывали узы не только многолетней дружбы, но и в последнее время - духовничества.

- Вы сказали на панихиде, что Синявский был смиренным человеком, но дерзновеннейшим литератором. В чем это проявлялось?

- Все, кто был знаком с Андреем Донатовичем, знали его природную скромность, кротость, беззлобие, добрую улыбку, сосредоточенную молчаливость. Эти душевные качества подкупали даже его тюремщиков. Когда речь заходила о днях, проведенных в лагере, он никогда не выставлял себя пострадавшим или претерпевшим особые гонения, напротив, говорил, что это был для него положительный опыт. Он никогда не спекулировал на своих тюремных скитаниях. В этих вопросах он был особенно щепетилен и скромнен. Да что там говорить, если даже г-жа Иловайская в самый разгар печатной травли Синявского отмечала в "Русской мысли" "свойственную ему тихую мягкость, которая так чарует западных людей". Впрочем, в той же статье эти черты характера она использовала в качестве доказательства его сервильности в отношении к властям: "Помню также свое недоумение, когда <...> Синявский <...> рассказывал, что ему в лагере жилось, в общем, неплохо, и работу ему давали не слишком тяжелую, просто это был большой урок жизни. <...> Это элегическое смягчение красок резало слух" (РМ, № 3965, 5.02.93). Что же так резало слух Иловайской и многих других недоброжелателей Синявского? Думаю, их всегда смущали его внутренняя свобода, независимость и четкость ценностных ориентиров, в том числе и христи-

анское отношение к страданиям. Все это абсолютно непонятно людям, привыкшим к партийным меркам в оценках людей и событий.

- Многие считают, что Андрей Синявский принадлежал к самой что ни на есть крайней либеральной части советской интеллигенции западнического толка. Кроме того, его обычно представляют родоначальником диссидентского движения и чуть ли не его лидером...

- К Андрею Донатовичу неприменимы никакие мерки групповых пристрастий. Лояльность в отношении демократии западного толка не мешала ему постоянно называть себя русофилом. Когда диссидентство со временем организационно оформилось и приобрело признаки политического движения, тогда Синявский постарался немедленно дистанцироваться от него. Он был, повторяю, независимым и свободным человеком. И в других людях он особенно ценил эти качества. У меня, например, с ним были различные мнения относительно некоторых событий последнего десятилетия. Но это никоим образом не отражалось на наших отношениях.

- Он при этом был православным человеком?

- Да. Но он об этом не кричал на всех углах... Синявский любил одно высказывание Константина Леонтьева (цитирую по памяти): "Поэт во времена реакции - демократ, во времена разгула либерализма - аристократ, во времена ханжества - вольнодумец, во времена атеизма - религиозен". Наверное, он отчасти прикладывал это mot к себе. Вообще, его принадлежность к Православию воспринималась либеральным окружением в лучшем случае как причуда, блажь, каприз свободного художника. В годы "оттепели" творческая интеллигенция умудрилась не заметить одно из самых жестоких гонений на Православную Церковь в мировой истории. Эйфория от партийных речей на хрущевских съездах затмила им глаза. Но были не только "слепота" и молчание, к сожалению, либеральные писатели и художники, артисты и ученые

сами участвовали в этой антирелигиозной кампании: не стеснялись принародно богохульствовать, пренебрежительно высказываться о духовенстве и верующих. Так вот, именно в те годы, как свидетельствовали на панихиде его друзья, Синявский привел в церковь некоторых своих коллег.

Одна фраза Андрея Донатовича стала почти крылатой: "У меня с советской властью расхождения чисто стилистические". Но и с диссидентствующей интеллигенцией "без царя в голове", сбивающейся постоянно в стайки, с обезбоженным либеральным сознанием, как выяснилось, у него также расхождения чисто стилистические. Он решительно уклонялся от того, чтобы из него сделали в эмиграции "отца русской демократии" и лидера правозащитных движений. В 1982 году, то есть тогда, когда уже лет пять по Западу летала кагебешная утка о его сотрудничестве с "органами", в статье "Диссидентство как личный опыт" Синявский писал: "Там, в Советском Союзе, я был "агентом империализма", здесь, в эмиграции, я - "агент Москвы". Между тем я не менял позиции, а говорил одно и то же... Один вопрос меня сейчас занимает. Почему советский суд и анти-советский, эмигрантский суд совпали (дословно совпали) в обвинениях мне, русскому диссиденту!" (ЛГ, № 5643, 5.03.97).

- Но главный редактор "Русской мысли" И.А. Иловайская не унимается - в своем интервью в итальянской газете "Коррьере делла сера" 26 февраля (на следующий день после смерти А.Д. Синявского!) она опять возобновила кампанию по дискредитации своего идейного врага, распространяя клевету, пущенную Лубянкой 20 лет назад: "Есть мнение, что приговор был показательным и что речь идет об инсценировке, чтобы заслать Андрея на Запад, где он должен был продолжить свою деятельность агента КГБ под прикрытием личности мученика". "Литгазета" немедленно откликнулась письмом в защиту Синявского, которое подписали его близкие друзья - диссиденты, писатели, зарубежные

слависты. В нем говорится, что интервью г-жи Иловайской-Альберти “от первого до последнего слова - заведомая и циничная ложь”, что там содержится “прямая и недвусмысленная клевета - в самом точном юридическом значении этого слова”, а ее методы расправы сравниваются с “шулерским передергиванием”. В комментариях ЛГ читаем: “Однако дело не только во лжи, которой насыщено интервью. Дело в том, что эта ложь, как уже было сказано, цинична. Дело в откровенной безнравственности, которая неизвестно каким образом уживается в душе г-жи Альберти рядом с христианскими устремлениями” (ЛГ, № 5644, 12.03.97). В проповеди на панихиде вы намекнули на эти весьма драматические обстоятельства судьбы Синявского, но не назвали ни одного имени и не сказали ничего конкретного...

- Я не хотел поднимать со дна воспоминаний всю эту муть. К тому же я думал, что после того, как были опубликованы неопровержимые свидетельства, разъясняющие, под чью дудочку более пятнадцати лет плясали в своей травле Синявского многие “борцы за свободу и демократию” в Париже, Тель-Авиве, Лондоне и Нью-Йорке, его недоброжелатели усовестились. Но в случае с г-жой Иловайской оказалось все не так: элементарное чувство нравственного самосохранения оказалось слабее желания расправиться с человеком, который не может уже сам ответить на клевету. Несколько лет назад многие газеты опубликовали уникальный секретный документ, добытый из лубянских архивов “мемориальцами”. По нему видно, с каким вниманием в середине 70-х относились тюремщики Синявского к его репутации на Западе: “С целью пресечения одного из возможных каналов проникновения противника в среду интеллигенции... продолжить мероприятия по компрометации объекта и его семьи перед окружением и оставшимися в Советском Союзе связями как лиц, поддерживающих негласные отношения с КГБ”. Между прочим, писатель Владимир Максимов, многие годы ве-

ривший этой клевете, мужественно признал свою вину и примирился в 1994 году с Андреем Донатовичем. Я был свидетелем этой трогательной встречи...

- Действия главного редактора "Русской мысли" И.А. Иловайской в отношении А.Д. Сиявского многое объясняют теперь в позиции ее газеты к Русской Православной Церкви вообще и к Московской Патриархии в частности. Понятны нравственные пределы допустимого в ее "полюемике" с оппонентами... Впрочем, оставим эту тему. Не могли бы вы рассказать о вашей последней встрече с Сиявским?

- В сентябре мне удалось по его зову на несколько дней приехать в Париж. Я застал удручающую картину: опухоль в мозгу разрасталась буквально не по дням, а по часам. Он мог только говорить и двигать правой рукой. Больше ничего. В день Рождества Богородицы, в любимый его праздник, он поборолся и причастился Святых Христовых Тайн. Помню, мы с ним рассуждали о том, что земная жизнь заканчивается тогда, когда у человека нет душевных сил идти к Богу, когда дальнейшее существование в этом мире будет человеку не на пользу, а во вред. Но пока есть возможность для этого пути, Господь по любви Своей к человеку, вопреки любым физическим и биологическим законам, "побеждает естества чин". Совершилось чудо: через неделю Андрей Донатович стал вставать, а еще через неделю - сидеть за рабочим столом. Пять месяцев, дарованные Богом Сиявскому, материализовались в страницы романа, который он успел дописать. Эти месяцы он был окружен особой любовью и заботой ближних. Как много значит для всех нас любовь! Не будь ее, наша жизнь на земле была бы совсем короткой.

ПИСЬМО КОГО-ТО КОМУ-ТО

Уважаемый Михаил Михайлович!

В газете “Радонеж” (1997, №6) под общим заголовком “Брат, друг, коллега, учитель...” помещены: извлечение из проповеди свящ. Владимира Вигилянского на панихиде по А.Д. Синявском (28 февраля 1997 г.), беседа с ним же корреспондента “Радонежа”, а также редакционная справка о Синявском.

По о.Вигилянскому, усопшего хоть сейчас можно причислить к лику святых. Он де-праведник, человек, призванный Богом к святости и к свидетельству славы Божией, свою свободу проявлявший в покорности Истине и противостоянии любой лжи, один из смиреннейших людей, которых я знал. При этом он был одним из дерзновеннейших литераторов и мыслителей.

В связи с этой публикацией прошу Вас высказать Ваше мнение о том, является ли Синявский в своем творчестве православным. Ведь “слова поэта - его дела”. А Синявский широко известен как автор кощунственных писаний о А.С. Пушкине и России. Именно в них, по-видимому, проявилась та “свобода”, о которой говорит свящ. Вигилянский. Поэтому невозможно согласиться с панегириками Синявскому, помещенными в газете.

“Прогулки с Пушкиным” - сочинение непристойное, после его прочтения убеждаешься в том, что оно написано человеком с крайне низкой нравственностью. Сущность Синявского была давно определена литераторами самых разных направлений. Приведу лишь два отзыва о его “Прогулках с Пушкиным”.

Роман Гуль: “Мне неприятно было писать об этой грязной, хулигански-хамской и, в сущности своей, ничтожной книжке” (“Прогулки хама с Пушкиным”, “Кубань”, 1989, №6, с.71).

В. Непомнящий (“Вопросы литературы”, 1990, №10): “Книга полна грязи, унижает чувство человеческого достоинства” (с.144).

“Два члена известной триады - Истина и Добро в книге отсутствуют как концептуально, так и функционально, а остается только Красота. Но и она меняет облик... в итоге экстравагантное утверждение: “прекрасное ужасает”, при чем не величием своей непостижимости, своей причастности к высшей Правде, а причастностью к Хаосу” (с.146).

“Книга не оставляет света в душе” (с.151).

В книге имеется “мощный слой неправды... который не просто представляет собой неверную информацию, но учит лукаво мыслить”(с.152).

“Это - наша книга, она вовсе не антисоветская, а плоть от плоти советской литературы” (с.153).

Не менее отвратительно высказывание “мыслителя” и “смирнейшего человека” А. Синявского о России: “Россия-Мать, Россия-Сука, ты ответишь и за это, очередное вскормленное тобою и выброшенное на помойку дитя”. Не имея под руками полного текста статьи, где помещена эта мерзость “свободного” Синявского, предполагаю, что в данном случае автор говорит, в том числе и о себе. Вот это - смиренник! Гордыня его не знает пределов. За наказание, которое он и ему подобные получили от коммунистических владык, отвечать должна поработенная коммунистами Россия. Примечательно, что Синявский хулит не коммунистические Эсэсэсэрию или Эрэсэфэсэрию и не их марксистов-правителей, а именно Россию, а значит и Православие, так как Россия была создана Православной Церковью и держалась почти тысячу лет Православной верой. У Синявского, как и у его идейных отцов-предшественников (бухарины, авербахи и прочие лэфовцы) ненависть вызывает прежде всего Россия: “Либо миру быть живу, либо России” (“Вопросы литературы”, 1990, № 10, с.92).

Свящ. Вигилянский и редакция газеты “Радонеж” совершили ошибку, опубликовав материалы о Синявском без всестороннего анализа его взглядов. Возможно, что Синявский покаяться в своем литературном кощунстве, о чем может знать его духовник, священник Вигилянский. Однако, если покаяние было совершено на частной исповеди, а не публично, то его, по-видимому, недостаточно. Так, преп. Амвросий Оптинский говорил Марии Николаевне, сестре Л.Н. Толстого: “У Бога милости много: Он, может быть, и твоего брата простит. Но для этого ему нужно покаяться и покаяние свое принести перед целым светом. Как грешил на целый свет, так и каяться перед ним должен” (Духовная трагедия Льва Толстого”, М., 1995, с.62).

Самое страшное заключается в том, что изыски Синявского развращающе влияют на читателей и особенно на молодежь. А пастырь Вигилянский окормляет студентов Московского Университета. Чему же он научит их?

Об опасности тлетворного влияния на молодежь “Прогулок с Пушкиным” предупреждал В. Непомнящий: “А представьте себе: прочел человек - и поверил! Поверил, что Пушкин пуст, что “Евгений Онегин” - роман ни о чем, что никакой “тени” нет, а есть только “мертвое тело”, что Пушкин равно любил своих друзей и их тюремщиков... Если поверит в это какой-нибудь мальчик или девочка? Или много мальчиков и девочек?.. Какие семена посеет это в их душах? (“Вопросы литературы”, 1990, №10, с.152). Неужели свящ. Вигилянскому не жалко этих мальчиков и девочек - студентов МГУ? Какие семена он вместе со своим “братом, другом, учителем” А. Синявским посеет в их трепетных и восприимчивых душах?

По всей видимости, свящ. В. Вигилянский до сих пор не преодолел своего советского (не коммунистического ли?) прошлого. Возможно, что он и литератор Владимир Николаевич Вигилянский, опублико-

вавший с 1969 года статьи и рецензии в советских журналах и сборниках, одно и то же лицо. Если это действительно так, то тогда понятна его духовная близость с Синявским. Ведь оба они - советские литературные критики. Может быть, и плодовитый советский писатель конца 20-х - 60-х годов нашего века Николай Дм. Вигилянский находится в каких-либо родственных отношениях с о. Владимиром Вигилянским.

Михаил Михайлович, найдите, пожалуйста, время и подготовьте передачу на радио "Радонеж" о православии Синявского. Представляется целесообразным обсудить его творчество в газетах "Радонеж" и "Татьянин День".

Может быть, ошибаются критики Синявского, в том числе и аз грешный. А правы свяш. Вигилянский и редактор газеты "Радонеж" г. Никифоров. Но им все-таки следует всесторонне обосновать свою точку зрения. А то их нынешние умолчания о кощунстве Синявского - ничто иное как поведение лукавствующих.

04.05.97

P.S. Может быть, следует ознакомить с моим письмом о. Максима Козлова и Е.К.Никифорова.

Демонстрация против Синявского
около Колумбийского университета

SINIYAVSKY-
LITERARY
HOOLIGAN

IF RUSSIA
BITCH. W-
SINIYAVSKY
FATHER & HE-

PR
OR HO
OR

СИНЯВСКИЙ И
ОСКОРБИТЕЛЬ ТОВАРИЩ
ПУШКИНА ТОВАРИЩ
БРАМ

Defiant
to Sin...

ЦВЕТЫ ЗЛА

ПИСЬМО М.В. РОЗАНОВОЙ В "КОРРЬЕРЕ ДЕЛЛА СЕЙРА"

Андрей Синявский умер 25 февраля, а 26 февраля в газете "Коррьере делла Сейра" его лучшие и самые верные враги положили "цветы зла" - вранье и клевету - на его смертное ложе. Редактор парижской газеты "Русская мысль" Ирина Альберти заявила, что:

1) "в последние годы Синявский больше не работал" - это ложь. Я хожу по дому набитому рукописями и дискетами и думаю об одном: хватит ли у меня сил и времени привести это хозяйство в порядок. Здесь и роман, и статьи, и эссе об Италии, и несколько книг о русской литературе. Не говоря уже о его любимом рабочем жанре - "мыслях врасплох".

Последний раз Синявский сидел за своим письменным столом вечером 30 января 1997 года. Как много он работал знают все, кто хоть как-то был с ним знаком. Но что может знать о Синявском Альберти, которую он видел последний раз лет 15-18 тому назад? И как смеет Альберти называть Синявского "Андреем", и рассуждать о его болезнях и душевном состоянии перед смертью, создавая тем самым у читателя ощущение, что она была ему очень близка?

2) для него "было огромным разочарованием видеть, что для страны, ради которой он работал, он уже ничего не значил" - и это ложь. Синявский в России был окружен вниманием в количестве намного большем, чем были его потребности и просто физические возможности. Он никогда не писал вождам, не обустроивал Россию, не рвался ни на экраны телевизора, ни в президенты. Он всегда подчеркивал, что он не политик, не трибун, а частное лицо - профессор литературы и писатель для немногих.

3) “Синявский стал открыто коммунистом... он был на стороне Зюганова и компартии” - и это ложь. Синявский никогда не был на стороне компартии и Зюганова. Он поддерживал Горбачева (даже участвовал в его предвыборной кампании, что любой начинающий журналист, может легко проверить), симпатизировал Явлинскому и присматривался к Лебедю. Но он был противником Ельцина. Ему не нравился президент, который позволяет себе стрелять по парламенту и народу.

4) Омерзительная клевета все рассуждения Альберти о сотрудничестве Синявского с КГБ. Альберти прекрасно знает, что в автобиографическом романе “Спокойной ночи” (написанном в 1980 году, а не перед смертью, как утверждает Альберти) Синявский рассказал не о том, как он был агентом, а о том как его пытались завербовать и как он спас жизнь французской студентке, дочери французского военноморского атташе в Москве, рассказав ей про все козни КГБ и как они потом вместе против КГБ сражались и потом всю жизнь дружили.

Кстати о КГБ и агентах. Аналогичную историю рассказывает о себе в “Архипелаге ГУЛАГ” Солженицын - в сталинские времена это была довольно распространенная ситуация. У Солженицына даже агентурное имя было - “Ветров”.

5) Не менее омерзительны инсинуации Альберти о процессе Синявского-Даниэля. Прикрывшись словами “некоторые считают”, она бросила грязь в первый публичный политический процесс, где подсудимые не признали себя виновными, назвав его “инсценировкой” КГБ. У меня вопрос к мадам Альберти: кто эти “некоторые”? Во всяком случае до сих пор я с такими идеями нигде в печати не встречалась.

И все это я читала над гробом. Человека еще похоронить не успели, он еще не остыл, а профессиональная христианка Альберти выливает на свежий труп ведро помоев! И где? В той самой “Коррьере”, в

которой много раз печатались статьи Синявского! Но с другой стороны я даже благодарна этой Альберти: теперь мне не нужно всем объяснять, почему Андрей Синявский называл “Русскую Мысль”, ее редактора, некоторых сотрудников, а также стоящих за их спинами хозяев, своими убийцами.

Сегодня мне стыдно за “Коррьере делла Сейра”, которая приняла участие в осквернении могилы и смерть Авеля поручила прокомментировать Каину.

Мария Розанова-Синявская

5 марта 1997 (на девятый день)

Письмо в редакцию

ОТКРОВЕНИЯ “ЗАБЫТОГО ПРИЗРАКА”

26 февраля в итальянской газете “Коррьере делла сера” появилось интервью с Ириной Алексеевной Иловайской-Альберти, главным редактором парижской “Русской мысли”, в котором она делилась своими размышлениями о скончавшемся накануне писателе Андрее Синявском. Это интервью вынуждает нас в свою очередь обратиться к прессе. Ибо буквально все, что сказано в интервью г-жой Иловайской, от первого до последнего слова, - заведомая и циничная ложь.

Нам хорошо известно, что представители того идейного течения, к которому принадлежит г-жа Иловайская, много лет подряд ожесточенно враждовали с Андреем Синявским, резко и непримиримо полемизировали с его эстетическими, идейными и общественными взглядами. Это - право каждого. Мы

предоставляем самой Ирине Алексеевне, пламенному пропагандисту христианской морали, оценить уместность и пристойность возобновления компании “разоблачения” своего идейного врага над его еще не остывшим телом. Это - проблема отношений г-жи Иловайской с Господом Богом, и нас она не касается.

Но в интервью содержится, кроме того, прямая и недвусмысленная клевета - в самом точном, юридическом значении этого слова. И клевета эта, направленная на то, чтобы опорочить память одного из самых мужественных и талантливых представителей русской культуры, не может оставить нас равнодушными.

Говоря об автобиографическом романе Синявского-Терца “Спокойной ночи!”, Иловайская заявляет:

“Это была его исповедь, его *mea culpa* в предвидении безвременной смерти. Это рассказ о его драматических отношениях с КГБ. ... Андрей (так И.А. упорно именуется А.Д. Синявского. - Авт.) хотел открыть свою душу, вынести все темное на свет. Он был завербован как агент и использовался в первую очередь для того, чтобы доносить на иностранных студентов... Он утверждал, что порвал свои отношения с КГБ”.

Ни из романа “Спокойной ночи”, ни из каких-либо других доступных нам источников, опубликованных и неопубликованных, невозможно вывести ничего подобного. В романе рассказано прямо противоположное: история молодого студента-филолога, которого МГБ пыталось использовать в операции, направленной против его сокурсницы-француженки, и который, рискуя, без преувеличения, собственной головой, открыл ей планы чекистов. Совместными усилиями операция была сорвана, что, вероятно, спасло француженке жизнь. Автор, верный своему ироническому стилю, избегает патетических определений и оценок; но любой непредвзятый человек по-

нимают. что в 1949-1953 гг. поступок Андрея Синявского иначе, чем подвигом, назвать невозможно.

Живы еще люди (в том числе сама героиня этой истории, известная славистка Элен Пельтье-Замойская), которые могут подтвердить - и неоднократно подтверждали публично! - что все, изложенное в романе, чистая правда. Г-жа Иловайская не может об этом не знать. Однако она, избегая прямых утверждений, упорно старается создать впечатление, что Синявский сотрудничал-таки с госбезопасностью и что сотрудничество это продолжалось едва ли не до конца его жизни. Вот следующий пассаж из интервью:

“Есть много теорий о процессе (Синявского и Даниэля. - Авт.) и о приговоре. Есть мнение, что приговор был показным и что речь идет об инсценировке, чтобы заслать Андрея на Запад, где он должен был продолжить свою деятельность агента КГБ под прикрытием личности мученика”.

Это “есть мнение” - не только прощальный плевок на могилу Синявского. Это не только оскорбление памяти его друга и коллеги Юлия Даниэля, чья судьба тоже, по-видимому, стала частью инсценировки. Это еще и плевок в лицо всем тем, кто в 1965-1966 гг. спас честь российской интеллигенции, заступившись за осужденных писателей. В частности, это плевок в лицо и ведущему сотруднику “Русской мысли” Александру Гинзбургу, отбывшему пять лет лагерей за составление документального сборника о процессе. Какую роль он, по версии г-жи Иловайской, сыграл в 1966 г.? Статиста в чекистской постановке? Одураченного простофили?

А одноделец Гинзбурга Юрий Галансков, умерший в лагерной больнице? Одним из обвинений, предъявленных Галанскову на суде, была публикация в самиздатском альманахе “Феникс-66” статьи Терца-Синявского “Что такое социалистический реализм?”

Объективности ради И.А. Иловайская добавляет:

“Есть, однако, и такие, кто утверждает, что Андрей действительно прервал свою деятельность (агента КГБ. - Авт.) и что КГБ, чтобы отомстить, арестовал его, устроил ему процесс и отправил в лагерь”.

Вообще-то до сих пор никем не подвергалось сомнению, что Синявский и Даниэль были арестованы и осуждены за публикацию на Западе своих литературных произведений. И что именно это грубое попрание свободы творчества вызвало волну общественного негодования, ставшую импульсом к возникновению и развитию правозащитного движения в СССР. И что не последнюю роль в этом сыграло твердое и мужественное поведение обоих писателей, отказавшихся покаяться и признать себя виновными. В интервью об этом ни слова не сказано.

Диссидентское движение в СССР началось с процесса Синявского и Даниэля. И если г-же Иловайской-Альберти не хочется этого признавать, это ее личное дело. Но это не повод для лжи, клеветы и шулерского передергивания фактов.

Л. Алексеева, Г. Белая, Л. Богораз, Ю. Буртин,
Ю. Вишневская, И. Голомшток, А. Даниэль,
С. Ковалев, Л. Копелев, П. Литвинов, Ж. Нива,
М. Окутюрье, Е. Эткинд

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Андрею Синявскому не давали покоя всю жизнь. Об этом уже много написано и много сказано. И, казалось бы, теперь, после смерти, его недруги должны наконец утомиться. Однако не успел писатель умереть, как на следующий же день получите подарок: беспрецедентное по лживости и безнравственности интервью главного редактора популярной некогда в среде российской демократии парижской

газеты “Русская мысль”, вдохновительницы работающей в центре Москвы католической радиостанции Ирины Иловайской-Альберти. Не знаю, как там обстоит дело с обращением в католичество заблудших душ москвичей, но с интервью получилось так здорово, что даже прожженные московские циники вздрогнули.

Уважаемые авторы коллективного письма в “ЛГ”, в той или иной степени имевшие отношение к процессу Синявского - Даниэля, остановились только на одной придуманной г-жой Иловайской-Альберти проблеме, связанной якобы с сотрудничеством Синявского с КГБ. И добавить к их письму нечего. Разве только напомнить тем, кто забыл, что КГБ в Советском Союзе пытался завербовать миллионы людей. Самого Александра Исаевича Солженицына, как следует из им же рассказанной в “Архипелаге ГУЛаг” истории, пытались завербовать и даже дали ему псевдоним Ветров. Но разве у кого-нибудь повернется язык в чем-нибудь заподозрить Солженицына? Дело не том, что гэбешники пытались вербовать людей, а в том, как люди себя при этом вели. Синявский вел себя мужественно. Даже героически.

Однако дело не только во лжи, которой насыщено интервью. Дело в том, что эта ложь, как уже было сказано, цинична. Дело в откровенной безнравственности, которая неизвестно каким образом уживается в душе г-жи Альберти рядом с христианскими устремлениями. Чтобы не быть голословным, приведу несколько цитат (перевод интервью выполнен сотрудницей “ЛГ” Энгой Двин). Интервью прямо начинается со следующего заявления: “Андрей Синявский не хотел больше жить. Он чувствовал себя лишним...” Далее мысль Ирины Алексеевны углубляется: “Последние годы Синявский уже не работал. Было похоже, что он насовсем покончил с литературой. И я не уверена, что он так уж решительно боролся со своей опухолью мозга, потому что в какой-то момент, после поездки в Россию, он как-то потерял свою

жизненную силу. Все люди вроде него были разочарованы тем, что в стране, за которую они так боролись, они стали забытыми призраками”.

Насколько мне известно, г-жа Альберти последний раз общалась с Синявским лет пятнадцать, если не более, назад. Поэтому знать, хотел или не хотел он жить, чувствовал себя лишним или забытым просто не может. Да и вообще это не чужого ума дело. Тем более что жить он очень хотел, потому что “писать и жить” было для Андрея Донатовича одно и то же. А работал он до тех пор, пока еще мог сидеть у компьютера. Даже в период короткой ремиссии, временного облегчения от болезни, - писал. И забытым себя не чувствовал. В последние годы, регулярно приезжая в Россию, он неизменно оказывался в центре внимания прессы и литературной общественности, здесь постоянно печатались его произведения. Что же касается того, как Синявский “не так уж решительно боролся со своей опухолью мозга”, - только руками остается развести. И как только вымолвила такое! Синявский был мужественным и в жизни, и в болезни. С помощью близких боролся до конца, хотя даже и не знал, какой страшной болезнью болен. Но, может быть, г-же Альберти известен какой-то эффективный, не известный врачам способ борьбы с опухолью мозга? Пусть поделится.

Следующий перл: оказывается, роман “Спокойной ночи” - это “исповедь... перед лицом надвигающейся преждевременной смерти”. К сведению г-жи Альберти: роман “Спокойной ночи” завершен в 1982 году. История еще не знает случая, чтобы к предсмертной исповеди обращались за пятнадцать лет до смерти. О том, что книги “Прогулки с Пушкиным” и “В тени Гоголя” названы “иконоборческими очерками о существах, у которых (якобы по мнению Синявского. - Е.Б.) было множество извращений и недостатков”, и говорить как-то неловко. Как и о том, что “с началом перестройки, приходом Горбачева и падением Берлинской стены Синявский

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ АНДРЕЯ СИНЯВСКОГО

Синявских было два или три, не считая Терца. Это сразу было видно по тому, как он смотрел на мир. Судя по очкам, висевшим на кончике носа таким образом, что стекла находились на уровне основания бороды, у него были близорукими щеки. И он ими моргал. А сами глаза, один из которых смотрел на вас или даже сквозь вас, а другой косил в сторону, были разными и как бы принадлежали двум разным между собой людям. Поэтому в разговоре он вроде раздваивался, перемножался и перевоплощался. Вернее, искал пути к перевоплощению.

Синявский - человек-метафора.

И дело не только в творчестве. Потому что вдруг обнаруживается, что чисто литературный прием, смысл, перенесенный в слово для создания более полного и точного образа, у Синявского имеет нелитературные истоки. Что Синявский - метафорист жизни. И потому его жизнь сложилась так, а не иначе, что он пропутешествовал ее среди метафор, почти несознательно путаясь на границе бытия и литературы, меняя их места, а посему прогуливаясь при этом отнюдь не только с Пушкиным.

В его статье "Почему мы все-таки пишем?" - одна из разгадок: "Возможно, искусство глубинными корнями уходит в магию и смутно грезит о той блаженной поре, когда силою слова сотворялось чудо. А чудо и магия держатся на допущении, что все при случае способно сделаться всем. Они строятся на метаморфозе, на превращении вещей и существ - на великом, божественном единстве мира". Конечно, он понимал, что единство это - хоть и реально, но не

буквально. А ему нужно было именно “сделаться всем”. Причем без всяких допущений. А Богу только дай повод, только прояви намерение - уж Он-то поможет. И Синявский, начавший свое великое перевоплощение средствами литературными, через какое-то время, как чертик из табакерки, выскочил за пределы печатных страниц и пошел в таком виде гулять по миру, путая всех и все. Ну как, скажите на милость, было определить, где там Синявский, а где - Терц, если из Синявского в самый непредсказуемый момент вдруг выползал Терц, а из-под похабных усишек Терца вдруг ни с того ни с сего начинала выглядывать добродушная полуулыбка Синявского? Все перепуталось и стало всем. Все метафоризировалось. Тихий московский интеллигент, книжный червь перевоплощался то в парижанина, то в лагерника, то назад в “червя”, то в знамя демократического движения, то во врага российской демократии. Многие его не любили и выдумывали о нем всякие принижающие его небылицы. Многие - любили. И придумывали такие же небылицы, но - возвышающие. Тех же, кто понимал, что происходит с Синявским на самом деле, - единицы.

А Синявский между тем растворился в метафоре и так жил. Он перевоплощался. Он, даже выпив водки или вина, не пьянел, а именно перевоплощался в пьяного. Однажды в их с Розановой доме под Парижем я был свидетелем такой сцены. Вернувшись с лекции и не обнаружив жены, он осторожным полупшепотом поинтересовался: “А Марья-то где?” Услышав, что она вышла ненадолго и придет минут через десять, Синявский заговорщицки прищурился и сообщил, что он в таком случае вернется через пять минут. С тем и выскользнул в дверь. А ровно через пять минут - явление: глаза - враскоряку, язык - на поясе. Но ведь так не бывает! Уж мне ли не знать! Уж я ли не пил водки! И уже только потом сообразил, что стаканчик добротного французского вина

для Синявского не способ опьянения, а официальный повод для перевоплощения. Если хотите, один из ключей к нему.

Итак, Синявскому удалось перестроить сознание. И хотя он писал, что “с помощью метафор мы лишь на словах, лишь в иносказательном смысле, сталкивая понятия, превращаем человека в животное, девушку в бревно, богатыря в камень, воду в вино и Бога в человека”, хотя он понимал, что мы только мечтаем переделать мир, но не умеем и потому чувствуем себя уязвленными, как колдун, у которого отняли магическую силу, - ему этого понимания было недостаточно. Более того, он сам с собой в этом понимании был не согласен. И неустанно искал ключи к реальным перевоплощениям, как любимый им Маяковский - рецепт бессмертия. Метафора была этим ключом. Метафора, помещенная в определенный раствор стили.

Впрочем, он ведь проговорился как-то, заявив, что его разногласия с советской властью чисто стилистические. И что? Кто-то понял, что он этим сказал? Эмиграция подняла шум на весь мир. Как это так? Наше, можно сказать, знамя, наша икона - и вдруг заявляет в с е г о л и ш ь о стилистических разногласиях с советской властью. Ату его! Уже после августа девяносто первого у него возникли точно такие же разногласия с новой властью. И опять травля. И отпетые “демократы”, и милые интеллигенты, и отъявленные националисты, и даже многие добрые друзья - все были с ним не согласны. По-разному не согласны, но - все. А если кто и был согласен, то не с тем и не так.

В чем же дело? Если после всего написанного я добавлю, что для Синявского важнее было быть, чем выглядеть, - меня не поймут. Только сейчас говорил о попытках перевоплощения. Однако это так. Ведь и в перевоплощениях он б ы л, а не казался. Но при этом совершенно уже странным образом, как бы от

обратного, понимая, что многое в его жизни воспринимается окружающими как игра, стал в чем-то и играть, чем окончательно всех запутал. Никто уже ничего не мог понять. Казалось бы, недавние абсолютные единомышленники, люди, настолько близкие, что ближе и не бывает, наскокивали, злились, не понимая. А на самом деле все было очень просто: всех их уносило ветром времени, ветром перемен. Все они проходили испытания новыми официальными и неофициальными идеями, заражались ими, слепли, прозревали, одним словом, они б ы л и п о д в е р ж е н ы. А Синявский - нет. Он врос в свою почву и стоял на ней крепко, не подвергаясь воздействию быстро отмирающих идей, иллюзий, событий. И почва эта - с т и л и с т и к а. Разгадка - стилистика. Его стилистика. Все остальное - в о к р у г стилистики. Во все остальное можно было и поиграть. Игры, правда, кончались по-разному, бывало, что и печально, но они не имели отношения к сути дела.

Когда он вернулся из лагеря и исчез с глаз долой, засев за свои рукописи, диссиденты упрекали его чуть ли не в трусости за то, что спрятался в литературу и не хочет продолжать борьбу. И были правы. Он не хотел. И были не правы - он продолжил борьбу. Только его фронт они ни понять, ни даже разглядеть не могли. Когда Лариса Богораз писала, что Синявский не является борцом с советской властью, она тоже была права. Он не боролся с советской властью. Он боролся с ее стилистикой.

Сейчас напишу нечто крамольное: и вся эта политика, в которую он время от времени вляпывался, и знаменитый процесс, ставший колыбелью правозащитного движения в Советском Союзе, и - о, Боже! - лагерь, и эмигрантская война словом, все-все-все - это как бы между делом, не главное. Если бы они не трогали его стилистики, и он бы их, может быть, не трогал. Но стилистика была важнее всего, стилистика - это было все, стилистика - это был тот вождлен-

ный раствор, в котором плескались метафоры надежды.

“Подумаешь, если я другой, так уж сразу ругаться...” - отбрехивался он в “Пхенце”. Что там ругаться! Хорошо, не убили. Затаенным, неопознанным чувством каким-то чуяли неладное. Как если бы сосед в своем дворе вдруг пробурил нефтяную скважину или, копая картошку, наткнулся на золотую жилу. Близко, да за забором. Он на их глазах полмира обдурил, а предъявить - нечего. Кроме никому не известным писулек, опубликованных за границей, или длинной белой бороды, какую теперь никто не носит. Нет, он не золотую жилу нашел, которую ведь и отнять можно. Он - другое. Он рецепт бессмертия нашел. Персональный. Не отнимешь.

Ах, не зря он по молодости все больше с Маяковским-то, ох, не зря! Заразил. Да вот ведь оно, там же, в “Почему мы все-таки пишем?": “И еще одно. Самое главное: Воскресение из мертвых. Обещано! Когда-то давным-давно, на заре человечества, сам Господь обещал, что мертвые воскреснут. Ползком, одолевая ужасы, скажу: а может быть, когда-нибудь так и будет, и об этом, единственно об этом, твердит вся мировая словесность. Искусство всегда надежда”.

Метафора - спасение. Введя метафору в жизнь. в быт, растворившись в ней и гуляя в свое удовольствие вдоль и поперек времени, он, видимо, набрел-таки на заветную формулу.

Ровно год назад, 25 февраля 1997 года, Андрей Донатович Синявский не умер. Он перевоплотился.

А они - пусть себе ломают перья. Дурачки:

“Литературная газета”, 25 февраля 1998 г.

СИНЯВСКИЙ КАК МЫСЛИТЕЛЬ

(Отрывки)

Андрей Синявский был прежде всего мыслителем, и уже по дальнейшим разветвлениям этого сложного призвания - прозаиком, литературоведом, культурологом. "Мыслительство" - особая склонность российского ума, которая не совпадает с традиционным делением культурных областей на "литературу", "эстетику", "политику", "философию" и т.д. По этой причине облики российских мыслителей расплываются в восприятии Запада и чаще всего не попадают ни в какую категорию, то есть попросту игнорируются, как недостаточно артикулированные деятели неизвестно чего.

Как верно замечает автор одной из первых американских книг о Синявском, "Синявский философичен, хотя и не философ: он не строит системы, не изобретает нового словаря. Этим он вписывается в господствующую российскую традицию, в которой литература и философия, как правило, не разделяются полностью"¹. По определению самого Синявского, мысли настигают его "врасплох", не вписываются ни в какой план и распорядок. И, возможно, по этой же самой причине главные свои мысли Синявский высказывает от чужого лица, приписывая их своему "сомысленнику" или "иномысленнику" Абраму Тер-

---

¹ Richard Lourie. Letters to the Future. An Approach to Sinyavsky-Tertz. Ithaca and London: Cornell University Press, 1975. p. 122.

цу. Мысль приходит неизвестно откуда и высказывается от имени кого-то другого. Вот эта заведомая цитатность мысли, ее чуждость своему автору и делает Синявского созвучным той эпохе, которая устами Ролана Барта и Мишеля Фуко провозгласила “смерть автора”, точнее, рассеяние авторства, которое свободно перетекает через границы индивида как суверенного государства, образуя множественные диаспоры.

3. Пушкин - наше ничто. Творчество из пустоты

Пустота, жаждущая наполнения, но никогда не утоляющая своей жажды, - один из главных метафизических мотивов, который проводится Синявским в его размышлениях о Пушкине и русском национальном характере вообще. Книга Синявского “Прогулки с Пушкиным” оказалась его вторым, после трактата о соцреализме, постмодернистским манифестом и произвела двойной скандал, поскольку на этот раз к ряду незначущих знаков сводилось уже не официальное искусство советской эпохи, а святая святых национального мифа, то, чему предназначалось быть и оставаться первой любовью и вечным спутником народа в годину самых тяжелых испытаний. В восприятии и по поручению своих благодарных потомков Пушкин легко входил в любую роль: певца русского государства и провозвестника русской свободы, друга царя и друга бунтовщиков, мятежного вольнолюбца и смиренного христианина, народного пророка и сторонника чистого искусства, пылкого любовника и заботливого семьянина, мечтательного романтика и трезвого реалиста. “Пушкин - наше все”, - произнес Аполлон Григорьев крылатую фразу. “Пушкин - наше ничто”, - переименовал ее Синявский.

“Прогулки с Пушкиным”, пересланные письмами жене из Дубровлага в 1966-1968 гг., стали первым и лучшим российским образцом “деконструкции” художественного мира, “постструктуралистским” прочтением классики, свободным от лю-

бой методологической натужности, как структуралистского, так и антиструктуралистского толка. Собственно, нет никакой нужды применять к “Прогулкам” поглупевшее от злоупотреблений, тяжеловесное понятие “деконструкция”. Напротив, можно расширительно обозначить жанр и метод истолкования, предложений Синявским, “прогулкой” и понять весь постструктурализм как множество разнонаправленных прогулок - с Платоном и Руссо, с Шекспиром и Малларме, со всей классикой и мировой культурой. То, что Деррида впоследствии назвал “расеянием и осеменением” смыслов в языке (dissemination), а Делез и Гватари - “детерриторизацией” (перемещением), у Синявского раньше того выразилось простой формулой (искусство гуляет” (ПСП, 436). И критику ничего не остается, как гулять вместе с художником, т.е. постоянно уклоняться от однонаправленного понимания путей искусства. Только нам показалось, что вот оно куда-то ведет, чему-то служит, к чему-то призывает... “Оно все это делает - до первого столба, поворачивает и -

Ищи ветра в поле” (ПСП, 436).

Отсюда “подвижность, неуловимость искусства, склонного к перемещениям...” Искусство Пушкина “настолько бесцельно, что лезет во все дырки, встречающиеся на пути, ландшафт меняется, дорога петляет” (ПСП, 435, 436).

“Прогулки с Пушкиным” оказались одной из самых скандальных книг на русском языке и подверглись остракизму и в кругах русской эмиграции (1975), и после перепечатки на родине (1989). Если до того России был известен Пушкин - золотой классик, “дитя гармонии” (А. Блок), “обличитель тирании, великий патриот и провозвестник светлого будущего” (А. Твардовский) и, в 1970-е - 80-е гг. “христианин, познавший мудрость смирения” (В. Непомнящий)²,

---

² О меняющихся образах Пушкина в 1960-1980-е гг. см.: М.Н. Эпштейн. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX-XX веков. М., 1988, с. 96-110.

то в истолковании Синявского Пушкин - пустейший малый, циник и ветрогон, который с самим Хлестаковым на дружеской ноге. Если роман "Евгений Онегин" и есть "энциклопедия русской жизни", то лишь в том смысле, что энциклопедия, как правило, состоит из общепринятых мнений, сокращенных выжимок и знакомых цитат - ничего оригинального, своего, "лексикон прописных истин" и "салонное пустословие". Весь роман - попытка уклониться от написания романа, система уверток и "отступлений", где автор, по его собственному признанию (в письме к А. Бестужеву), "забалтывается донельзя". Как образно доказывает Синявский, "роман утекает у нас сквозь пальцы... он неуловим, как воздух, грозя истаять в сплошной подмалевок и, расплывшись, сойти на нет - в ясную чистопись бумаги" (ПСП, 383).

И - совсем уже грозное обобщение, где национальная святыня и "наше все" приравнивается к упырю: "Пустота - содержимое Пушкина. Без нее он был бы не полон, его бы не было... Любя всех, он никого не любил, и "никого" давало свободу кивать налево и направо... В столь повышенной восприимчивости таилось что-то вампирическое. Потому-то пушкинский образ так лоснится вечной молодостью, свежей кровью, крепким румянцем... вся полнота бытия вместила в момент переливания крови встречных жертв в порожнюю тару того, кто в сущности никем не является, ничего не помнит, не любит..." (ПСП, 372, 373). Очень жутко и ново - хотя и вспоминается, что Достоевского восторгала именно "всемирная отзывчивость" Пушкина, который, как никто из мировых поэтов - несравнимо с Шекспиром и Шиллером, - умеет перевоплощаться в характеры и атмосферу других народов. "Ведь мог же он вместить чужие гении в своей душе, как родные"³, - призрак вампира уже витает над этой благоговейной фразой. То, что у Достоевского звучит беспримерной хвалой,

---

³ Ф.М. Достоевский. Пушкин (Очерк). Полное собрание сочинений в 30 тт., т. 26, Л., 1984, с. 148.

у Синявского - разоблачение гения российской перемимчивости, который ухитрился обчистить все закрома европейской словесности, до отвала насытиться чужой кровью. Это ли не творческий вампиризм? - и если Пушкин есть откровение о всемирном призвании и отзывчивости русской души, то вывод Синявского отдает еще большим кошунством: как разоблачение кровососной, "подражательной" сущности целой культуры-упыря, разметнувшейся на шестую часть света.

Но если внимательно перечитать "Прогулки с Пушкиным" (1966-1968) рядом с "Голосом из хора" (1966-1971), который одновременно отсылался письмами из Дубровлага, то видно, что "пустота" и даже "вороватость" в понимании Синявского - это не оскорбительное, а, скорее, лестное качество, необходимое художнику. И если Пушкин - пустейший малый, то и сам автор, уже в отношении собственных опытов, ловит себя на том же состоянии пустоты. "...Я повторяюсь и переливаю из пустого в порожнее" (ГИХ, 479). "Чтобы написать что-нибудь стоящее, нужно быть абсолютно пустым. <...> Не устаю удивляться тому, как писатель ничего не знает, не помнит, не умеет, не может и этой немощностью своей - всем бессилием высказать что-либо путное - обращен ко всему свету, и только тогда он что-то может и знает" (ГИХ, 603). Для Синявского сам язык есть пустота, точнее, сетка слов, сквозящая пустотой и молчанием. "Абсолютно пустой. Силки, сети. Сетка речи, брошенная в море молчания с надеждой вытащить какую-нибудь золотую рыбку. <...> Писатель - немножко рыбак. Сидит и удит. Ничего не понимая, не думая - положите мне чистый лист, я из него непременно что-нибудь выужу" (ГИХ, 643, 668). Здесь почти дословно повторяются мотивы книги о Пушкине: писатель, как фокусник, из чистого листа, ни о чем не думая, выуживает золотые слова, которые никому не подчиняются и не исполняют никаких поручений, - но, вильнув хвостом по воде, уплывают в море, сходя на нет в ясной чистописи бумаги.

Да, каждый из нас, пользуясь языком, может высказать на нем что-то свое, но ведь язык, как целое, ничего не говорит, он великий немой, и писатель, приближаясь к этому молчанию *всего* языка, сам немеет, точнее, немymi становятся сами его слова, говоря все обо всем - и ничего в особенности. "Хуже нет, когда из-под слов торчит содержание. Слова не должны вопить. Слова должны молчать" (ГИХ, 493). Писательство, по Синявскому, - искусство молчания, а также искусство многозначительной и малозначащей болтовни, как бы взбалтывающей мыльные пузыри, оболочка которых сияет радугой, а содержимое - "ищи ветра в поле".

То, что впоследствии стало штампом постмодернистской теории - стирание следов письма, стирание и отсрочка значений в игре знаков, - у мордовского политэка Синявского высказалось метафорически свежо и ясно в то самое время (1966-1971), когда деконструкция была еще новостью в Париже. Напомним, что книга Жака Деррида "О грамматологии" появилась в 1967-м, "Рассеменение" в 1972-м. Синявский, конечно, не создал категориального аппарата нового метода, но удивительно чуток к его метафорическим возможностям - а ведь деконструкция и предполагает обреченность теоретического мышления вращаться в кругу метафор. Прочитайте хотя бы фрагмент из книги "Голос из хора", который начинается так: "...Я повторяюсь и переливаю из пустого в порожнее. В оправдание замечу, что текст как пространственная задача не может быть ни статичной площадкой, ни движущейся в одном направлении лентой. Он ближе к кругам по воде. Антиномии - типа "зимы", "солнца", "острова", "женщины", "книги" и т.д. - заставляют слова разбегаться по радиусам, повторяя и исключая друг друга, производя вращение речи..." (ГИХ, 479). Это вращение знаков вокруг пустой воронки центра-значения - одна из самых устойчивых, "коллективных" метафор всего корпуса текстов западного постструктурализма.

7. Стилистика “еврейского вопроса”

Эстетическое оправдание России как “почвы для опыта и фантазий художника” позволяет понять и особое отношение Снявского к “еврейскому вопросу”. Среди русских мыслителей второй половины XIX века Снявский, пожалуй, самый известный и последовательный филосемит, не упускавший случая дать отповедь столь частым в эту эпоху проявлениям идейной юдофобии. В этом его можно сравнить, пожалуй, только с Владимиром Соловьевым и Максимом Горьким - самыми стойкими защитниками еврейского народа в два предыдущие полустолетия. Но если сравнить филосемитизм этих трех авторов, обнаружится громадная разница в самом характере и источнике их симпатий к еврейству.

Для Владимира Соловьева, как и для других религиозных русских мыслителей - Бердяева, Мережковского, Вяч. Иванова, еврейский народ - это прежде всего первый носитель христианского откровения, отеческая среда религии Сына. Глубокая религиозность и преданность Богу до самопожертвования: высокое развитие национального и индивидуального “я”, самосознания и самодеятельности; крайний житейский материализм и практическая устремленность - таковы, по Вл. Соловьеву, три основные черты еврейского национального характера, которые привели к воссоединению божественного и плотски-человеческого в новозаветном откровении Иисуса Христа. Христианство - это в какой-то мере иудизация языческих народов эллинско-римского круга, привитие дикой лозы к благородному монотеистическому корню. Потому “еврейский вопрос” для русских религиозных мыслителей - это прежде всего “христианский вопрос”, вопрос отношения к евреям в соответствии с заповедями о любви к ближнему и о почитании родителей, ведь иудеи - не только “ближние” христиан, но и их “родители” по вере.

Другой тип филосемитизма представлен у Горького и многих других деятелей социал-

демократического круга, к которому можно причислить и Ленина. Горького восхищает в евреях их неутомимое трудолюбие и жизнелюбие, практическая сметка, их здравомыслие, склонность к научному мышлению и активное участие в делах социального и технического прогресса - в этом смысле он противопоставляет еврейство русской обломовщине, мистицизму, культу страдания и самоотречения.

Синявский же находит какое-то третье измерение еврейства, чисто художественное, через которое он с ним и породнился, не кровно, но творчески, выбрав себе пожизненным псевдонимом имя персонажа блатной одесской песни Абрама Терца. Кто такой Терц? Не еврейский праведник и не носитель социального и научного прогресса, а "карманник всем известный" - т.е. тот самый шипач-виртуоз, который оправдывает буквальный смысл выражения "власть в руках искусства". Именно блатная, бандитская, не талмудически-ученая и не хасидски-мечтательная, но одесски-жовиальная, бабелевская ипостась еврейства вызывает у Синявского наибольшую симпатию, сливаясь с его собственным представлением о художнике-фокуснике, ловкаче, обманщике, скоморохе. Если еврей Терц и вносит какую-то дополнительную ноту в репертуар русской фольклорной уголовщины, то именно тем, что он, как человек южный и темпераментный, имеет и более беглую инструментовку в пальцах, и ножичком может острее полоснуть, и ловче выследить фраера, и хитрее ускользнуть от милиционера - т.е. он "художественнее". Синявский сообщает о Терце: "Он гораздо моложе меня. Высок. Худ. Усики, кепочка. Ходит руки в брюки, качающейся походкой. В любой момент готов полоснуть - не ножичком, а резким словом, перевернутым общим местом, сравнением... <...> Терц - мой овеществленный стиль, так выглядел бы его носитель"⁴.

---

⁴ Собр. соч. в 2-х тт., т. 2, с. 4 (цитируется по предисловию Владимира Новикова).

И действительно, если сравнить стили Синявского и Терца, то легко обнаружить, как выразился бы прототип Терца, “две большие разницы”. Стиль книг, подписанных именем “Синявский”, учено велеречив, плавлен, замедлен, риторически слегка избыточен, отягощен правилами хорошего академического тона. “Розанову свойственна разносторонность интересов и материалов, которые он подымает, вопросов, которые он ставит в той или иной области жизни, науки, культуры”. Так пишет Синявский - и о ком? - о Розанове!⁵ Материал самый скандальный, а манера, словно по контрасту, самая академическая. “Подымать интересы”, “ставить вопросы” - будто перед нами заговорил словарь словосочетаний русского языка.

“На тоненьких эротических ножках вбежал Пушкин в русскую поэзию и произвел переполох” (ПСП, 346). Так пишет Терц - и о ком? - о Пушкине! Материал самый академический, а манера, опять же по контрасту, самая скандальная. Стиль Терца, в самых выразительных и динамичных образцах, - это именно полосование пером-ножичком, уголовный почерк, весь состоящий из углов, лихих поворотов, острых прочерков и завитушек.

Вообще удивительно, насколько Синявский в трех своих монографических исследованиях о писателях сумел дистанцироваться от Пушкина, меньше - от Гоголя, и совсем не сумел или не захотел - от Розанова, отчасти, может быть, потому, то в данном случае ему приходится бороться с общественной инерцией “благородного негодования и презрения перед первым русским поэтом”. Синявский, как современный критик, вообще склонен противодействовать своему материалу, искать интриги в расхождении с ним и установке на “дополнительность”. Пушкин, по Синявскому, - поэт общих мест, прописных истин, поэтому в книге о нем автор сыплет блестящими парадоксами. И наоборот, книга о Розанове, главном

---

⁵ “Опавшие листья” В.В. Розанова”, с. 17.

российском парадоксалисте, грешит общими местами. “Я думаю, в основе розановской парадоксальности лежит его вера в абсолютную ценность человеческой души и человеческой личности, вера, которая не вмещается ни в какие строгие границы...”⁶ Автор книги о Пушкине, пожалуй, не преминул бы отпустить остроту по поводу столь округлой и полновесно-риторической фразы. Книга о Розанове полна таких вот “гуманных мест”, представляющих попытку оправдать скандального мыслителя перед лицом “гармонических пошляков” на их собственном “правильном” языке.

Не забудем, однако, что книга о Пушкине подписана “Терц”, а книга о Розанове - Сиявский. Вот так и получается, что Розанов, любивший показывать кукиш человечеству, в изображении академически благожелательного Сиявского выступает как гуманист из гуманистов, а Пушкин, у которого всегда находили “лелеющую душу гуманность” (Белинский), в изображении хулиганствующего инородца Терца оказывается упившимся кровью вурдалаком⁷.

Конечно, это крайние примеры, между которыми есть и переходы: и у Сиявского можно найти немало терцизмов, и Терц порой начинает сбиваться на лекторские и менторские интонации, но в целом

---

⁶ Там же, с. 254-255.

⁷ В целом Сиявский сильнее, когда пишет “не от себя”, и в этом - черта его авторской щедрости и жертвенности. В каталогах библиотек под именем Сиявского числятся три-четыре академические книги - зато десятки разножанровых книг принадлежат перу неутомимого и искрометного Терца. Победенный автор дарит свои книги персонажу-победителю - и даже не своему персонажу, поскольку в таком качестве Терц нигде не выступает у Сиявского, а персонажу чужому, промелькнувшему в какой-то бластной песенке. Пример Сиявского доказывает, что вообще говорить о “смерти автора” в безликой тональности “свершившегося факта”, как это делают французские постструктуралисты, - некоторое теоретическое лицемерие. Есть жертва, приносимая автором, - или такой жертвы нет, и тогда тексты, возвещающие смерть автора, исполнены несравненной авторской самоуверенности и самолюбования, решимости запечатлеть на самой идее “новой анонимности” знак своего авторства.

два “подельника” не изменяют раз распределенным ролям. Еврей-уголовник нужен политическому преступнику Снявскому, чтобы взорвать стилевое благообразие и вялое “интеллигентское” добронравие русской мысли, внести в нее резкие и нервные жесты, ускоренные интонации и промельки удаленных понятий, ловкость пальцев, мгновенно опоражнивающих чужие карманы, атмосферу скандала и толкучки: “бей жида!”, “держи вора!”. Естественно, что “жидом” и “вором”, и вообще врагом всех и всего в этой ситуации выступает сам Снявский-Терц, ради художества пошедший на ряд самых неблагоприятных подлогов - имени, нации, культурных традиций. “В эмиграции я начал понимать, что я не только враг советской власти, но я вообще - враг. Враг как таковой. Метафизически, изначально”⁸.

Действительно, с какой стороны ни приблизься к Снявскому, он грозит полоснуть потерпевски заостренным бандитским ножиком. Вот и честь быть “первым мыслителем российского постмодерна” Снявский вряд ли принял бы без резких возражений. Постмодернист по определению не может иметь врагов ли быть чьим-то врагом, поскольку он ничему не противостоит и ни с чем не отождествляется, он легко присваивает себе любой стиль и легко отчуждает свою собственную речь в виде цитаты. Снявскому же выпала куда большая честь быть “всеобщим врагом”: и советской власти, и русского народа, и классики, и гуманизма, и священных традиций, и прогрессивного, и реакционного человечества...

Вместо заключения. Кто такой мыслитель?

Пожалуй, самое опасное и рискованное в работе Снявского - не то, что он “клеветал” на Пушкина и Россию, присвоил себе бандитские замашки и

---

⁸ Диссидентство как личный опыт (1982). “Новое русское слово”, Нью-Йорк, 7 марта 1997, с. 25.

“жидовскую” кличку, а в том, что он был мыслителем, т.е. неизвестно кем и неизвестно для чего. И сюжетные его вещи - рассказы, повести, роман - как-то не проходят вполне по ведомству изящной словесности и вызывают у критиков подозрение в умышленности, надуманности, - как якобы чересчур “головная” проза, упражнения начитанного литературоведа. И афористические его книги не проходят по разряду настоящей философии, которая предполагает строгую определенность каждого термина и точно оговоренную их связь в системе развивающихся понятий.

“Мыслитель” - это вообще загадочный род деятельности, который отсутствует в любом перечне социально признанных профессий. Ни в одной самой причудливой и богатой культуре нет таких штатных единиц - “мыслителей”. Есть профессии писателя, критика, литературоведа, философа, преподавателя, но можно принадлежать к любой из них и при этом не быть мыслителем. Синявский был участником и открывателем во всех этих видах деятельности, но то, что соединяло их и в них не умещалось, было главным в нем - труд мыслителя.

Почему “писатель” - это профессия, а “мыслитель” - нет? Быть может, по той простой причине, что все люди считаются мыслящими существами, но только немногие из них принадлежат к разряду пишущих, специально занятых производством письмен. Писатель может предъявить наглядный продукт своей деятельности, тогда как мыслитель, если он к тому же не писатель, лишен такого продукта.

Мыслителя нельзя также отождествлять с мудрецом. Мудрец пребывает в духовном покое, его мысль обрела точку опоры, он знает истину и согласует с ней свою жизнь, тогда как мыслитель находится в постоянном движении, он ищет и не находит. “Лисица знает много вещей, но еж знает одну боль-

шую вещь”, - говорит Архилох (фрагмент 201)⁹. Если мудрец - еж, то мыслитель - это лиса, которая непременно вынюхивает возможность поживы, выискивает многообразие смыслов, на которые откликается мысль, не сводя их к одной большой концепции, к одной всеобъемлющей истине. Мыслитель устраивает круговорот понятий - и сам втягивается в него, отталкивая от себя всякую устойчивую точку опоры. Мудрец ценит ясность головы, мыслитель любит головокружение, он опьяняется мыслью скорее, чем отрезвляется ею. В какой-то момент ему кажется, что в области мысли “все позволено”, и лишь чудом инстинкт самосохранения удерживает его на краю бездны, которая называется “релятивизм”. Но он знает упоение на краю этой мрачной бездны.

Наконец, мыслителя нельзя отождествлять и с философом как представителем определенной академической дисциплины. Если философ создает законченные системы или систематически доказывает невозможность таковых, то мыслитель действует по принципу “бриколажа”: “все годится”, “что ни лежит под рукой, все пойдет в дело”. Мыслитель использует любую систему как средство движения мысли за пределы системы. Мыслительство - это по сути своей инакомыслие, не политического, а наддисциплинарного уровня, которое не столько критикует концепции, сложившиеся внутри отдельных дисциплин (это дело внутринаучной дискуссии), сколько предлагает альтернативные сочетания понятий, альтернативные способы постановки и решения проблем, которые не могут быть поставлены или решены внутривнутридисциплинарным порядком. Мыслитель ищет и создает проблемы там, где обыденное мышление не видит проблем, а дисциплинарное мышление считает их решенными или неразрешимыми.

Если философия есть приближение к мудрости, то мыслительство есть приближение к философии -

---

⁹ Archilochus frag. 201 in M.L. West (ed.), *Iambi et Elegi Graeci*, vol. 1 (Oxford, 1971).

как бы вечной ее подогрев, не доходящий, однако, до точки кипения и превращения в пар отвлеченной мысли. Если философия есть любовь к мудрости, то мыслительство - любовь к самой философии, любовь к любви, желание быть влюбленным и длить это состояние влюбленности даже без всякой взаимности и награды. Мыслитель бескорыстен, поскольку ничего не требует от своей влюбленности в мысль, но часто и бесплоден, поскольку ничего не дает возрастанию и накоплению мысли, а только волнует ее и сам волнуется ею. Дело мыслителя - волновать поле мысли, пускать по нему волны, которые неизвестно пристанут ли к какому-нибудь берегу, понесут ли на себе корабль какой-то концепции. Мыслитель не чеканит понятия, не определяет их и не отделяет от других понятий, а пользуется их волновыми свойствами, их зыбкостью, размытостью, способностью незаметно переходить в другие понятия. Поле мысли в этом случае предстает континуальным, а не дискретным.

Здесь можно использовать налимовское различение жестких и мягких языков¹⁰. Философия - это жесткий язык мысли, а мыслительство - мягкий. Философия пользуется терминами, достаточно определенными в своем значении; шкала распределения их значений тяготеет к высокой частотности и вероятности. Мыслитель, напротив, пользуется достаточно аморфными терминами или употребляет их в малоопределенном значении, как мыслеобразы, как полутермины-полуметафоры, значение которых гораздо менее вероятно и определимо, тяготеет к метафорическому полюсу размытости, хотя и более дискретно,

---

¹⁰ В.В. Налимов. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М., 1979, с. 105-108 (глава "Семантическая шкала языков"). Разделение языков по принципу жесткости-мягкости связано со статистической вероятностью распределения значений у соответствующих языковых знаков - максимальной заданностью и предсказуемостью значений у жестких языков, таких, как математика, логика, компьютерные программы, и минимальной - у мягких языков, таких, как абстрактная живопись или древняя индийская философия.

чем в собственно образном, художественном творчестве. Мыслительство - это широкая зона, лежащая между философией и литературой, между научностью и писательством, поэтому и писатели, тяготеющие к более свободному языку притчей, мифов и образов, оказываются мыслителями. Достоевский - мыслитель от литературы, Соловьев - мыслитель от философии, и хотя они движутся от разных полюсов, оба встречаются в промежуточной зоне мыслительства.

Если в западном академическом мире стандарты мышления определяются его принадлежностью определенной дисциплине, прежде всего философии, то русская духовная культура - культура мыслителей по преимуществу. Мыслительство - это странный, исторически реликтовый и вместе с тем проективно-жизнестроительный род деятельности, который одновременно и отстаёт от философии как дисциплины, и забегает вперед нее. Мыслитель еще не расчленяет понятия, принадлежащие разным дисциплинам, и уже соединяет их, он находится в предфилософском и постфилософском состоянии ума. Если здравый смысл - это успокоенность ума на преддисциплинарном уровне, а мудрость - успокоенность ума на постдисциплинарном уровне, то мыслительство - это беспокойство ума, которое побуждает его метаться, перебегать с уровня на уровень, нарушать правила одного уровня вторжением понятий другого уровня. Синявский назвал это приближение мыслей, неожиданных для самого мыслителя, "мыслями врасплох". И наоборот, как только мысли приводятся в порядок, становятся логически предсказуемыми, выводимыми по правилам системы, иссякает сила мыслительства. "Мысли кончаются и больше не приходят, как только начинаешь их собирать и обдумывать..." (МВ, 338).

Такова традиция русского мышления - мыслить порывами и урывками, охватывать все области сразу, соединяя образное мышление с концептуальным, философское с политическим. Отсюда взаимное непонимание и критика русского мыслительства и западной философии. Для западной философии русская

мысль синкретична, лишена дисциплины, еще-не-дисциплинарна. Для русских мыслителей западная философия чересчур специальна, аналитична, еще-не-синтетична. Следовало бы установить для каждой из этих традиций зоны притяжения и “опережающего роста” друг для друга. Русская философия, одновременно и синкретичная и синтетичная, должна благоговеть перед дисциплинарностью, которой она еще не достигла, а не третировать ее, как уже превзойденную. С другой стороны, и западная философия, критикуя синкретизм русского мыслительства, не может не чувствовать в нем и те начала синтеза, к которым она сама устремляется.

Постмодернистская культура Запада пытается преодолеть узкую специализацию и замкнутость своих академических традиций, заново соединить философию с литературой, термин с метафорой, мышление с игрой - и потому могла бы многое усвоить из российского опыта “мыслительства”, если бы само мыслительство приняло более трезвый и остранный взгляд на самого себя и не упивалось иллюзией своих бескрайних возможностей, которые тои дело оборачиваются отсутствием результатов. “Возможность противоречить самому себе, а не излагать какую-то стройную концепцию” - то, что Синявский столь ценит у Розанова, - действительно, позволяет воссоздать “какой-то очень естественный и живой процесс, процесс роста и развития мысли”¹¹. Но эта же “процессуальность” мешает мыслителю предъявить результат мышления, который постоянно откладывается на потом. Мыслительство - это игра с концептами, которая отсрочивает на неопределенное время построение законченной концепции, так что за каждым мыслителем тянется расходящийся веер ка-

---

¹¹ “Опавшие листья” В.В. Розанова”, с. 187. Вообще это еще вопрос - бывают ли абсолютно живые и естественные мысли, без малейшего системного окостенения? У Розанова много таких мыслительных вздохов, но... “Вообще драть за волосы писателей очень подходящая вещь” (В.В. Розанов. “Опавшие листья”. Сочинения, т. 2. М., 1990, с. 319). Это - мысль?

ких-то туманных грез, недоказанных обобщений и неисполненных обещаний. И это не вопреки, а благодаря тому, что мыслитель “по кратчайшей прямой” устремляется к предмету своих размышлений, как правило, не ведая методологических сомнений и колебаний.

В русском языке есть два основных глагола для обозначения мышления: “думать” и “мыслить”. При том, что они считаются синонимами, очевидна разница в их сочетаемости. “Мыслить” - переходный глагол: можно “мыслить будущее страны”, “мыслить бесконечность вселенной”, “мыслить движение без материи” - тогда как “думать” можно лишь “о” и “над”. Отсюда возможность страдательного причастия от “мыслить” (мыслимый), но не от “думать”. “Думать” косвенно относится к своему предмету (который потому и ставится в косвенном падеже), остается на дальних подступах к нему, тогда как “мыслить” содержит в себе свой предмет, объемлет его, владеет им. То, что мыслится, составляет внутреннее содержание мысли, тогда как то, о чем думается, находится за пределом самого думания. Поэтому думать - еще не значит мыслить, это только подступаться к предмету мысли, склоняться над ним, обходить вокруг него (думать “над” и “о”), оставаясь внешним ему, тогда как мыслить - значит заключать предмет в самом мышлении, двигаться вместе с предметом¹². Сама прямота этого действия, выраженная в переходности глагола, предполагает, что мысль и предмет прозрачны друг для друга, переходят один в другой.

Разумеется, особенности национального языка и мышления, грамматики и философии не могут всецело предопределять, но могут в какой-то степени провоцировать и “символизировать” друг друга. Рус-

---

¹² “Думать” - это в большей степени психологическое состояние личности думающего, психический акт, подобно волнению, страху, тревоге, ожиданию, тогда как “мыслить” - это метафизическое отношение мысли к мыслимому, их соединение.

ский мыслитель потому и мыслитель, что он “мыслит вещи” как непосредственно данные его мысли и даже положенные внутрь мысли. К этому, в сущности, сводится философский интуитивизм Николая Лосского, пожалуй, единственная эпистемиологическая теория, систематически разработанная на русской почве. “Теория знания, разрабатываемая мною, по существу сходна к наивным реализмом детей и примитивных народов. Согласно этой теории, когда я направляю акты сознавания, внимания и различения на предмет внешнего мира, в моем сознании находится сам этот предмет; я непосредственно созерцаю его”¹³. По Лосскому, “такой предмет, как наблюдаемое дерево, *имманентен* сознанию субъекта, но остается *трансцендентным субъекту сознания*”¹⁴. По-русски мир мыслим и сознаваем, то есть прямо переходит в содержание мысли и сознания. Русское мыслительство есть такое распоряжение миром как мыслимым, блаженство мыслимости всего, непосредственной доступности его не только для познавательных, но и властных, жизнестроительных актов мысли.

Между тем англо-американский философ *думает* о мире, который остается всего лишь интенциональным объектом мышления, запредельным самому мышлению, косвенно вязанным с ним через предлог “о” (сама интенциональность определяется как “о-ность” мышления, т.е. его свойство быть мышлением “о”). Через это “о” и “над” (“about” и “over”) рождается англо-американская аналитическая традиция, вообще эпистемиология, как теория непреодолимой преграды между познанием и его объектом, неустранимой иноположности одного другому¹⁵. Мышление спотыкается об этот косвенный падеж - и вырастает в

---

¹³ Н.О Лосский. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995. с. 332.

¹⁴ Там же.

¹⁵ В немецком и французском языках глаголы, обозначающие процесс мышления, также по преимуществу употребляются в nepřеходном значении и требуют постановки объекта в косвенном падеже: “denken über”, “penser à”.

сложную философскую стратегию его обхождения, выпрямления (рационализм) - или признания его неодолимым препятствием и тупиком для знания (скептицизм, релятивизм). Западная академическая философия, особенно в XX веке, возводит "о", интенциональность, т.е. косвенную связь мышления с его предметом, в одну из своих основных проблем - и строится на основе эпистемиологии, теории обходных путей приближения к предмету, который в конечном счете все-таки оказывается недостижимым, "вещью-в-себе" или "отсутствующим означаемым". Между тем русская философия просто "мыслит" свой предмет - и нежится в нем, вторгается в него, сливается с ним, так что мыслительство - это еще и особое сибаритство мысли, охватывающей мир как целое, в его открытости и доступности мышлению, универсальная "машина желания", предмет которого - не отдельное тело, а тело всего мироздания в совокупности его мыслимых свойств и отношений¹⁶.

Но именно потому, что мыслительство лишено познавательных преград, оно особенно остро нуждается в иных способах самоограничения и самоорганизации. Мыслить - значит пребывать в мышлении, которое само пребывает в мыслимом. Поэтому то, что я мыслю, характеризует не только меня, но и мыслимое. Мыслящий в ответе перед мыслимым, и мысль сама есть форма ответственности, опытного и волевого соответствия мыслящего мыслимому. Мыслительство не означает познавательного произвола, хотя на практике часто проявляет большую раскрепощенность и даже разнузданность в отношении мыслимого, чем философия, которая осторожнее подходит к своему предмету, ставя границу непознаваемости между ним и собой. Мыслительство снимает эту позна-

---

¹⁶ Собственно, такое совпадение желаемого и мыслимого - задолго до современных мыслителей Батая, Фуко, Делеза и Гваттари - находит обоснование еще у Аристотеля: "высшие предметы желания и мысли тождественны друг другу" ("Метафизика", 1072 а. Аристотель, Соч. в 4 тт., М., 1975, с. 309.

вательную границу, взамен ограничивая себя нравственной ответственностью за мыслимое - т.е. имея прямой доступ к его бытию, прямо "переходя" на предмет, несет его в себе, готовясь разделить его судьбу. Взамен познавательной разделенности - нравственная участность: так решается судьба "вещей-в-себе", которые берется мыслить мыслитель, делая из "вещами-для-себя" и тем самым беря на себя и ответственность за них. Это значит: мыслить отзывчиво, ища смыслового основания каждому явлению не в общем принципе, а в самом этом явлении, в его особости и несводимости к принципам. Мыслитель сочувственно ищет раскрытия каждого явления на такой глубине, где оно могло бы являться сущностью и целью себя самого. На область мышления переносится та заповедь, которую Кант считал основополагающей для этики: всегда относиться к человеку как к цели и никогда не относиться к нему как к средству.

Синявский - едва ли не самый чистый образец русского мыслительства конца нашего столетия, со всеми опасностями и соблазнами этого далеко не чистого, всегда взвихренного и замутненного жанра. Но в одном трудно усомниться: Синявский всегда шел вперед за предметом своей мысли и сам пребывал в мыслимом, вместе с ним говорил и молчал, лукавил и опрошался. Он говорил о том, что требует высказывания, и молчал о том, что требует действия, - может быть, поэтому он не сказал о "нравственности" и "ответственности" и сотой доли того, что сказал о "художестве". И если он писал о дурачестве, о босячестве, о ветре, гуляющем в поле, то потому, что и сам жил "дурак дураком" (первая запись "Мыслей врасплох"), и сам был среди тех, которые "идут, идут сейчас... и будут идти и идти..." (последняя запись "Голоса из хора").

АЛЕКСАНДР ПУШКИН И АБРАМ ТЕРЦ

*Доклад на конференции
“Пушкин и наша современность”,
Университет Блумингтон, Индиана*

25-го февраля 1997 года умер Андрей Донатович Синявский. Книги о Пушкине и Гоголе, которые подписаны именем его литературного двойника Абрама Терца, встретили самый неласковый прием в русской критике и русской науке о литературе. Мне кажется, что теперь, по завершении земной жизни Синявского, все отчетливее проступают черты пушкинской парадигмы в судьбе и жизни этого писателя. За три года до смерти он еще раз вернулся к Пушкину в большом эссе “Черная речка”. По размеру оно равно трети его книжки “Прогулки с Пушкиным”, и представляет собою, во-первых, род “опровержения на критики”, а во-вторых, является как бы пост-скриптумом, дополнительной главой к написанной в годы заключения книге о Пушкине. Нельзя считать случайностью то, что в конце жизни писателя тянет на Черную речку. Долгие годы защита личной чести и общественного достоинства была для Синявского острой и болезненной проблемой, вставшей перед ним во весь свой грозный рост, как перед Пушкиным в последний период его жизни. Конечно, проблема чести обрела в конце двадцатого столетия другие очертания. Под боем теперь была безупречность общественной репутации, а не только семейная честь. Но компоненты были те же - клевета, пособничество сплетни, равнодушие, а порой и предательство близ-

ких. И если идея правительственного заговора против Пушкина теперь отброшена, хотя мысль о правительственном попустительстве остается, то против Сивянского государственное ведомство действительно вело кампанию по дискредитации - о чем теперь свидетельствуют опубликованные архивные документы, а попустительством и травлей с охотой занималась зарубежная русская пресса. Самый нерв эссе Абрама Терца "Черная речка" составляет перечитывание и комментирование "Капитанской дочки" в свете собственного опыта. А "Капитанская дочка" - центральная вещь у Пушкина в комплексе текстов, связанных темой достоинства и чести.

Под конец двадцатого столетия, как и под конец предыдущего, на просцениуме у нас Пушкин. Весь двадцатый век мы прожили с Пушкиным. Он у нас был вроде мхатовской чайки на занавесе, какая бы драма ни разыгрывалась на исторической сцене и какие постановщики ни управляли бы нашим безмолвием за кулисами. Возьмите хоть самые разъюбилейные годы - 1937, 1949... Уже тон и склад хармсовских "Анекдотов из жизни Пушкина" продиктованы утомлением от назойливого юбилейного сюсюканья на фоне роста тюремно-лагерного населения в стране. В относительно же вегетарианские 60-80 годы ежегодные пушкинские праздники превратились во всенародно-привычные поводы к застолью и выпивке, вроде 7 ноября или 1-го мая. Они представлялись как бы даже свободными от идеологических посягательств со стороны Софьи Власьевны. Только вот именно что "как бы"...

Пушкин настолько "наше все", что на него издавна равно претендуют все: правительство и оппозиция, литературные олимпийцы и самые отчаянные маргиналы. Нельзя забыть, что Маяковскому и Бурлюку в их еще довоенных футуристических гастрольях по русской провинции было предписано "не касаться ни начальства, ни Пушкина". С той поры сменилось много видов разного начальства, но непоколебимой

осталась его уверенность, что, держа при себе Пушкина, оно защищает "свое все" - свою священную собственность. Только этим и можно объяснить тот враждебный прием, который встретила в 1975 году маленькая книжка Абрама Терца "Прогулки с Пушкиным". И добро бы дело происходило в казенных советских изданиях. Так нет, "Прогулки с Пушкиным" вышли в свет в Лондоне и сокрушительному разгрому подверглись в вольных эмигрантских журналах. Я напому названия этих проработочных статей: "Прогулки Хама с Пушкиным", "Терцизированный Пушкин", "О злом суемудрии книг Абрама Терца"... Западным людям, вскормленным на вольных хлебах европейской эссеистики, невозможно было понять, почему намеренно дерзкое, провокативное по форме литературное эссе, трактуемое, однако, сугубо литературный сюжет, воспринимается искушенными - подчеркиваю - искушенными читателями как преступление против нравственности и оскорбление национальной культуры. В конце семидесятых годов на конференции славистов в Лос-Анжелесе Мишель Окутюрье сделал доклад "Второй суд над Абрамом Терцем". Его поразило, что неспособность к грамотному чтению, к восприятию гротеска, условности, литературной игры, которую Терц вел со своим читателем, были и в эмиграции все те же, знакомые по судебной-следственной логике советских литературных экспертов. Синявский-Терц оказывался нарушителем границ стилистического канона и там, и здесь, и одно это обстоятельство проливало некий свет на вопрос, который в те годы широко обсуждался в узком эмигрантском кругу - на вопрос о родстве и различиях русской литературы, создаваемой в метрополии и в зарубежье. (Однажды эта проблема даже дала название целой международной конференции славистов. Название было - "Одна или две русских литературы?") Две ли это были литературы или две ветви одной и той же, в любом случае, они если и не были тождественны, то были подобны - в своей не-

терпимости и жесткой регламентации. И Синявский-Терц не подходил ни той, ни другой...

С “Прогулок с Пушкиным” секретари эмигрантского обкома стали дергать к ответу Синявского каждый раз по отдельным фразам сочинений Терца. Только и слышно было: “На тоненьких эротических ножках вбежал Пушкин в большую поэзию и произвел переполох” - да как же можно? Что за тон? Что за скабрёзности? И что за сравнение национального гения с вурдалаком? Потом пошли вязаться к фразе из терцовского эссе - одного, кстати, из самых выстраданных - “Литературный процесс в России”. Фраза касалась русских евреев, в ту пору (в середине семидесятых) в довольно заметных количествах покидавших Советский Союз. Синявский считал это потерей, о которой сожалел в таких словах: “Россия-мать, Россия-сука, ты еще поплатишься и за это, выкормленное тобою и выброшенное на помойку, дитя”. С тех пор и по сей день только и слышим, что Синявский - это тот, кто обругал свою родину сукой... Словно не замечают парафраз знаменитой предсмертной реплики Блока - о чушке-России, слопавшей своего поросенка, словно и не догадываются, что Абрам Терц отнюдь не первый и не единственный русский, чувство которого к своей стране многосоставно и лишено мажорных тонов, и не помнят пушкинского вздоха: “Догадал меня Бог родиться в России с умом и талантом!” Словно и не существовало ни Чаадаева, ни Лермонтова, ни Вяземского, ни Герцена... А какая свистопляска разыгралась, когда немецкая газета “Ди Цайт” взяла в 1981 году у Синявского интервью в связи со столетней годовщиной со дня смерти Ф.М. Достоевского. Заметка редактора “Континента” Владимира Максимова под рубрикой “Наша почта” была посвящена одной единственной фразе из этого обширного интервью, которая приводилась тут же: “Но, конечно, как человек общества, русский всегда остается рабом”. По мнению Максимова, за этими словами стояла “фашистская теория о

рабской сущности славянских народов” и “гнусная розенберговская демагогия”. И диссидент Максимов, не стесняясь, грозил федеральным немцам советскими танками: “... не следовало бы забывать о том, чем кончилось это для Германии в 1945 году. Уверен, что повторение опыта кончится для нее, а может быть, и для всего мира, еще хуже. Поэтому не советуем повторять”. Как говорится, конец цитаты. Добавлю еще, что в 1984 году, несколько запоздало, Александр Исаевич Солженицын заново погнал антитерцевскую волну по поводу “Прогулок с Пушкиным” в статье “...Колеблет твой треножник”, все с теми же обвинениями в непочтительности тона и литературном хулиганстве.

Между тем, несмотря на то, что Синявского прорабатывали чуть ли не ежемесячно - если не в “Континенте” или “Русской мысли”, то в “Вестнике РСХД”, - у него никак не вырабатывался иммунитет к этим нападкам. Он - к моему огорчению - искренне расстраивался. Я говорила: “Если уж вы носитель непрямого слова и провокативной эстетики, то вы должны радоваться тому, что ваши эстетические провокации достигают цели. Это и есть единственно в вашем случае возможная форма успеха”. Но он совершенно не радовался... И не мог поверить: “Ведь это ж писатели, литераторы, что ж они читать не умеют?...”

Но почему почти полное одиночество Синявского в эмиграции обозначилось именно после книги о Пушкине? Ведь при первом появлении его на Западе какими он был встречен аплодисментами. Сергей Жабa, возмущаясь “Прогулками...”, сокрушался: “Синявского мы, на нашу беду, заочно полюбили - его и Даниэля - за отстаивание прав человека, за мужество на суде, за стойкость в лагере. Имя его стало далеко известно в свободном мире. Мы видели в нем одного из участников борьбы за духовное возрождение России...”

Так ведь и Пушкина по возвращении из Михайловской ссылки в Москве и Петербурге встречали аплодисментами. И лишь несколько позже выяснилось, что пути поэта и публики разошлись.

“Прогулки с Пушкиным” писались - как всем известно - в Дубровлаге и пересылались на волю в виде писем к жене. Не так давно, в 1990 году, скандал из-за “Прогулок с Пушкиным” разыгрался по новой уже после публикации их в перестроечной России. И выяснилось, что метрополия ничуть не отстала от эмиграции ни в количестве поношений, ни в качестве интерпретации. Полтора десятилетия ничего не изменили в литературном регламенте. Тогда Марья Васильевна Розанова рассказала, при каких условиях начались прогулки Терца с Пушкиным: “И вот последний день процесса по делу Синявского - Даниэля. Суд удалился на совещание. Четыре часа мы ждем приговора. Осужденных уводят Я беседую с адвокатом. “Знаете, чем занимается ваш муж в ожидании приговора?” “Может быть, апелляцию сочиняет?” - говорю я адвокату. “Нет, он пишет о Пушкине, заметки о Пушкине”. И дальше: “Прогулки” стали как бы продолжением последнего слова на суде и прозвучали как гимн во славу чистого искусства и свободного творчества”.

Итак, Синявский отправился в лагерь, взяв с собою в спутники по Дубровлагу Пушкина. И тут я хочу, набравшись храбрости, предположить, что он в этот период уже ощущал, а может быть, не только ощущал, а точно знал, что ему предстояла некая задача, которая в отдаленном прошлом однажды уже стояла перед русским писателем - и именно перед Пушкиным.

Почему для всякого русского читателя так ясен масштаб творческой личности Пушкина, а иностранцу, кроме тех, что добровольно подпадают под русское культурное подданство, приходится верить нам на слово? Сошлюсь на читателя Даниила Хармса: “...истинных гениев наберется только пять, и двое из

них русские: Данте, Шекспир, Гете, Пушкин, Гоголь". Всякий ли культурный европеец согласится, что место Пушкина рядом с Шекспиром, Гете и Данте? Возможно, для него, для культурного-то среднего иностранца, несомненное было бы видеть Толстого или Достоевского в этом ряду. Дело не только в пропадающем в переводах совершенстве пушкинского слога, не только в утрате неповторимой мелодии. Дело в том, что Пушкин должен был внутри себя, как в колбе, или - если хотите - как в материнской утробе, дать выречь зародышу великой русской литературы до стадии способной к самостоятельной жизни особи. Отсюда знаменитый "протеизм" Пушкина. Пушкин у нас и за Гомера, и за Вольтера, и за Шекспира, и за Гете, и за Данте, и за Байрона, и за Вальтера Скотта.. Вынашивая внутри себя опыт разных столетий и разных литератур, он химически взаимодействовал с ним и видоизменял его, конечно. Но только русский от соприкосновения с миром Пушкина получает через родной язык все то, что для европейца содержится в истории его собственной литературы. И иди объясняй немцу или итальянцу "мировое значение Пушкина", как недавно еще писали в наших учебниках.

В отдаленном подобии нечто похожее сделал на своем конкретном временном отрезке для русской литературы Абрам Терц. В какой полнейшей немоте, в какой, казалось бы, вечной мерзлоте стал Синявский возделывать свой сад! Синявского арестовали и посадили в 1965. До этого он десять лет под носом у отечественных попечителей о здоровье нации отсылал свои вредоносные рукописи за границу. А писать и думать о себе как о писателе стал, разумеется, гораздо раньше. Конечно, немота и мерзлота были внешние, а под ледовой корой шло невидимое накопление фонда будущего. Конечно, тогда жили и работали уцелевшие писатели из старших поколений, сформированные другим временем и хранившие кое-что в ящиках письменных столов и как-то между собой перекликавшиеся. Но о них на поверхности того,

что приходилось считать тогда литературной жизнью, ни слуху не было, ни духу. И сама эта видимая поверхность приводила в отчаянье, потому что казалось, что у русской литературы нет ни будущего, ни настоящего, а одно только великое прошлое. А Синявский - человек 1925 года рождения. И в университет поступает после войны. Это сегодня старинные тексты тоталитарной эпохи филологическая элита с удовольствием подбирает для профессиональных забав. А вы попробуйте вырасти на таком литературном меню! Студент Синявский для своих курсовых безошибочно выбрал Маяковского - единственной дозволенный остаток литературы начала века. И в качестве аспиранта темой диссертации взял "Клима Самгина", что позволяло легально добраться - через допуск в спецхран - к серебряному веку. И он знал - на тот момент один из немногих в своем поколении - что прежде, всего за тридцать-сорок лет до Бубеннова с Бабаевским, русские читатели могли читать в журналах прозу Белого, или Сологуба, или Ремизова, или Кузмина, то есть русскую прозу настоящего европейского разлива. И он уже думал о себе как о писателе, и вот эту-то оборванную нить собирался в новых условиях и на новый лад продолжить.

После смерти Сталина наша полузадушенная словесность стала мало-помалу приходить в себя, и конечно, не один Синявский в послевоенном литературном поколении думал о восстановлении в правах слова и речи. Только он понимал это иначе, чем другие. Ведь кто были его литературные сверстники и соседи по литературному ряду? Владимир Тендряков, Федор Абрамов, Юрий Трифонов... Список легко продолжить, но сколько ни продолжай, восстановление литературного слова мыслилось ими - сегодня это очевидно - не как движение вперед, а как возвращение вспять - к нормам и формам критического реализма девятнадцатого века. Два обстоятельства отличали Синявского от этих во всех отношениях превосходных писателей, объединенных со второй

половины 50-х годов “Новым миром” Ал. Твардовского. Во-первых, он сразу освободил себя от забот о прохождении через цензуру, поскольку не собирался в советскую печать. Во-вторых, он и в стол писать не собирался - он знал, что будет печататься в обход советской издательской процедуры, отправляя рукописи за границу. Он давно задумал свой побег - мы говорим, конечно, только о текстах. И мечтал о создании “второй литературы”, отправляя по своим каналам за кордон и собственную прозу, и вещи некоторых других писателей, не только, кстати, Юлия Даниэля.

Задача эта имела некоторое сходство с той, которая когда-то была выполнена Пушкиным. Абраму Терцу предстояло вновь восстановить в правах не заархивированное ни в какие полки чистое слово и заново вывести к концу столетия задержанную в развитии посторонними обстоятельствами русскую прозу на европейский уровень сложной рефлексии, многослойной игры и живой переключки со всеми современниками и предшественниками. Для того и понадобились шестилетние прогулки по Дубровлагу с Пушкиным. Есть шуточная книжка Андрея Битова и Резо Габриадзе, в которой они отпускают в текстах и картинках путешествовать по Европе невыездного Пушкина. Она называется - “Свободу Пушкину!” Не случайно, что этот альбом графики, отсылающий к пушкинскому рисунку, издала в конце восьмидесятых годов Марья Васильевна Розанова в типографии “Синтаксиса”. Ведь на практике лозунг “Свободу Пушкину!” первым осуществил Абрам Терц, выпустив на волю Пушкина из оков официального пушкиноведения. И едва освободившись от собственных отнюдь не фигуральных оков, он принялся за книгу о Гоголе, чтобы показать, с какого места и почему в русской литературе возобладал совсем не пушкинский тип художника и как случилось, что развитие русской литературы - что отмечено было еще Ю.Н. Тыняновым - при всех поклонах и реверансах пошло в обход Пушкина. В атмосфере все нарастав-

шей грузной учительности о том, как бодаться с дубом и жить не по лжи, освободительные, раскрепощающие, резко индивидуалистические и демократические книги Абрама Терца не были прочитаны так, как надеялся, что их прочтут, Андрей Синявский, хотя и разделивший себя на писателя Абрама Терца и профессора Андрея Донатовича Синявского, но задачу-то всегда и в том и в другом качестве преследовавший одну. Вот как он обозначит ее в эссе “Черная речка”:

“Для того и предусмотрены в науке отрасли работ: “история литературы”, “литературная критика”. Обе кормятся и живут при литературе. И звучит престижно: “литературы”, “литературная”... Как бы вышли замуж. Но если так, говорю, то извольте быть на равных. Да! На равных с той самой литературой, про которую пишете. Ну, как Пушкин - в смысле смелости. Не бойтесь рисковать! Так нет: жмутся, мнутя: опасно! Предпочитают служить приживалками. Могильщиками. Выйти, если повезет, в сторожа на кладбище...

... Представляю себя ночью на кладбище, на пространных елисейских полях всеобщей словесности - легкой тенью. Что бы я там делал? Оплакивал? Да их уже сто лет оплакивают. Нет, я бегал бы от памятника к памятнику и шептал бы на ушко. Каждому отдельно: - Проснись! Пришла твоя пора!..

... Посвистывая тросточкой, Пушкин переступил границу”.

11 июня 1998 г.

ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Искусство, верное жизни, культура речи, работа о чистоте языка. Не просто язык, но - “великий и могучий русский язык”. Однажды русский европеец Тургенев написал слова, принесшие много горя русскому языку и его носителям. Он назвал русский язык “великим и могучим”. Контекст высказывания позабылся. А Тургенев говорил лишь о парадоксе: русский язык представляется ему единственным спасением от “тягостных раздумий” об убожестве русской жизни. Не может быть, чтобы реальность была правдой: ведь такой “великий и могучий” язык может быть дан только великому народу. Удивление Тургенева, безмерное удивление превратилось в советское время в нелепое отрицание реальности под знаком величия языка. Официоз, цитировавший Тургенева, предлагал носителям языка и согражданам следующую нехитрую мысль: “Вам кажется, что ваша жизнь убога и даже отвратительна. Помилуйте! У носителей такого великого и могучего языка не может быть не великой и не прекрасной жизни. Не верьте тому, что видите, верьте Пушкину, Тургеневу и Толстому”.

Возвышенные мысли, любовь и дружба, чистые отношения, большое чувство, трудовые подвиги героев труда, ратные подвиги героев войны, немногословное мужество мужественных мужчин и материнская нежность женственных женщин, звонкоголосое детство босоногих пионеров. Для этой сладкой жизни был рекрутирован язык русской классики.

Обслуживая идеологические муляжи, настоящий язык - с его богатым словарем, разнообразным

синтаксисом, метафорической роскошью - становился элементом идеологической структуры. Носитель языка изолгался - и не только потому, что должен был повторять не разделяемые им самим формулы "новой жизни". Изолгался потому, что обучился у своих вождей искусству иносказания. "Слова в простоте не скажет" - это сказано про всякого советского человека - охотника за подтекстами, за тем подлинным смыслом, что скрыт от глаз непосвященного.

Язык, "искалеченный правильной жизнью"¹, ответил на этот священный брак высокой культуры с коммунизмом прыжком в человеческую утробу, в грубое естество, лишенное самой возможности лицемерить, иметь подтекст. Этот прямой бесподтекстный язык укрепился как раз там, куда *как бы* не смотрел воспитатель нового человека: в сфере простого и грубого, сопряженного с неизбежным насилием человеческого воспроизводства.

Последним языком, прямым русским языком правды оставался в двадцатом столетии русский матерный язык. Он бытовал в основном в изустном речевом обиходе и отличался необыкновенной лексической простотой. Основной словарный состав этого языка включает, в сущности, три слова, обозначающие мужской и женский половые органы (*хуй*, реже - *хер*; *пизда*, реже - *манда*; а также глагол *ебать / ебаться*, обозначающий совершение полового акта). Абсолютное табу, наложенное на эти слова и все их производные во всех сферах общественной жизни, обеспечило такое пространство свободы, о котором не может мечтать никакой язык. Это был пласт языка, которого *как бы* не было, но который в действительности только и сопровождал высказывание как критерий истинности, подлинности сказанного. Он ворочался как *нерусский неязык*, как дикий покрик эмоций. Не только официоз не имел с ним дела, но и

---

¹ Венедикт Ерофеев. Оставьте мою душу в покое. М., Издательство Х.Г.С., 1995, с. 303.

всякий культурный рядовой гражданин не знал и не знает “этих ужасных слов”. Раздражающая носителей русского языка правда состояла в том, что матерный язык идеально обслуживал само естество советской системы. Вместе с системой он снижал человека до уровня чистейшего пролетария - абсолютного социального люмпена - *мудака*. Как известно, латинское *пролетарий* означает человека, общественная ценность которого состоит лишь в производстве на свет потомства. В сущности калькой этого слова и является русское *мудак* (от *муде* или *муди* - тестикулы) - человечешко, от которого и требовать-то нечего, скотинка для государственного употребления. Последняя грубость выживания в тоталитарной системе - вот суть запечатленной в матерной речи картины мира.

Общественная конвенция, запрещающая называть вещи своими именами, опиралась на представления о приличиях и высокой культуре, за которой стеною вставали сладкие советские семья и школа, письмо Татьяны к Онегину и бездетный дедушка Ленин. В рамках общественной конвенции Сталин в сознании *мудака* легко рифмовался с Пушкиным: пышно отмеченное в 1937 году столетие со дня убийства Пушкина совпало не только с разгаром террора, но и с первой фазой культа отца народов. Пушкинская лира оказалась пригодной для обслуживания режима по части благородного величия империи, а народное сознание пробавлялось частушками:

Калина, калина,
Хуй большой у Сталина.
Больше чем у Рыкова
И Петра Великого.

Что означает это произведение вольной русской лиры? Здесь явлен образ главного *ебаря* страны: самый большой хуй - символ самого свирепого насилия. Так говорит язык правды, горькой правды долго-терпения, *забанности* русского народа и других народов-братьев. Этот язык оказался таким вот коротким, неприятным, несимпатичным. Лапидарность

простонародного понимания сути коммунистического века не может не смущать наблюдателя.

Культурным людям не нравится, что на этом языке вообще говорят. Его не должно было бы быть. Но то, что он есть, представляется как бы еще более непристойным, чем то, что есть это долготерпение, этот бесчеловечный режим и мое с ним *ебаное* смирение.

Народная поэзия так воспела эту большую ложь культурного человека, интеллигента, госчиновника, спеца, начальника:

Тилигенция² не любит,
Кто про еблю говорят.
Сами стоечкой ебутся,
А нам лежмя не велят.

Филологи и философы подпольно старались объяснить феномен матерного языка, исходя из общности узуса простонародья всех стран и народов. И в карнавальной гипотезе народной культуры у М.М. Бахтина, и в гипотезе ритуального происхождения матерной речи у Б.А. Успенского за красивыми культурно-историческими обобщениями, сплетающими разные эпохи в один узел, вольно или невольно затушевывается конкретный исторический опыт русской жизни 20 века. Культурология делает вид, что живая матерная речь - этот единственный, хотя и отвратительный, очаг русской свободы - лишь маргинальный остаток древнего ритуала. А между тем именно матерный язык выразил сущность советского тоталитаризма - политического режима, установившегося в России в 20 веке, - именно в его беспросветной физиологической абсурдности. Десятки философских максим лагерного опыта постижимы только в матерном их выражении: "не ебут - не подмахивай", "нам, татарам, одна хуй - что ебать подтаскивать, что ебанных оттаскивать", "на хитрую жопу - хуй с винтом".

---

² искаженное: *интеллигенция*.

Стараясь объяснить себе, почему кишит народный разговор матерщиной, культурное общество прячет голову в песок, объявляя матерный язык как бы не существующим, как бы не языком, искажением, уродством, которому не должно быть места в речевом опыте нормального человека.

Но прямой смысл этого отвратительного языка - как раз сигнал о ненормальности тех, кто терпит Пушкина в Сталине и Сталина в Пушкине. Язык свободы всегда должен быть очень простым языком. Он должен быть действительно абсолютно понятным всякому. Матерные слова просты абсолютно. Именно беспредельная простота заставляла носителей языка мобилизовать всю их изобретательность для замены любого слова из обычного словаря матерным словом. Здесь нужно пояснить, что же это за слова такие волшебные. Стоит попробовать перевести малую часть этих слов на другой язык, чтобы понять глубину различий.

Вот лишь некоторые из общепонятных производных от слова *хуй*:

охуеть - удивиться сверх всякой меры, временно лишиться рассудка;

хуевый - очень плохой;

хуевина - любой предмет, часто - уважительно - о сложном механизме, непонятной вещи [что это за хуевина у тебя на шкафу?];

охуительный - очень хороший, замечательный [такой, что просто *охуеть* можно];

один хуй - все равно;

это мне *онохуйственно* - это мне безразлично;

это мне *по хую* - это мне безразлично;

хуй - некто [*это мне один хуй с телевидения* рассказал; *появляется тут по пятницам один хуй, картошку привозит*];

хуйня - ерунда;

до хуя - очень много [может быть до хуя рыбы в реке, денег у кого-то, народу где-то];

нихуя - ничего;

нихуя себе - ничего себе;
моржовый *хуй* - мудака;
хуй тебе - ты ничего не получишь;
хуй тебе в рот - я тебя в рот *ебал*;
- ты что делал?
- хуй валял и к стенке приставлял;
хуем груши околачивал - ничего не делал или
слишком работал до седьмого пота;
отхуярить или *отхуячить* кого-либо - избить
кого-либо;
хуй ли? какого хуя? - зачем? какого черта?

Таким образом, хуй - это более чем пенис, мужской половой орган. В этом простом значении употребляется в последние десятилетия нейтральное слово *конец*. Нет, хуй - это и хуй и еще *нечто*, что-то большое и важное, показатель предельной интенсивности, приложимый к любому значащему слову.

Но это такое нечто, это такой показатель интенсивности, который нельзя публично называть, произносить, иметь в виду. Потому что он всегда остается мужским мочеполовым органом, о котором неприлично говорить в обществе, с детьми и т.д.

- Папа, что такое хуй? Вот мама говорит, что нет такого слова!

- Как это? Хуй есть, а слова нету?!

Тот факт, что *матерным* можно подменить *любое* слово, имеет оборотную сторону: в словаре московского арго, выпущенном в свободные уже времена (1994), так называемое *нецензурное* слово по-прежнему заботливо замалчивается, но читателю сообщается, что любое имя собственное может для носителя современного русского разговорного языка заменять это самое нецензурное ужасное слово. При этом самого слова *хуй* в словаре нет: так отсутствие очевидного слова становится ложкой дегтя в бочке меда. Филологическая работа по-прежнему берет на себя стародавнюю идеологическую роль. Вместо того, чтобы поместить в словаре три слова и их живые производные, лексикограф (В. Елистратов) - во впол-

не советском духе - раздражается длиннейшим после-словием, в котором много чего говорится и про ритуал, и про карнавал, да вот только не объясняется, почему говорок на улице и в домах миллионов такой примерно:

- Я, бля, сказал ему, на хуй, чтоб он мне больше мозги не ебал...

- Горбатого видел вчера в ящике? Опять, бля, про социалистический выбор пиздел, урод, блядь, хуев.

Или такой:

- Вы поднимаетесь на гору, идете тропой мимо ясеней, солнце пронзает поредевшие листья, и тут вдруг перед вами открывается охуительный вид на долину.

Та же судьба, то же величие и могущество в подмене собою любого значащего слова из словаря - у глагола *ебать* и его производных и существительного *пизда* и его производных.

ебануть - выпить или решительно сделать что-то другое

ебнуться, ебануться - упасть

съебаться - уйти

наебать - обмануть

подъебать кого-то - подшутить над кем-то

убывавать - убегать

разъебай - раззява, неловкий человек

ебало - лицо, рот

пиздюк - дурак

пиздить - красть

пиздеть - врать, много разговаривать

отпиздить - избить

пиздой накрыться - разрушиться, пропасть и т.п.

пиздец - конец

распиздяй - нерадивый человек

пиздобол - болтун

Конечно, и в досоветское время в русском речевом обиходе и в старой вольной русской поэзии матерное слово играло большую роль. Уже бедный Пушкин, посмертно *выебанный* товарищем Сталиным,

говорил даже, что сигналом наступления свободы в России будет публикация матерной лирики Баркова. Такой публикацией и был ознаменован последний год горбачевской перестройки. Чего Пушкин знать и предвидеть не мог - это политизации матерной речи. Неожиданная пригодность матерного языка и в качестве сильнейшего **антиидеологина** расширила безмерно сферу его применения именно благодаря ханжеской "культурности" советской власти, которая оставила своему любимому *простому человеку труда* - не остров свободы: Островом Свободы в советском обиходе называлась Куба, - нет - широкую реку и маленькие речушки свободы, Волгу с ее притоками. Простой человек, - когда он хотел говорить вместе и политически, и по существу, - выражался примерно так:

- Ленин, блядь, этот сраный любитель Толстого...

- Брежнев, лауреат, блядь, на хуй, Ленинской премии...

- Писатели, блядь, пиздоболы ебаные...

[школьник в конце 1960-х]

- Уймись ты, блядь, с религиозным просвещением, на хуй. Не еби мозги людям, дай поссать спокойно трудящему человеку... [студент начала 1970-х]

- Да заебал твой Горбачев со своей перестройкой... [милиционер конца 1980-х]

- Ну что, опять Черномырдин Ельцину, блядь, гандону розовому, визит нанес, с букетом, на хуй, чтоб выздоравливал... [телеоператор в середине 1996 года].

Простой человек плыл в мате. И поэтому революция политическая мгновенно сплелась с революцией языковой, когда - сразу после мирного подавления августовского путча 1991 года Михаил Горбачев назвал путчистов *мудаками*, в "Независимой газете" философ Борис Парамонов объявил "*пиздец социализму*", а виолончелист и дирижер Мстислав Ростропович в ответ на вопрос, не на конгресс ли соотечественников он прилетел в Москву 19 августа 1991 года, публично объявил: "*Ебал я этот конгресс*" (о чем

позднее сам же и сообщил в многократно повторенном радиоинтервью).

А потом подтянулась литература - и весь потаенный изустный опыт носителей матерного языка вывалился на самый читающий в мире народ. Плотину цензуры прорвало. Цензура, по-русски выражаясь, *накрылась пиздой*, т.е. ей пришел полный и окончательный конец. Облегчения, однако, не наступило. Хлынувший в русский речевой обиход поток иностранной (больше всего - английской) лексики тоже парадоксально воспринимается как брань. Философ языка А. Вержбицка пишет в одной из своих статей о том, что в русском языке, в отличие, например, от польского, не выработалось общепонятного антиталитарного языка. Это - верное наблюдение. Но оно не достаточно для понимания сути проблемы. Матерный язык - в его тотальном противостоянии официозу, безраздельно господствовал в царстве языковой свободы, которая была одновременно и миром абсолютной воли и разнузданности, и миром тотального физиологизма, физиологического холопства, если угодно. Очень трудно сохранять свободу духа, держа во рту *хуй с пиздой и еблей*. Русские начали свое постперестроечное³ существование с вычерпывания дерьма, с детабуирования низменного.

Мой миленок - демократ

Все читает самиздат.

Он ебет меня подпольно -

Хорошо, но очень больно.

Они ввязались в свободу, и многие из них ужаснулись матерности ее явления. Авгиевы конюшни русского двадцатого века прочищаются на наших

---

³ еще раньше, но - в силу цензурных преследований - для немногих, к ассенизации приступили совершенно различными целями такие разные писатели, как Василий Аксенов и Александр Солженицын, Юз Алешковский и Венедикт Ерофсев.

глазах - но не чистыми водами Меня (Menios), а - пока что - все тем же навозом вчерашней разнузданной воли, вчерашнего свободно мычащего тела, не имевшего силы сопротивляться своей соборной судьбе. На этом пути носителей русского языка могут ждать только неожиданности. А русский язык на все горазд - и водку пить, и овин молотить.

Май 1996

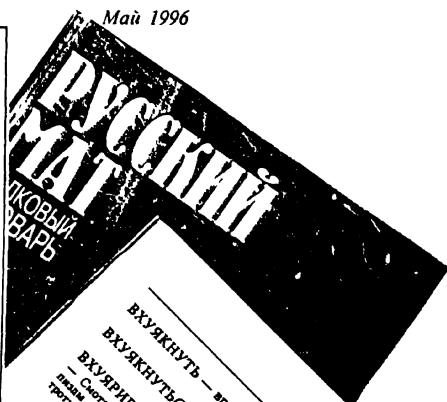
русский МАТ

Антология

ДЛЯ
СПЕЦИАЛИСТОВ - ФИЛОЛОГОВ

«Издательский дом Лада М»
Москва
1994

ВХУЯКНИТЬ — врезать, ударить, вдедывать

ВХУЯКНУТЬСЯ — вдедаться

ВХУЯРИВАТЬ — шутки, бить.
— Сюрик как хуяривает! Ножа черт-те, до Сашки
пальца отложил. Держак мой, явнче я сд правю на
третью везку!

ВХУЯРИВАТЬСЯ — вдедываться, вдедываться.
— Явнче Алехан... вдедываю

ХУЯРИТЬ — 1) вдеднить, резко всунуть,
ударить.

ХУЯРИТЬСЯ — врезаться во что-то, попасть
— вдедывать, работать.

УХУЯРИТЬ — вдедывать, вдедывать, ударить.

ВЪЕБАТЬСЯ — вдедываться, ударяться.

ВЪЕБЕНИВАТЬ, ВЪЕБЕХИВАТЬ — бить, ра-
ботать.

ГОЛОС БЕЗ ХОРА

Простите меня: я - умер. Прощайте, папа и мама. И тетя Соня. И Женичка! И ты, моя зависть, моя змея, моя душа, не знаю, как тебя назвать поточнее в данный момент.

Жизнь человеческая складывается почти всецело из взаимных обид. То он меня обидел, то я его - даже не подозревая о том. Получается в результате плетенка, вплоть до плетенки истории, когда без конца выясняют, какой народ кого больше обидел.

Христос разорвал плетенку, сказав: - Любите ненавидящих вас - (и это вам же пойдет на пользу)...

В применении к собственной практике - я бы сказал: да! - но нет ни времени, ни сил не хватает.

Пора переходить на лагерный режим. Только лагерный режим - строгий притом (по кодексу) - спасает. Говорю себе и повторяю: - Пора переходить на лагерный режим!

Это - страшно. Потому что это похоже на смерть. Холодеет лицо от этих мыслей. Но я повторяю снова и снова - себе:

- Пора переходить на лагерный режим! (Иначе погибнешь...)

У каждого из нас в столе лежит "Голос из хора" - реплики из России, из квартир "Аэропортовской".

Действительно лежат - и дневники лежат, и записные книжки с массой ярких впечатлений, которые писатели не решились вставить в романы, но в

яшике стола уже осмеливаются держать. Осмелюсь заметить, что “Мысли врасплох”, может быть, они еще в этих ящиках держат. Но не “Голос из хора” - который не накапливается, а зарабатывается жизнью писателя, брошенной под ноги подонкам, с сознанием, однако, что все равно - ты писатель и с тебя спросится. “Голос из хора” можно заработать, но его нельзя написать. Не потому, что я выше или лучше пишу. А потому что вам еще так не писалось, как мне писалось - на дне, умирая и восходя к небу. “Голос из хора” - не мой голос, не я его делал, его из меня сделали. И потому главное в нем, скажу, это - широта дыхания языка (а значит, и широта дыхания - народа): от тургеневской, от лермонтовской чистоты ручейка, родника, прохладной речки - до болот и осок последнего жаргона, неправильности и безграмотности, которые тоже все-таки хотят жить и войти в литературу.

И все же правильно, что “Голос из хора” лежит у каждого в яшике. У нас у всех теперь в голове “Евгений Онегин”. Легкая вещь - а вертится на языке: “Евгений Онегин”...

Проснулся покусанный. На левой руке свежий кровоподтек. Значит, где-то летал ночью во сне.

Все меня уговаривают (от Солженицына до Владыки Иоанна) - будьте литературоведом и перестаньте писать прозу; все равно она у Вас не получается. И что я могу возразить в ответ:

- Господа, я все ж таки постараюсь!.. Для меня уже очень давно ничего другого не осталось (извините за высокое слово) - лучшего и большего, - и пошел, блядь, здесь уж я распоряжаюсь, пошел на хуй, говорят!.. - как создать прозу.

Алексей Ремизов, чтобы себя объяснить, доказать, переходил на каллиграфию, на рисование, а все было напрасно.

Бумага! Во славу тебе, бумага, следовало бы написать Оду. Оду бумаге! Была бы жива Цветаева - она бы написала...

По отношению к первой эмиграции не могу отделаться от мысли, от подозрения, что вся она - притворялась. А потом застыла - в притворстве. И церкви притворные, и книги, и даже русский язык. Великий понт.

Вся ихняя литература писалась пережившими себя стариками. И даже молодые поэты были похожи - от рождения - на высохшие сморчки.

Я прошу мой роман у Господа, как крестьяне просят дождя. Они повторяют одно: - дай дождь! - И уже не важно (если Бог, действительно, прольет дождь), что там вырастет на огороде - капуста или горох. Главное - дал.

Время можно измерить по записным книжкам. Смотрю, на одной помечено - 64-й. На третьей - 71-й. И удивляюсь: сколько прошло! Какая масса времени успела улететь за эти мгновения в пропасть! Вот и хорошо, и слава Богу.

Старухи у всех народов хороши и одинаковы, и даже удивляешься, что они не говорят по-русски.

Им все время хотелось сделать мне одолжение или сказать какой-нибудь комплимент. Но едва они раскрывали рот - они говорили, не подозревая о том сами, мне какую-нибудь гадость, а я благодарил и проглатывал.

Есть два ненавистных слова: "думается" и "свое обычное" (вместо "кажется" и "своеобразный").

Что делает писатель, спрошу я вас, в своей литературе - если не сводит счеты со своими ближними? Что делает писатель в своих книгах, если не ос-

вобождается от страстей, которые ему опостытели? Что делает писатель, если, почти в открытую, не плюет на своих читателей? А те терпят и облизываются, говоря: спасибо, мерси.

Каковы же, представьте, свобода и полнота жизни, доставшиеся писателю!..

С утра у писателя болит голова, и он ничего не понимает из того, что он написал ночью. Он даже извиняется, улыбается, еле-еле передвигаясь и надеясь еще на одно - на ночь, когда он опять сведет с вами счеты.

Во всяком случае, взгляд на историю (даже советскую) складывается из слов:

- Будьте снисходительны. Да, мы знаем, что даже дурные помыслы вменяются в преступление. И что нам древний Египет, и что мы - тем более - Египту? Но есть цепь человечества - не по прогрессивной, а просто по единой и живой линии: они жили до нас и они нас породили. И если мы ту связь нарушим - мы все потеряем и сгинем. (Отсюда - из новозеландских сказок: кто вы и куда идете?)

Какой простор в одиннадцать, в крайнем случае - в двенадцать ночи, когда спать не хочется, а впереди - ничего, никого. До самого утра!

Самое большое, что вложил я от себя в "Тень от Гоголя", так это, что я погибаю. Но это, естественно, не было замечено.

Разговаривать непрестанно со всем человечеством, разговаривать с Вечностью - это тяжело. Дайте отдохнуть и Данте и Шекспиру. Пусть помолчат.

Для книги "Мы - за границей" - избрать эпистолярный жанр, но какого еще не было - воображаемых писем. Письма могут быть к Даниэлю и к ночи, к моей собаке Матильде, к Петру Первому ("к

вождям”!), к антилопе в Зоопарке, которую я полюбил, от меня ко мне, от Синявского к Терцу и от Терца к Синявскому. Дуновение сумасшествия. Но только - дуновение. Письма могут идти в уборную (на ее счет была когда-то запись, почему именно там думают), могут быть обращены к Атлантиде, к рабочему классу, к дереву, которое растет в саду, к мостовой и просто никому. Они могут помечаться датами - 30 февраля, или 1793 годом. Это форма лирики. Это, скорее, стихотворения в прозе. К незнакомой даме, с которой я ехал в метро. Чувство перехода границы - жанра, стиля, человеческих отношений. Может быть использован старый письмовник (не слишком) и “Письма русского путешественника”. Письма могут быть к моей матери и к моему отцу.

Мы с ним враги не в нынешней, а в будущей России, если таковая будет. Здесь в нем для меня сплелись два слова: “соль” и “ложь”. “Лжи” куда меньше, чем соли, но “ложь” иногда в самой “соли” сидит. Соленый привкус лжи и крови. Не страшно, когда “ложь” становится “солью” (большевики), но страшно, когда “соль” становится “ложью” - Солж.

У меня никак не достают руки написать письмо, оплатить налоги, зайти в банк и починить зубы. И я все время откладываю на завтра эти дела, мысленно извиняясь перед всем, что я не сделал, не люблю и не умею делать. Блаженное время! Я живу постоянно в тоске, что я опять кому-то письма не написал, не оплатил счет за прошлый месяц, за позапрошлый год, и если это будет так продолжаться дальше, я останусь на бобах. И я все-таки почему-то, упорно, невзирая на страх - этого не делаю...

Почему всегда ужасаешься, когда смотришь на себя в зеркало? - Не тот! Опять - не тот!

Жизнь! - Слишком сильно, очень громко. Так уж сразу и - жизнь! Что-нибудь попроще, поскромнее

вместо жизни - ну змею какую-нибудь, землю, зиму, дайте перезимовать, согреться. И тогда, перезимовав, можно поговорить, погуторить и за любовь, и за совесть.

Неправильно думать, что домашние звери произошли от диких животных, которых человек приручил. За редким исключением - дикие звери произошли из когда-то домашних животных (и об этом помнит сказка). Просто большая часть домашних зверей ушла от человека и одичала. Исключения же с приручением (сокол и др.) - возвращение к первоначальному, когда все звери были домашними.

Когда он мне говорит “папа”, я как-то молодую, я вспоминаю вдруг, что как-то должен соответствовать его нежному возрасту и, значит, мне не сто лет, а всего-навсего сорок или пятьдесят, и я говорю с облегчением: - Доброй ночи, сынок! Спокойной ночи, Егорушка!

Не перед людьми - перед Богом я не могу лицемерить, и поэтому не хожу в церковь. Перед людьми бы слищемерил - пошел.

И выпил так много пива, что сутки после того мочился не мочой, не водой, а чистым квасом.

В Париже постигашь игровую сторону человечества. Костюмы. Позы. Прошла молодая негритянка с вздрюченными волосами - хотелось смеяться, и я едва сдержался.

Прошел толстый француз писательского вида, похожий сразу на Ги де Мопассана, Бальзака и Флобера.

И англичанин - как полагается англичанину - в клетчатых штанах. И одинокий пожилой белогвардеец, думающий одну и ту же русскую думу. Датчанка

или голландка с откормленным лицом. Все же я не думаю - чтобы шведка.

А таракан здесь subtilный, лядащий. Одно слово - не жилец.

Он нюхал руки, вымытые туалетным мылом, и плакал от радости их запаха и от горечи неузнавания собственных рук. Но что в ту минуту я думал обо всем об этом - я, сидящий невылазно в его чужеземном теле?!

... А я не знаю - что выйдет. Фразы - что карты, и как обернутся слова и начнется действие, сюжет, я не знаю, честное слово, не знаю и полагаюсь всегда, помимо умения играть, на то, как сложатся карты, как лягут фразы.

- Природа! - воскликнул он и звонко перднул.

Пока я писал, потухла папироса, и так каждый час и всякий день.

Я пишу в ожидании - и отчасти ради того и пишу, - когда мой шариковый карандаш истощится и вместо слов, наконец, пойдет и начнется белая страница. Поэтому я всегда прошу моих издателей печатать мои книги с большими полями и отступами между строк, чтобы читатель, как я, пишущий, мог отдохнуть и насладиться видом чистой бумаги. Но издатели экономят бумагу, и из моих намерений пока ничего не вышло.

У Царя была беда: Царевна все время чихала.

Они кричали громко, на всю Европу: - Говно! И это всем нравилось (Футуристы).

Если бы не телефонные звонки, он бы этот день провел почти что счастливо.

Иван. Он мочился в унитаз, и с ужасом видел, что в той голубой чаше вспыхивает под ударами мочи гластная и удивительно чистая пена, и она, эта пена, смотрела на него во все глаза, как тысячелетний Аргус, и он не знал, что ему делать в ее присутствии - то ли бежать, то ли мочиться дальше.

Там было ощущение того светлого и грустного одиночества, какое только и нужно писателю (о лагере).

- Тонкий, звонкий и хрустальный.

К писателям:

- Прочитайте себя и Евангелие. Насколько Евангелие тише и скромнее перед вами.

... Меня все спрашивают: за капитализм я или за социализм? За Европу или за Азию?.. И вот в этой - совершенно пропашей и безвыходной ситуации - не веря абсолютно в Европу и всем телом принадлежа России - мне приходится, скрепя сердце, сказать: за Европу!

Европа. Прости меня за нескромность, но те музеи, что накопила и за которые я жизнь положу, надо защищать. Вступись за искусство, Европа. Поставь пулеметы. Да будь я трижды объявлен предателем и изменником родины - поставь пулеметы. Пока не поздно. Поставь пулеметы, Европа... А ведь были же - копы... Где твои копы, Европа?

Ты не имеешь права уйти, хотя бы не дав бой. Ты - завоевавшая мир - вдруг уходишь со сцены без боя?

Я оплакиваю тебя, я оплакиваю тебя, Европа, не будучи ничуть европейцем... Ты - прекрасна.

А дальше что? Ну понятно - мы все погибли. Ну а дальше что? Я понимаю - мы прокляты. Ну а дальше что?

У тебя есть Лувр, например. Ну а будешь ли ты отстреливаться за Лувр до последнего патрона? Я боюсь, что под Лувром - в последних окопах - будут лежать русские, которым все равно погибать.

Я понимаю - до тебя были Египет, Ассирия и даже они - сметены. В твоих музеях только их ошметки, Европа...

Понимаешь ли ты, что осталось три страны - три варварские страны (как в древние времена) - на весь мир: Америка, СССР и Китай. А где Европа? Где Азия и Африка? И это очень стыдно.

... Я оплакиваю Европу. И какое право имею я, варвар, оплакивать Европу?

Этого бы не было, если б в твоих узорчатых полуостровах ты - когда нам всем конец - могла бы произвести на свет свое точное, свое европейское слово. Прости меня за упрек. Я подыхаю. А меня все время спрашивают, как вам понравилась жизнь на Западе.

Я объясняюсь тебе в любви, Европа - я хотел бы тебя убить. Как ты смела не поставить свои славные камни - поперек этому коммунизму, троцкизму, маоизму и нигилизму? Как ты могла, Европа, нас предать? Нас, ненавидящих тебя, от тебя отрекающихся, детей России, и припадающих последним вздохом к твоим камням, к твоим следам, Европа!

Но пока я надеваю очки - я теряю мысль.

Никогда ничего так не любил, как свои записные книжки. Да еще птичек, купающихся в первой подставленной луже.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Страна в свободном падении

Окончание. Начало на стр. 1

...министра две трети

...правительства, министерства
и ведомств поглощены совсем уж
простыми, общепользовательскими заботами: стараются выдержать из

ли, составленные лумскими
фракциями, способны убитъ по
ледную вадежду.

Две буханки в одни руки

Светлана КАРПЕКОВА

Российские финансовые
грозы если и не обернулись
в Белоруссии проливными
дождями, размывающими
ценовой рынок, то штормо-

вым предупреждением стали
точно. Государство, а точнее,
местные власти из-за ажио-
тажного спроса на некото-
рые товары в преддверии
ожидаемых в населенном
смутных времен вынуждены
идти на непопулярные меры
— нормировать продажу
продуктов питания, вводить
карточную систему ре-
деления.

потрясения отреагировал не-
государственный сектор про-
дovolьственного рынка: к се-
годняшнему дню раститель-
ное масло здесь подорожало
примерно на 17 процентов,
мука — на 16, сахар — на 17
сливочное масло и — на 7
мясо — на 7

ственный лимит цен
привести к пустым п
кам, внушительным
дам и вынужденным
вым изменениям.

у Запада щедрые руки Не слишком ли?

И ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ РЕФОРМОЙ?

МВФ развратил правящую элиту России

АВТОБАНК ЗАКРЫЛ
СВОЙ ПАРАДНЫЙ ВХОД
...атчиками отделения на Лесной
... других районах Москвы

ЧТО ДЕЛАТЬ С ГКО?

Пока ответа нет, фондовый рынок
продолжает рушиться

Банду Сороса — под суд!

Продовольственная
безопасность под угрозой

Новости
Военная техника
в цене у гражданских

«БОРИС, ГДЕ НАШИ ДЕНЬГИ?» КРИЧАЛА ТОЛПА

ФАБРИКА ГРОЗ

Нынешнее отечественное телевидение - это взгляд на гибель Помпеи со стороны

“На зеркало неча пенять, коли рожа крива”, - буквально так и возражают труженики эфира на любую критику в свой адрес, подразумевая, очевидно, что телевидение есть зеркало современного российского общества. Но это далеко не так. На мой взгляд, сегодняшнее российское ТВ за некоторыми исключениями абсолютно не справляется с ролью “говорящего правду стекла”, ежели воспользоваться известной строчкой Вл. Ходасевича. Нынешнее ТВ - это даже не кривое зеркало, ибо зеркалом, подчас кривым, порой мутным, иногда покрытым пятнами умолчаний, было позднесоветское, перестроечное телевидение. Нынешнее ТВ - это чаще всего зеркало разбитое, точнее, пустая рама от него.

Помните замечательный эпизод из кинокомедии Макса Линдера “Семь лет несчастья”, использованный, кстати, в виде изяшной цитаты В. Меньшовым в “Ширли-мырли”? Лакей случайно разбивает зеркало и, чтобы скрыть это, пока принесут новое, начинает работать “отражением”: старательно повторяет все движения хозяина... Советское телевидение в последние годы своего существования все-таки отражало реальные общественные процессы. Доблесть эфирного люда как раз и заключалась в том, чтобы, имитируя лояльность режиму, показать народу правду о происходящем. Именно поэтому стал возможен феномен Ельцина. Волна, внесшая его в

Кремль, имела по преимуществу эфирное происхождение. Сегодня же основная доблесть заключается в том, чтобы, имитируя правдивость, продемонстрировать власти свою лояльность.

Почему же телевизионщики так легко отдали то, ради чего, собственно, мы позволили разворошить, распатронить, растерять страну? Я имею в виду свободу слова. Почему? Ну, во-первых, потому что из всех природных богатств новой России эфир оказался самым выгодным в смысле добычи и продажи. Так что даже рядовой “бурильщик” не внакладе, не говоря уж о “мастерах”, “начальниках буровых” и “владельцах вышек”... А во-вторых, сработал эффект “второго брака”. Можно, впервые разведясь, всем докладывать, каким чудовищем была твоя супруга - в нашем случае советская власть. Но вот уже и вторая жена - демократия. И снова мерзавка? А может, ты сам... не того? Статистика показывает: за второй брак люди держатся крепче, даже если он и устраивает их меньше первого, расторгнутого... Кстати сказать, демократия оказалась дамой куда более прагматичной и строгой, нежели ее увядшая предшественница, и требует ежедневных многократных доказательств любви и уважения.

Свободным по-настоящему наше телевидение было дважды - в периоды двоевластия. Я имею в виду противостояния “Горбачев - Ельцин” и “Ельцин - Верховный Совет”. Оба раза оно свободно выбрало Ельцина. И этот свободный выбор телевизионной общественности обусловил совершенно несвободный выбор всей страны. Удивительно, но антикоммунистическое телевидение в точности симитировало советское голосование за единственного кандидата, ведь в эфире Б. Ельцин был практически один - по крайней мере у меня возникло такое ощущение. Я говорю об этом не из злопамятности, просто потому, что не хочу, чтобы это повторилось во время новых выборов, а к ним уже все готовятся морально и материально. Мне иногда кажется: если деньги, которые

уходят на покупку голосов избирателей, пустить, как говорится, в экономику, хватит на то, чтобы вовремя отдавать зарплаты, пенсии, детские пособия обладателям этих самых "голосов". Возможно, на культуру с наукой останется...

Сегодня, по-моему, уже все испытывают чувство удручающего безначалия или, как мог бы сказать Солженицын, "бесхозия" в Отечестве. Но давайте сознаемся: за надоевшим риторическим вопросом "а кто тогда?" стоит не отсутствие в России серьезных политиков, способных возглавить страну. За этим вопросом стоит отсутствие оных в виртуальной реальности телевидения. Нет, они могут появляться на экране, и даже довольно часто, но именно в виде умело смонтированной иллюстрации к роковому дефициту общенациональных лидеров. С другой стороны, кому в каком похмельном сне до отставки Черномырдина грезился на посту премьера неведомый Кириенко - лысоватый улыбчивый юноша со стальным взглядом фининспектора? Хватило трех телевизионных дней, чтобы превратить его в гиганта мысли, отца русской демократии и надежду простых россиян. Вот и соображай: кадры решают все или же закадровый комментарий в теленовостях?

Настоящий политик, простите за банальность, - это алмаз, созданный. "спрессованный" чудовишными перегрузками нашей нынешней реформучей жизни. Конечно, без средств массовой информации, и особенно ТВ, занимающихся огранкой каждого публичного алмаза, тут не обойтись. Но если огранщик сам начинает изготавливать "диаманты" в нужное время и в нужном количестве, называется это подругому: подделка. А сколько таких "подделок" шагнуло с телэкрана в реальную политику, экономику, культуру! И что же в результате? Кто-то из них быстро прокололся на страсти к бесплатным элитным квартирам, халявным фазендам или литературным гонорарам, не снявшимся даже Чейзу. Кто-то сам потихоньку сошел со сцены и красивенько живет на

те самые деньги, которых так не хватает нынче казне, которые тянут теперь с пенсионеров и выпрашивают у мирового сообщества с плаксивым занудством алкоголика, жаждущего опохмелиться. Кто-то, как эфирный герой-любовник Собчак, почуяв затылком ледяное дыхание уголовного кодекса, превратился в политического эмигранта. Кто-то просто отъехал из “этой непредсказуемой страны” от греха. Кто-то даже попал в узилище, ибо по вековой традиции усидеть в Кремле невозможно, если не посадишь в тюрьму собственных сподручных... Но многие продолжают свою двойную жизнь - бодро-созидательную на телеэкране и бездарно-разрушительную в реальности. Что-то не стало, например, романтических репортажей из Нижегородской губернии. Оно и понятно: на этом испытательном полигоне произошла катастрофа. Такая, что отчаявшиеся жители Нижнего выбрали мэром себе ранее судимого Климентьева. А зачинатель и руководитель провалившихся “испытаний” Б. Немцов, в недавнем прошлом друг-товарищ вновь осужденного Климентьева, перебрался в Москву, поближе к центру реформаторского смерча, и ежедневно улыбается нам с телеэкрана. Недавно вот руководил захоронением царских останков и, разумеется, провалил порученное дело. Вместо общенационального примирения получилась общенациональная склока - с массовой неявкой на траурную церемонию и многомесячным нытьем о нехватке денег на “похороны века”.

Удобным инструментом таких вот телевизионных подделок являются телерейтинги. Изготавливаются они, по-моему, там же, где и идеальное красящее средство “Титаник”, с помощью которого незабвенный Остап превращал Кису Воробьянинова в Конрада Карловича Михельсона... Скажу больше: мне вообще иногда даже кажется, что некоторые рейтинги и даже целые аналитические программы делаются исключительно для Б. Ельцина, наподобие той “Правды” в одном экземпляре, каковую собирались

выпускать для больного и плохо соображавшего Ленина. Телеаналитики, морща лобики, ведут с властью довольно сложную игру, делая вид, что они, как тот нашкодивший лакей из комедии Макса Линдера, повторяют движения хозяина. Но на самом деле хозяин, не замечая того, начинает порой повторять движения гримасничающего в пустой раме слуги. В результате многие политические решения, как мне кажется, принимаются не на основе анализа реальной жизни, а на основе анализа ее телевизионной версии, порой очень далекой от действительности. Это, кстати, частично объясняет фатальную неуспешность любых усилий, предпринятых властью за последние восемь лет. Вот такая электронная дориангреевщина!

А теперь посмотрим, к чему это привело! Что мы имеем не в “Итогах”, а в итоге? А имеем мы после многолстней верности курсу реформ обобранное, нищее в своем большинстве население, убывающее со скоростью миллион человек в год. (И что это им, в самом деле, не рожается, когда на экране столько памперсов?) Имеем два миллиона беспризорных детей, а каждый четвертый ребенок школьного возраста не умеет читать-писать. (Вот тебе, бабушка, и Всемирный день защиты детей!) Имеем в регионах истошный сепаратизм, горячие точки, сотни тысяч убитых и миллионы беженцев. (Зато суверенитета все наглotalись на век вперед!) Имеем вставшие заводы и разоренное сельское хозяйство. (Заграница, очевидно, нас накормит и обует!) Имеем обескровленную науку и разгромленное наукоемкое производство. (Наш долгожданный новый Михайло Ломоносов наверняка перебрался уже куда-нибудь в Филадельфию и прозывается теперь, например, Майкл Брейкноуз). Имеем деморализованную, стремительно теряющую боеспособность армию все с той же дедовщиной и добавившейся в последние годы бескормицей. (НАТО нас не тронет, а может, даже и защитит!) Имеем страшную криминализацию общества сверху донизу. (Глеб Жеглов с его прекраснoдушной убеж-

денностью, что вор должен сидеть в тюрьме, просто застрелился бы от позора!) Имеем страшную социальную напряженность, чреватую взрывом, всеобщее чувство безысходности. (Выбор невелик - безработица или беззарплатица!) Имеем чудовищный внешний долг. (Потомкам в лаптях придется ходить, чтобы расплатиться!) Не имеем и теперь уже никогда, видимо, не будем иметь исконные российские земли, заселенные миллионами униженных русских людей. (А ведь даже булгаковский жулик Жорж Милославский, человек, далекий от геополитики, понимал, что нельзя казенные земли разбазаривать - строго за это спросится!)

Если это не национальная трагедия - то что тогда? Если это не повод для импичмента - то что же тогда повод?

“А разве телевидение об этом не сообщает?” - возразят мне. Сообщает. Может даже беспризорного мальчишку, живущего, как Маугли, в собачьей стае, показать. Более того, катастрофизм нашего времени подается на экране с особой тщательностью и глумливой изысканностью. Но лично я постоянно ловлю себя на ощущении, что все это как бы взгляд на последний день Помпеи со стороны. Странно, ибо многие тележурналисты взаправду погибли под обломками нашей рушащейся уже не один год российской Помпеи. Того же Листьева не защитили от киллеров ни деньги, ни известность. Откуда же эта обосновавшаяся в эфире оптимистическая вера в то, в чем разочаровались даже самые упертые баррикадники образца 91-го? Откуда это принципиальное несовпадение мироощущений основной части населения и тех людей, которые определяют даже не содержание, а скорее - нравственно-эмоциональную окраску телевещания?

Для того, чтобы понять экономические причины такого несовпадения, достаточно посмотреть на автомобили, припаркованные рядом с Останкинским телецентром. Нет, я горячо за то, чтобы человек, ра-

ботающий на телевидении, жил хорошо, тем более что я и сам веду передачу на ТВ (и даже предвижу неприятности после выхода этих заметок, но правда дороже!). Вместе с тем я горячо против того, чтобы профессор подрабатывал сторожем, шахтер спускался в забой голодным, офицер стрелялся от безысходности и позора, отчаявшиеся учителя отказывались начинать учебный год, предприниматель не имел возможности честно вести свой бизнес, а телевидение трактовало эту трагедию распада как трудности роста. Впрочем, надо быть справедливым: на ТВ тоже месяцами иногда не выдают зарплату, а на роскошных иномарках разъезжает верхушка - основной же эфирный люд добирается от метро "Алексеевская" до Останкина на маршрутке.

В чем же дело? "Откуда, как разлад возник?" Позволю себе высказать предположение, даже гипотезу: современный телевизионный деятель ощущает себя представителем если не олигархов, которых нынешняя жизнь устраивает примерно так же, как членов Политбюро устраивал "застой", то уж точно он вольно или невольно чувствует себя выразителем интересов так называемого благополучного "среднего класса". Класс этот был в свое время широко разрекламирован "младореформаторами", но так и не появился вследствие чудовищных ошибок, глупостей и преступлений, совершенных в процессе демонтажа совсоцсистемы, а также в результате определенных национально-исторических особенностей. Отсюда и это принципиальное несовпадение, ибо российское телевидение, опять-таки за несколькими исключениями, не влияющими на тенденцию (я сознательно не анализирую в этих заметках такие передачи, как "Русский дом", "Парламентский час", некоторые программы ТВ-Центра и ТВ-6), основывает свое мировидение и вещание на идеологии тончайшей общественной страты, вообразившей себя вполне благополучным и многочисленным классом. Кстати, подобные иллюзии не новость: застойные репортажи со

строек социализма были, независимо от внутренних убеждений репортера, проникнуты мироощущением того руководящего слоя, который впоследствии называли "партноменклатурой". Народ же думал по-другому, в противном случае мы бы сейчас жизнерадостно готовились к очередному съезду КПСС, а не строили капитализм. С точно таким же - вольным или невольным - обслуживанием социального мифа мы имеем дело и сегодня. В этом смысле наше ТВ - фабрика грез. Не желающие грезить в эфире долго там не задерживаются.

Помните французскую королеву, обезглавленную санкюлотами? Она, простодушная, советовала народу, жаловавшемуся на отсутствие хлеба, питаться пирожными... Недавно И. Хакамада в телевизионной дискуссии царственно порекомендовала шахтерам выживать с помощью сбора грибов и ягод. Оператор показал лица шахтеров крупным планом как раз в тот момент, когда популярная политесса призывала их вернуться в эпоху первобытного собирательства, и лично мне стало ясно: от фабрики грез до фабрики гроз - всего один шаг... Мне кажется, некоторые политики и профессиональные телеговоруны даже не подозревают, какую волну ненависти, прокатывающуюся от Смоленска до Курил, они порождают своим появлением на телеэкране...

Сознание своей классовой правоты некогда гнало бойцов через гнилой Сиваш на штурм Перекопа. Такое же чувство, вероятно, позволяет сегодня человеку, читающему в эфире последние известия, совершать над нами ежедневное насилие, навязывая не только иерархию информационных ценностей и политических приоритетов, но и свою эмоциональную оценку происходящего. Это, кстати, не так уж безобидно и тяжело действует на психику телезрителей. Иной раз даже затоскуешь по нейтрально-замороженной энергетике застойных дикторов. Между прочим, мой ризен-шнауцер, пес нервный и чувствительный, как только на экране появляется одна

чересчур нахрапистая и издерганная дикторша, просто, поскуливая, выходит из комнаты...

Эмоциональное и информационное насилие над нами осуществляется разными способами. Это целая наука! Остановимся на некоторых приемах. Штирлиц, например, придавал большое значение последней фразе разговора, а он знал свое дело! Поделюсь собственным эфирным опытом. Около года назад в день рождения комсомола меня как автора повести “ЧП районного масштаба”, а следовательно, эксперта по этой некогда славной организации пригласили на ТВ. Деловитый ведущий, почему-то видевший в ВЛКСМ некую разновидность гитлерюгенда, всячески добивался от меня в прямом эфире подтверждения этой своей точки зрения. Я же утверждал, что в эпоху полного наплевательства государства на молодежь хаять усопший комсомол, даже при всех недостатках много сделавший для юношества, по крайней мере незачем. “Скажите, - спросил раздраженный ведущий, - вы хотели своей повестью разрушить комсомол?” “Нет, я хотел его обновить и укрепить!” - “А если бы вы сегодня сочиняли эту повесть, вы написали бы ее так же или по-другому?” - “Конечно, я с тех пор повзрослел и, смею надеяться, поумнел... Но по сути написал бы так же!” Передача подходила к концу, и ведущий, подытоживая разговор, молвил: “У нас в гостях был писатель Юрий Поляков, который написал бы теперь свою нашумевшую повесть совсем по-другому. До свиданья!” Юпитеры погасли, операторы сняли наушники... “Как же так?” - изумился я. - “Вот такая у нас, Юрий Михайлович, грубая профессия...” - вздохнул ведущий.

Впрочем, “последнее слово” не всегда используется так грубо. Например, в течение часа вам могут во всех чудовищных подробностях показывать безрадостную жизнь людей, фактически бесплатно работающих на некогда процветавшем промышленном гиганте. А в заключение совершенно вроде бы ни к чему показать первомайскую демонстрацию с полу-

живым Брежневым на Мавзолее. И пусть ваша подкорка во всех нынешних безобразиях винит красные флаги и давно усопшего лидера исчезнувшей страны!

Однако из всех уловок, по моим наблюдениям, важнейшей является ирония. Нет, я не против иронии как художественного приема или стиля общения. Кстати, именно мое литературное поколение обогатило отечественную словесность неповторимыми ироническими оттенками. Я против иронии как мировоззрения. Я против тотальной иронии - страшной разрушительной силы. А именно отсюда берет начало пародийный модус повествования, усвоенный современным нашим ТВ. Незнакомка Крамского, ожившая в телезаставке для того, чтобы брезгливо смахнуть с плеча птичий аксельбант, - своеобразный символ этой постмодернистской стилистики. Между прочим, все эти бесконечные ремейки, эти старые песни на новый лад четко укладываются в эстетику пастиша, цитатного пересмешничества, нонселекции и прочих примет постмодернистской чувствительности. Но результат? Самонадеянные молодые люди, объявившие себя телевизионными кутюрье, оказались заурядными перелицовщиками. Их виртуальная эсхатология, умозрительное восприятие "мира как хаоса" и в самом деле характерны для молодежи стабильного, благополучного среднего класса. Но у нас-то подавляющая часть населения живет в предошущении вполне конкретной социально-экономической катастрофы, в обстановке вполне реального хаоса... Ему, населению, этот телевизионный постмодернизм с его тотальным иронизмом абсолютно непонятен и чужд. Зато нынешнему телерепортеру ирония, как правило, заменяет то, что во времена застойного ТВ называлось "личным отношением", а иногда заменяет и обыкновенное знание предмета повествования. Как говорится: мели, Емеля, - твоя неделя! Ирония исчезает лишь в том случае, когда информация касается ущемления интересов самих тележурналистов, шире - деятельности СМИ или нескольких "священных ко-

ров” и быков, которым позволено больше, чем Юпитеру. Есть, конечно, программы, разящие сарказмом, почти невзирая на лица - “На самом деле”, к примеру. Но таких буквально единицы, и потому вернемся к тенденции.

А тенденция такова, что оппозиция давно уже стала на ТВ исключительно предметом пародирования, хотя вроде бы: серьезное, уважительное отношение к антиправительственным силам и есть первый признак демократии. Достигается эта пародийность самыми разнообразными способами. На снижение работает все - дебильный ракурс, умело выбранный оператором, неудачная оговорка, позевывание в заседании... Про такие элементарные вещи, как глумливый монтаж и пренебрежительный закадровый комментарий, даже не говорю. Если бы Чубайса хоть несколько раз показали с той саркастической нелюбовью, с которой показывают, скажем, Зюганова, рыжеволосого “общенационального аллергена” давно бы уже в политике не существовало. Понятно, что угодно власти мероприятие снимается оператором сверху, если много народу, и снизу, если мало. И наоборот, неудобное мероприятие снимается снизу, если много народу, и сверху, если мало. Впрочем, об этом уже даже бабушки на завалинках знают. Но смеясь, можно расстаться с мрачным прошлым. Расстаться, ерничая, с неприличным настоящим невозможно...

Чтобы ни у кого не возникло подозрения, что зеркальная рама давно пуста, ТВ постоянно знакомит нас с мнениями случайно встреченных на улице прохожих россиян. Делается это так. Не допустили президента Лукашенко, скажем, в Ярославль, и вот у ярославских молодоженов спрашивают, как они к этому факту относятся. Молодоженам, понятно, все равно. Тогда почему бы в первую брачную ночь из-под кровати с микрофоном не выскочить и не спросить? Голубки новобрачные могут, к радости противников воссоединения Белоруссии и России, вообще

позабить, кто такой Лукашенко... В отношении некоторых политических фигур эфирный средний класс вслед за отдельными олигархами, разбогатевшими на абсурдистском разделе общенациональной собственности, испытывает совершенно явную и устойчивую неприязнь. Причем чем больше в этой фигуре государственнической энергии, тем неприязнь сильнее. Ничего странного тут нет: восстановление мощной государственности неизбежно приведет к пересмотру раздела собственности и к переориентации телевидения с идеологии несуществующего класса на идеологию общенациональных интересов. А это, как ни крути, затронет судьбы многих людей, определяющих нынешний эфир, коснется это и тех персон, чьи политические судьбы определяются исключительно эфиром...

Со сказанным тесно связана еще одна особенность современного российского ТВ. "Младореформаторы", окончательно пришедшие к власти под звуки "Лебединого озера" (кстати, поставленного в телепрограмму за неделю до событий), в значительной степени "юниоризировали" эфир. Именно на молодежь, смело шагающую в светлое капиталистическое будущее, рассчитаны ужастики про развитой социализм, дубовые американские боевики, бесконечные телеигры, ток-шоу, напоминающие школьную игру в "балду", убогие клипы и интервью, взятые у простодушных звезд на диванах, на крышах, на кухнях, в автомобилях и в постелях... Кстати, внимание агитпропа первых лет советской власти тоже было направлено в основном на молодежь... Улавливаете сходство в методах?

Да простят меня члены самопровозглашенной телевизионной академии, но наше телевидение порой напоминает мне классный подряд. Был, точнее, грезился когда-то такой комсомольский почин: выпускной класс ехал в колхоз и брал под свою ответственность, скажем, свиноферму. Так вот, когда я переключаю программы, у меня иногда складывается впе-

чатление, что выпускной класс московской спецшколы взял в подряд отечественное телевидение. Дело нашлось всем - и действительно способным, и с "фефектами фикции", и с внешностью, подходящей только для радио, нашлась работа даже для двоечников и второгодников... Что из этого вышло - перед глазами у каждого из нас, причем каждый божий день...

А если говорить всерьез, то произошла чудовищная деинтеллектуализация ТВ. Писателя на экране заменил скетчист, историка - шоумен-многостаночник, исследователя - полуневежественный популяризатор. Остались, конечно, еще реликты профессионализма, но тенденция, однако... Как стойкий оловянный солдатик, долго держался канал "Российские университеты", да только и он сгорел в огне предыдущей президентской кампании. А ведь это была одна из лучших образовательных программ в мире! Общественность, конечно, повозмушалась, было протестующее письмо творческой интеллигенции в "Труде", статьи в "ЛГ" - но власть их попросту не заметила. А что там замечать? Ведь не гадину красно-коричневую, в самом деле, просят раздавить, а всего-навсего оставить учебную программу на ТВ... Впрочем, через некоторое время, одумавшись, президент одарил нас каналом "Культура". Спасибо, конечно! Но когда же мы изживем эту чудовищную традицию - сначала взрывать намоленный храм, а потом на его месте возводить копию в натуральную величину? Тем более что так споро, как с храмом Христа Спасителя, редко получается...

Из эфира ушел серьезный разговор. Вы давно слышали с экрана стихи, если не считать неустрашимого Евгения Евтушенко? Крылатого Пегаса заменили прокладки с крылышками... Умер глубокий историк М. Гэфтер, иногда появлявшийся на экране. Умер для телевидения В. Распутин, шестидесятилетие которого вообще не заметили, хотя на пятидесятилетие популярного юмориста мы вместе с ТВ гуляли

чуть не неделю! А удаление с телеэкрана хлопотливо-го литературного Саваофа Солженицына - вообще символ эпохи. Представьте себе Льва Толстого, приносящего статью, скажем, в "Ниву" и получающего ответ: "Низковат у вас, граф, рейтинг! Мы лучше на этом месте анекдоты про городских напечатаем..." И тут трудно не согласиться с московским мэром, предложившим недавно принять закон об охране русского языка на телевидении. Во всем мире телевидение стоит на страже языковой нормы; наш эфир зачастую - это языковая аномалия!

Заметьте еще одну закономерность: если прежде в эфире были нежелательны деятели культуры государственного-патриотического направления, то теперь та же участь постигла думающих и совестливых либералов, ибо самые противоположные люди сошлись в неприятии того, что сегодня творится в стране, и, как следствие, исчезли с экрана. А что взамен? В качестве интересных гостей все чаще приглашаются в студию тележурналисты, шоумены, дикторы, ведущие... Это как если бы таксисты, вместо того чтобы возить пассажиров, начали бы катать друг друга!

Особо хочется сказать о кинофильмах, в основном американских. После них рядовые "мосфильмовские" ленты смотрятся как высокое искусство. Даже "Довженко" на "ура" идет. А куда делся наш замечательный телевизионный театр, без боя уступивший эфир мыльным операм? Разучились? Нет, судя по "Петербуржским тайнам", умеем. Объясните тогда, зачем нам наряду с продовольственной зависимостью еще и телевизионная зависимость? Обилие "импорта" объясняют тем, что-де советский кинематограф в свое время не обеспечил нас достаточным для многочасового и многоканального вещания киноматериалом. Допустим. Но почему тогда так любовно и тщательно отбираются и покупаются для нас именно боевики, снятые в самый разгар "холодной войны" и сладострастно показывающие,

как хорошие американские парни бьют, режут, стреляют, взрывают тупых монстров, одетых в странную форму - гибрид советского кителя и гусарского ментика (Звезда Героя Советского Союза величиной с орден Белого Орла прилагается)? Не уверен я, что американские телевизионщики при всей симпатии к интенсивно идущему в России процессу саморазрушения покажут своим зрителям, скажем, неплохой сериал "ТАСС уполномочен заявить..." Они же не идиоты, чтобы воспитывать у соотечественников комплекс национальной неполноценности. А мы?..

Труженики эфира любят демонстрировать, как кто-нибудь закрывает растопыренной пятерней объектив камеры. Подается это как тупое, непростительное насилие, хуже которого разве что погром! Да, кто-то закрывает, потому что боится правды... Но очень многие закрывают, потому что боятся неправды. Покажут то, чего не было, да еще обсмеют мимоходом... Нет, никто не скучает по телевидению упертых политинформаторов, но и телевидение бездумного хохмачества, взирающее на трагедию страны с позиций несуществующего эфирного класса, тоже не нужно... ТВ - одна из важнейших опор государства, а не агрегат по выкорчевке оных.

... В комедии же "Семь лет несчастья" события разворачивались следующим образом: хозяин, заподозрив, что лакей его просто-напросто морочит, сначала приставил к несуществующему стеклу свой зад, а потом быстро, так, чтобы "отражение" не успело среагировать, обернулся... Надо ли объяснять, что он увидел перед собой?! Разъярившись, хозяин (в исполнении Макса Линдера) схватил что-то тяжеленькое, чтобы прибить глумливца, а тут как раз и внесли новое, серебряно-невинное зеркало. И тяжеленькое полетело в "говорящее правду стекло". Бац! Звон осколков. И снова - пустая рама.

"Литературная газета", 12.8.1998

В ДЕНЬ, КОГДА МОЛЧАЛИ “ВЕРТУШКИ”

Прошло всего семь лет с того августа, когда в России повторилась обычная для нее трагедия - на этот раз в виде Фороса.

Для истории это - мгновение, недостаточное для сотворения мира. Потом, конечно, 19 августа станет Днем Великим. Даже поворотным. Площадь перед Белым Домом по статусу возвысится до поля Куликова, а народ будет привычно назван творцом истории.

И это тот самый народ, который привычно взирал на возню верхов, гадая, чем все это завершится.

В принципе невмешательство можно считать методом творения истории. Но, согласитесь, метод этот не совсем героический.

Специально для летописцев сообщаю, что в то утро я практически один стоял у броневой машины, на которую впоследствии залез Борис Николаевич, грубо наступив на мою ногу. (Боль я ему простил, поскольку видел мучения человека после ночной борьбы с алкоголем. В таком состоянии - да на бронетехнику! Очень уважал я в ту минуту тов. Ельцина, несмотря на боль в ноге.)

Надо сказать, что читал он неважно. Без традиционного графина с водой это было трудно. Уста, будто склесненные, неохотно выпускали каждое историческое слово.

А народ кругом стоял явно не героический. Случайный, в общем, люд.

К вечеру, правда, подтянулись идейные. Но, согласитесь, за “Спартак” собралось бы больше.

И специально для летописца сообщаю: мужик, не бери грех на душу, не пиши, что ГКЧП испугался защитников Белого Дома.

Не пиши, что свобода слова народу досталась ценой великих жертв. Не сообщай потомкам, что суверенитет Россия обрела в борьбе.

Скажи правду - на халяву все досталось. Свободу слова подарил народу М. Горбачев, партийное иго сбросила партия, а переход от одной экономической формации к другой произошел согласно указу.

Нельзя сообщать народу, что он творец истории, если он ее не творит.

И так очень часто обманывают народ, называя его великим, и снимают с его совести всю вину.

Твердят народу, что все дерьмо коммунисты творили, а сам народ чист. В Берлин в 1945-м вошел народ, а в Прагу в 1968-м - коммунисты. Космос покорял народ, а Афган - коммунисты.

Хотя этот самый народ все и делал. И репрессировал, и уничтожал, и вертухайничал, и расстреливал.

И в августе 1991-го он, народ, никак не мог никому помешать. Как не мог помешать палачам начать чеченскую бойню. Как не мог помешать олигархам продвинуть своего кандидата на выборах.

Кстати, летописец, этому народу теперь даже зарплату решили не платить. Зачем зря печатать деньги? А возмущение решено считать преступным.

Такой вот народ.

И такая власть.

Рожденная в августе.

“Новая газета”, 17.VIII.1998

МЭРЫ В ЗАКОНЕ

В криминальном мире Стас известен как авторитет старой формации. Он профессиональный карточный катала, не один десяток лет входит в первую российскую десятку мастеров своего дела. У Стаса особый взгляд на события, взволновавшие всю страну, - победу на выборах мэра Нижнего Новгорода предпринимателя с уголовным прошлым А. Климентьева.

Я начал воровать и играть в карты с 10 лет. Отец погиб на войне, когда мне было пять лет. Приходилось красть, чтобы прокормить себя, своих братьев и сестру. Но в семье я был такой один. Остальные тянулись к нормальной человеческой жизни. В то время соблюдалось равновесие между уголовным и обычным миром. И зэки знали свое место.

Да и сама власть при советском строе страшно боялась связываться с уголовным миром. Я слышал историю о том, как дочь Л. Брежнева Галина познакомилась с аферистом по кличке Цыган. Так КГБ сделал все, чтобы эта связь прервалась. Говорят, Цыгана зарезали хирурги во время какой-то пустяковой операции.

Хорошо или плохо, но в стране работали как государственные законы, так и воровские. А сейчас Россия напоминает огромную беспредельную зону. Вместо нормального русского языка - дешевая фенька, по которой "ботаю" и простой обыватель, и депутаты, и журналисты. Между прочим, те, кто умеет красиво и душевно писать письма, на зоне пользуются большим уважением. А блатной жаргон исполь-

зовался братвой лишь для того, чтобы сбить с толку непосвященных, запутать, скрыть информацию.

“Братва” вхожа в самые высокие кабинеты. Министры парятся в бандитских банях. Власть как будто переродилась. Характерная деталь: чуть ли не у каждого видного политика есть кликуха. **Березовский - Береза, Немцов - Пудель, Чубайс - Рыжий, Черномырдин - Чирик...** В глубинке и того круче. В Республике Марий Эл, например, начальство за глаза иначе как по кличкам вообще не называют. И неудивительно - Кислый (президент республики **В. Кислицын**) до избрания несколько раз фигурировал в уголовных делах. Так же как и Репа - первый вице-премьер правительства Р. Репин. Господин по прозвищу Смирный (по паспорту **Смирнов**) теперь руководит аппаратом президента. Бывалый человек- 6 лет отсидки.

Никакая прокуратура не в состоянии остановить уголовников, со страшной силой рвущихся к мандатам и портфелям. И сколько бы ни возмущался президент Ельцин, коняхины и климентьевы не успокоятся. А что - по Конституции любой имеет право избираться. Слышал недавно выступление председателя Центризбиркома А. Иванченко. Он только разводил руками, перечисляя: на выборах законодательного собрания в Алтае 14 кандидатов имели криминальное прошлое, и двое из них стали депутатами, в Приморскую Думу избран человек, на которого заведено 4 уголовных дела, в Московскую городскую Думу едва не попали 15 деятелей с соответственной биографией.

Разве что в армию уголовный элемент просочиться не может. На действительную службу с судимостью теперь не призывают, в военные училища не берут. Так что армии приходится ковать свои “кадры”. Вся пресса трубила о деле адмирала В. Хмельнова, начальника штаба МВФ. И что? За квартирные махинации ему дали 4 года... условно.

Теперь морячок снова рвется в бой, добивается по суду восстановления в должности.

В любом государстве существует преступность, от этого никуда не денешься. Но само государство не должно быть преступным. И к власти не должны приходить преступники. Иначе демократия превращается в "ворократию". Только в конце концов этот беспредел всем нам, и авторитетам в том числе, выйдет боком... Это как в лесу: должны быть и волки, и зайцы. А еще должен быть лесничий, который бы за всем этим следил. Если волков станет много, то исчезнут зайцы, и начнется грызня, в которой может погибнуть сам хозяин.

Сицилийская мафия - благодать по сравнению с нашими нравами. Мафия, по крайней мере, соблюдает свои порядки, а у нас уже и воровские законы теряют силу. Там, где правит мафия, исчезает уличная преступность. У нас же она цветет буйным цветом. Не по себе становится даже тем, кто свои университеты заканчивал на зонах.

Почти не осталось законопослушного населения. Действует шакалье правило: каждый сам за себя. Но, мне кажется, при таких порядках Россия не сможет долго находиться на плаву. Она либо распадется на мелкие территории, либо растворится среди других государств. Думаю, в этом не заинтересован никто, даже те, кто сегодня не в ладах с законом.

ПОЛИТ

рой формации. Он профессиональный карточный капитала, не один десяток лет ходит в первую российскую десятку мастеров своего дела. У Стаса особый взгляд на событие, взволновавшее всю страну: победу на выборах мэра Нижнего Новгорода предпринимателя с уголовным прошлым А. Климентьева.

коятся. А что - по Конституции любой имеет право избираться. Слышал недавно выступление председателя Центризбиркома А. Иванченко. Он только разводил руками, перечисляя:

"АиФ", 8.IV.1998

Мэры в законе

НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ ПРОЖИВАЛ...

Он кивал головой и растерянно бормотал: “Бумашка! Бумашка!” Этим словом иностранец у обменного пункта обозначал, как ни странно, не только что приобретенные им российские рубли, а справку об обмене, которую ему почему-то не выдали. После чего на ломаном английском языке стал объяснять всей очереди, что справка ему необходима для отчета перед руководством фирмы. И мрачно томящаяся очередь тотчас же откликнулась. Трое молодых людей взяли на себя переговоры между иностранцем и девушкой в окошке обменника, добыли ему нужную справку. Обсудили с ним ситуацию в России. Пришли к выводу, что она сложная. И, честное слово, у всех добровольных помощников английский оказался лучше, чем у объекта их помощи (кажется, испанца или португальца). У двоих на поясе попискивали пейджеры. Глаза - умные и выразительные. Готовые герои документального фильма “Россия возрождается”.

Подобные персонажи, вместо того, чтобы сидеть за рабочим столом у себя в фирме, топчутся сейчас у обменных пунктов и банкоматов. Этот факт снимает с российской власти обвинение в так называемом “социальном дарвинизме” - в том, что общество, где мы живем, приносит в жертву интересы старых, слабых, беззащитных ради процветания молодых, энергичных и деятельных.

Гайдара обвиняли в том, что он ограбил стареньких бабушек. При этом юных внуков в числе по-

страдавших не упоминали. Реальные прототипы Лени Голубкова бились в истерике у закрывшихся пунктов МММ. Люди, разбиравшиеся в элементарных экономических законах, комментировали: “Да, это жестоко, но глупая доверчивость должна быть наказана”. Последние невыплаты зарплат бюджетникам были, разумеется, вопиющей несправедливостью. Но многие из тех, кто это признавал, добавляли: сами виноваты, надо было проявить сноровку и протиснуться в коммерческие структуры.

И вот теперь в процесс под названием “лишение людей денег” втянулись совершенно новые жертвы. Энергичные, инициативные, умные, вписавшиеся. Кто вкладывал деньги в ГКО? Люди, которые по крайней мере знают, как эта аббревиатура расшифровывается. Кто неделями мучается у банкоматов, пытаясь выковырять застрявшие на валютных счетах деньги? Тоже - не социальные аутсайдеры. Кого будут сейчас увольнять из обанкротившихся банков? Тех самых представителей нарождающегося среднего класса, на который у нас за последние годы все: публицисты, философы, политики, писатели - буквально молились. Теперь поддерживать иллюзию, что этот класс у нас есть и, главное, что он ничем не отличается от своего западного аналога, - оказалось не по средствам.

Когда по телевизору показывали какую-нибудь МарьИванну, которая сидит в глухом медвежьем углу и год не получает зарплату за работу, которую она, между прочим, выполнила, преуспевающие молодые люди из крупных городов, искренне сочувствовавшие ее переживаниям, были уверены: они сами - представители иного, цивилизованного общества. Потому что смотрят те же фильмы, что их европейские сверстники, покупают одежду тех же фирм, отдыхают на тех же курортах, расплачиваются при этом как белые люди, пластиковыми карточками. Сейчас им указали их место. И выяснился интересный факт: это место - вовсе не там, где они предполагали. Те, кого обвиня-

ли в том, что они живут за счет народа, неожиданно для самих себя тоже оказались российским народом. В самом деле, что они сделали такого, чтобы рассчитывать на иную судьбу? Выучили английский? Носят рубашку и галстук, а не ватник и кирзу? Как выяснилось, этого мало.

Не может долго существовать строй, где одна часть населения живет по законам цивилизованного мира, а другая - в режиме, представляющем собой смесь феодализма и советской власти в худших ее проявлениях. Рано или поздно этот кентавр должен был отбросить копыта. Полтора столетия назад Герцен сказал: "Власть расположилась в России как оккупационная армия в захваченной стране". Те, кто еще носил пионерский галстук, успел избежать комсомола и на этом основании считал себя сыном западного мира, могут вспомнить эту цитату. Ну, а кто именно на данном этапе претворяет ее в жизнь - правительство, банкиры, олигархи - не имеет значения...

За несколько летних дней произошел крах иллюзий целого поколения. Это печально. Но обычно расставание с иллюзиями происходит, когда представителям пострадавшего поколения лет сорок-пятьдесят. Нынешнее избивание перестрочных младенцев внушает оптимизм - чем раньше проведена операция, тем больше шансов, что выздоровевший пациент вернется в жизнь другим человеком. Мудрым, сильным, готовым к борьбе за свое место в жизни, распроставшимся с иллюзиями. И главное - взрослым.

Если, конечно, он выживет.

"МН", 30.VIII.1998

ПОСТРАДАЛА ЛИ БРАТВА ОТ КРИЗИСА?

Общак банкирам не товарищ

Задел ли всеобщий обвал российскую братву? С этим вопросом корреспонденты “АиФ” обратились к некоторым представителям организованной преступности.

С “бригадиром” одной из подмосковных группировок мы встретились в заранее условленном месте на кольцевой автодороге. Он подкатил с двумя телохранителями на последней модели “БМВ”.

- Мне сказали, что вас интересует, как чувствует себя братва в нынешних передрыгах? Так я вам прямо отвечу: нас это не особо колышет. Пусть лохи за свои копейки трясутся, а у нас все схвачено, везде проплачено.

- А за сохранность общака не боитесь? Вдруг он исчезнет в лопнувшем банке...

- Ха, мы ж не чокнутые, чтобы баксы банкирам доверять. Разве эти фраера что-нибудь секут в финансах? Они ж почти все или бывшие комсомольцы, или менты. В лучшем случае из барыг. Я сам с одним таким вместе на зоне парился. Ему тюремную пайку нельзя доверить, а вы ему миллионы долларов в руки. Нет, общак - дело святое. Он хранится у “кассира” только в “зелени”. Причем в течение пятнадцати минут по требованию братвы нужные “бабки” должны быть выложены на стол. Иначе замочить могут.

Кстати, я думаю, что скоро ельцинский бардак прихлопнут. Главным российским “паханом” станет Черномырдин. Он из мощны Березовского даст денег ментам и военным. Служивые потребуют, чтобы Боря добровольно слинял из Кремля. Выборы отменят. Скажут, казна пустая. А чтоб народ не вякал, введут чрезвычайное положение. Спорим, что в ноябре ли даже раньше так и будет.

Мафиозные пирамиды

Самых больших трудов стоило уговорить встретиться “финансиста” крупной мафиозной структуры. Юрий Иванович был настолько занят, что сумел выкроить полчаса для общения с прессой лишь в обеденное время.

- Много ли вы потеряли на крахе пирамиды ГКО?

- Ни рубля, ни цента. Хотя общие убытки инвесторов уже сейчас оцениваются в 40 миллиардов долларов. Пирамида ведь была колоссальной - общей стоимостью в 400 триллионов старых рублей.

- Вы хорошо на ней “наварили”?

- Точную цифру я вам, естественно, не назову, но уж поверьте, гораздо больше, чем на МММ, “Властилине”, “Хопер-Инвесте”... Тогда мы только отработывали технологии, скажем так, честного отъема денег. А уж с государственными казначейскими обязательствами развернулись вовсю. Теперь надо придумывать новую систему перекачки денег из вашего кармана в мой. *(Смеется.)*

- А на скачущем курсе доллара вы тоже умудряетесь зарабатывать?

- Конечно. У нас ведь и в Центробанке, и в правительстве - везде свои люди. Информацией о валютных интервенциях ЦБ, обо всем, что замышляется в кабинетах экономистов и финансистов в “Белом доме” на Краснопресненской набережной, мне тут же становится известно. А знания - сила. И деньги. Поэтому умный никогда не может быть бедным.

Услуги киллеров дорожают

Этот человек так и не представился. Но, глядя на его безупречную офицерскую выправку, мы для себя окрестили его Полковником. Очень спокойным, будничным тоном он рассказывал о том, как нынеш-

ний российский кризис повлиял на рынок заказных убийств.

- Услуги киллеров дорожают. "Мишени" тщательно охраняются, пытаются прятаться в зарубежных странах. Ведь все больше поступает заказов на "большую рыбу": обанкротившихся банкиров, задолжавших немалые суммы дельцов, крупных чиновников...

- А политиков?

- Пока до этих болтунов не дошла очередь. Сейчас идут в основном денежные разборки. Типичная картина: взял и не отдал, пообещал и не сделал.

- И за это убивают?

- Когда на кону стоят сотни тысяч или миллионы долларов, то запросто. Профессионалу, в сущности, все равно, кого "валить". Главное, чтобы заказчик не вздумал "крутить динамо".

- Следует ли сейчас ожидать новой волны заказных убийств?

- А вы как думаете? Сейчас же все рушится. Немало людей теряют свои состояния. Постоянно кто-то кого-то "кидает". Без разборок не обойтись. И зачастую последним доводом в них является меткий выстрел.

- Но, говорят, все чаще для совершения заказных убийств используют не снайперов, а подрывников. С чем это связано?

- На черном рынке появилось много пластита. А из армии пришло достаточное количество специалистов, которые умеют обращаться с этой мощной взрывчаткой. Кроме того, и частные школы подрывников, что есть в Москве, пекут специалистов, как блины.

- Так что же, надо ждать новых взрывов?

- Работа есть работа. Хотя я лично против, когда вместе с проворовавшимся банкиром взрывают и дом, где находится его офис. Старушек жалко.

"АиФ", 2.09.1998 г.

ТАНЦУЮЩИЕ С ВОЛКАМИ

(опыт пародии на плохой манифест)¹

С волками жить...

(начало русской пословицы)

...Carthaginem esse delendam!

(конец латинской...)

Для существа политического, борьбу за высшее благо сограждан всем иным видам публичной деятельности не предпочитающего, для существа, уведшего подобных себе в предпочтении этом равно далеко от фрондирующей интеллигенции, системообразующей оппозиции и пресмыкающейся челяди, оказаться внезапно одним из авторов древнего “Синтаксиса”² - большая неловкость и испытание.

Ощущение это усугубляется необходимостью - не столько вступить в полемику с “уважаемыми людьми”, но и убедить неслуживую интеллигенцию в том, что если она хочет реально влиять на происходящее в стране, то должна всемерно поддержать приход к власти нового (в возрастном и ментальном плане) поколения и помогать нам в нашей работе, а не увлекаться пламенно-желчной публицистикой на тему “взгляд и ничто”, где за сравнительно адекватными описаниями новой советской действительности

---

¹ журнальный вариант.

² синтаксис - добровольный взнос в кассу Союза (не нашего, но Второго Афинского, 378 - 357 гг. до н.э.).

следуют безнадежно-безотнositельные инвективы, эскапады и панегирики.

Единственное, что может до некоторой степени оправдать подобный призыв, это простое соображение, что у людей, сосредоточенно борющихся против Советской власти, нет иных наследников (не внуков, не детей, а именно наследников) и надежды, кроме нового политического Движения...

Диссидентское движение дало пример стойкости духа в борьбе с режимом, сформулировало критерий проф.пригодности - выйти на площадь и выдвинуло важнейший нравственно-политический императив - поименно вспомнить всех, кто поднял руку. Но диссидентское движение дало очередной пример патологической неспособности интеллигенции к борьбе за власть (а не против властей) и, тем паче - к управлению государством.

Объективное, т.е. произошедшее помимо и, во многом, вопреки диссидентской воле, падение советского режима разрушило иллюзию даже борьбы "против", диссиденты окончательно перестали заниматься политикой, и лишь в некоторых случаях мимолетно кооптировались в дьявольскую круговерть нового строя...

Нам будет гораздо легче, мы не застали старых репрессий. Нам будет в чем-то тяжелее, нам не может новый Запад.

Мы уже ушли... другим путем, у нас другая профессия. Мы боремся за власть, наши претензии к режиму не только очевидные - этические, но и эстетические, если можно говорить (а говорить почти нельзя, потому - не с кем) об эстетике государственной работы. В этом смысле мы - государственные люди, наша профессия в будущем - управлять переходным государством, сделать так, чтобы от пришедших после не так уж многое зависело, запустить цивилизованные механизмы. Именно запустить, а не прикрываться ими (посулами их) для прихода к власти или удержания ее. Приход к власти - это наша

цель сейчас, до начала перехода в нетоталитарное далеко...

Движение к цивилизации не происходит объективно, вопреки воле правителей. В бездарной - в политическом отношении - стране должны были, наконец, найтись люди, которые:

1) имеют цивилизованные интенции, т.е. обладают не только минимально-необходимым набором человеческих качеств, но и государственно-правовым мышлением;

2) знают, как в каждый конкретный момент следует действовать, чтоб сказку сделать былью, чтобы с каждым днем все сильнее наступать на горло варварскому режиму, чтобы ничего не забыть, не простить и, по возможности, никого не потерять;

3) способны по всей стране организовать работу по реализации своей программы или плана мероприятий, создать Движение, партию, клешню для сжатия вышеупомянутого горла и научить ее действовать крайне осмотрительно, памятуя о том, что в традиционно-противном случае благими их намерениями будет вымощена уже проторенная столбовая дорога.

Мы с неудовлетворением констатируем, что таких людей "при власти" не было.

И мы утверждаем, что такие люди в нашей стране нашлись.

II

Утверждение это, разумеется, ни у кого не вызывает особого восторга. Госбезопасность всерьез инкриминирует нам использование Интернета, фронда - сотового телефона. Интеллигенция же во всех, кто говорит о "справедливости" и способен к политике, чует некую имманентную червоточину и подозревает, как минимум, в потенции - моральную нечистоплотность. Огульные классовые сентенции, типа "все они там мазаны..." и т.д., подкрепляются глубокомысленными замечаниями, что "так и на Западе..."

Далее делается парадоксальный вывод о необходимости поддерживать нынешних “лжецов и убийц” (“каждый народ имеет...”) и в свете истерическо-исторического сарказмом наблюдать за происходящим, убеждая прохожих, что когда-нибудь, “лет через пятьсот”... “капитализм (!) победит и все будет как сейчас на Западе”. Поразительное человеколюбие... Люди же мрут прямо сейчас, рядышком с получающими гонорар за эти рассуждения, а не в исторической перспективе...

- А чем мы можем им помочь, зато мы можем теперь ездить за границу...

Доблестная прослойка, как могла, способствовала тому, чтобы простолюдины заснули наяву и даже во сне не видели возможности приложить к государственным мужам, включая Самого, те же мерки, что к соседям по кварталу: “тот - негодяй, тот - жулик, тот - вампир”...

А что до “пятисот лет спустя”, то во-первых, у нас нет никаких оснований полагать, что дети (уже видим) и внуки (не дай Бог) сегодняшних “вампиров” не будут воспроизводить Систему в еще менее сдержанных формах. Кроме того, две и более партий нам, скорее всего, не прокормить, - уж очень нынешняя дворня многолика, прожорлива и находчива в смысле “чего бы еще урвать”, а коли начнут плодиться... И наконец. Режим в своем сегодняшнем геополитическом воплощении наверняка столь долго не протянет. Снулый, от большого ожиренья гнусно охающий, ничего не производящий режим деградирует по следующей схеме: удержание (приход к) власти всякий раз происходит за счет разрушения предыдущей, более масштабной системы; выделившаяся энергия уходит, в лучшем случае, в окружающую среду; когда ресурсы окончательно разбазариваются, происходит переход на следующий, более низкий уровень потенциальной энергии оставшегося государства.

Сон государственного разума рождает политических чудовищ. Потеря политического чутья и как следствие - непроницательность и неловкость Горбачева - последнего советского руководителя, думавшего о государстве, - позволили Ельцину во главе своры "республиканских" мерзавцев и полудурков растащить Союз на вотчины³, в очередной раз доказав, что заспанной "демократии [сопутствует] необузданное господство силы"⁴. Потеря политического сознания вследствие прогрессирующего деспотического скудоумия, сомнамбулическая ловкость Ельцина - породили характерных бесов с ликом Чубайса, Лебеда или Лужкова, сделали российские губернии прибежищем провинциальных негодяев, указав другим пути окончательного развала страны - через создание криминальных анклавов, как на Северном Кавказе, или ханств, типа татарского или башкирского⁵.

III

Человечество и впрямь, насколько известно, не придумало иных методов управления, чем кнут и пряник.

Но в нашей стране эти формы сохранились в первозданном виде самодурства и "кормления от места". Суть нынешнего этапа - затянувшегося перехода от засыпающей охлократии к ворочающейся за секунду до пробуждения тирании - состоит в том, что казнокрадство, взяточничество и nepотизм - основные средства управления - стали его главными целями.

---

³ "До чего ж мы гордимся, сволочи, что" на Украине или, скажем, в Узбекистане люди живут еще хуже (где - еще беднее, а где - еще и менее свободно), чем "у нас".

⁴ ср.: Полибий, VI, 10, 4 (здесь и далее ссылки на "Всеобщую историю в сорока книгах", пер. О. Мищенко).

⁵ Все эти пути творчески осваиваются, тенденции достаточно очевидны: см. ситуацию в Хакасии, Мордовии, Якутии. А результаты выборов в Орле, Кузбассе, Курске?

Молодой подвид, например, немцовых, гораздо страшнее, чем пресловутая “номенклатура” вида, скажем, Вяхирева. На жирных плечах презренных хозяйственников действительно лежит народное хозяйство. Все в стране, что хоть как-то пока работает, не разрушается отчасти благодаря “отцам” и безусловно вопреки “детям”. Оно конечно, “старики” тоже воруют и мздоимствуют, но - “вначале дело, какое ни есть производство, а оставшееся - поделим, украдем”. Очень патриотично. Не то молодежь - “сейчас раздербаним, а потом придумаем, с каким понтом”.

Советская номенклатура была выпестована системой, “отцы” прошли хоть какое-то сито, имеют пусть примитивное, но “государственное” мышление, хотя “порядка”, при котором высшее руководство, четко обозначив приоритеты во всех отраслях, карало бы “детей”, ворующих идейно, ради идеи воровства (“пускай наши сначала себе урвут, укрепятся, а потом смогут спокойно думать о государстве”, - так говорил один демократ-умница).

“Привычка - душа держав”. Инерция государственно-чиновничьей машины и долготерпение народа далеко еще не исчерпаны. Но и это, как и экономический потенциал, и международный престиж страны, можно окончательно угробить.

Постсоветские руководители ухитрились же угробить, казалось бы, неисчерпаемый ресурс - частную инициативу и связанный с ее высвобождением энтузиазм населения. Памятником этому энтузиазму стали бедняцкие дачные хибары и согбенные спины их хозяев во время страды.

Весь “бизнес” выродился в два-три десятка сравнительно честных способов обслуживания механизмов казнокрадства, сведен к примерно такому же количеству (и аморальному качеству) видов обслуживания потребностей - присвоения денег - обреченного на это экономическое чудо населения. Разумеется, лицензии на прямое и косвенное ограбление народа выдаются за взятки - авансом или по факту вступле-

ния в картель и при условии соблюдения установленного порядка поборов в дальнейшем.

IV

Стыдно признаться и, тем более - заявлять публично, но мы считаем, что народ - близкие нам другие люди - заслуживает не таких правителей. Более того, нам представляется, что полезным было бы объявить конкурс для всех желающих распорядиться огромным - до сих пор - потенциалом государства. Главное условие - чтобы уже ближайшие поколения жили при свете, который вытягивающим шею виден в конце туннеля многовекового беспросветного варварства. Мы уверены, что выиграли бы этот конкурс. Потому что - не будет других заявок. У нас нет конкурентов, мы не знаем никого, кто хотел бы, умел и мог организовать управление страной столь-нибудь подобающим образом.

Мы хотим (и можем) организовать наше *res publica*, наконец, по-человечески; по-другому - рачительно - и для других - казенных - целей распорядиться оставшейся частью ресурсов; по-иному использовать народный энтузиазм, уважение и доверие народа к власти и ее институциям, к творческой интеллигенции, несмотря на ее проституирование, к средствам массовой информации (без комментариев).

Мы тоже не знаем других методов управления, чем общеизвестные кнут и пряник, но, опять-таки, собираемся использовать их в иной - более цивилизованной - мере и для других - соответственных - целей. Мы знаем как (плохо) справлялась с делами Советская власть, как (никак) управляются сейчас, как (по-другому) организовано управление на Западе. На своей шкуре ощутив прелести первого и второго, мы понимаем, как (потихоньку) асимптотически приближаться к третьему. Мы до какой-то степени уже государственные люди, потому что целью нашей

жизни является работа по созданию цивилизованного государства.

Если политика, по Аристотелю, есть деятельность, направленная на благо сограждан, и включает она в себя и этику, и экономику, то надо признать, что нынешний режим - тимократия⁶, охлократическая тирания, освященная не поддающимся истреблению квазитираном, который глумливо тасует замушенную колоду отъявленных мотов-реформаторов, охочих до охот хозяйственников и ярых, до ястребительности во взоре, лакеев. Этот режим и соответствующий ему государственный и общественный строй ради блага сограждан как можно скорее должен быть... изменен.

С легкого (пустого) пера политически малограмотных публицистов нынешний строй определен как олигархия. При этом, естественно, полагается, что де-факто страной управляют криминальные олигархи, сильно смахивающие на карикатурных персонажей из черносотенных листков, где речь идет об известных протоколах, соответствующих заговорах и т.п. Политико-правовые представления многих аналитиков - из этого же бульварно-газетного ряда. Полагать, что власть в стране принадлежит "жидовствующей службе" казнокрадов - значит, как минимум, не разбираться в политике и пытаться отвести будущее возмездие от реальных функционеров режима, повинных в массовых убийствах и других тягчайших государственных преступлениях, и направить потенциальный народный гнев в идеологически близкое русло локальных погромов...

Приведенные рассуждения и выводы - образчик страусиного толкования действительно исторических событий последних лет, общего непонимания принципов работы политических механизмов и нежелания улавливать навязчивые намеки Всеобщей истории. Полибий, например, из глубины двадцати двух веков

---

⁶ платоновская - власть честолюбцев.

кажется нам гораздо более своевременным и современным, указывая, что “народ... [становится лишь] ... завершителем переворота, когда он вообразит, что любостяжание одних нарушает его выгоды, когда с другой стороны лесть честолюбцев преисполнит его высокомерия. Тогда разгневанный народ, во всем внимая голосу страсти, отказывает [старым] властям в повиновении, не признает их даже равноправными с собою, и все дела желает решать сам. После этого [новое] государство украсит себя благороднейшим именем свободного народного правления, а на деле станет наихудшим из государств, охлократией... Дело в том, что толпа, привыкши кормиться чужим и в получении средств к жизни рассчитывать на чужое... выбирает себе в вожди отважного честолюбца, а сама... устраняется от должностей. Тогда водворяется господство силы, а собирающаяся вокруг вождя толпа совершает убийства, изгнания, переделы земли, пока не одичает совершенно и снова не обретет себе властителя и самодержца”. “Посему - заметил за два столетия до Полибия Аристотель, - основательно, кажется, следует порицать эту демократию... [ведь она]... соответствует тирании. Характер власти там и здесь один и тот же: в обоих случаях власть деспотически относится к... людям... Народ... через посредство демагогов... являясь монархом, стремится и управлять монархически, не подчиняясь закону, и становится деспотом...”

Политики, даже искренне-демократические, накануне окончательного распада понятного им государства - могут, конечно, обвинять друг друга в небескорыстном отстаивании интересов тех или иных олигархических группировок. Могут заниматься и иной, по их мнению - политической - деятельностью и, честно “положив живот” - “геройством прорваться в века”. Не могут только - ни эти политики, ни группировки - предотвратить агонию государства. Так было, и нет никаких оснований думать, что будет не так.

В трагедии политической маниловщины гибнут не донкихотствующие борцы с номенклатурой - гибнет государство.

В настоящей - государственной - трагедии в наше время гибнут, главным образом, не политики, но - простые, укоризненно-советские люди, привычно творящие чудеса и так полностью и не осознавшие, что вышестоящие товарищи больше не собираются, даже формально, нести ответственность за тех, кого "силою вещей" приручили.

V

Общество, не умеющее (не желающее) признать свой очевидный диагноз, - обречено. Говорящие об олигархии - власти немногих - в стране, где, по Аристотелю, - "все власти рушатся", "властвуют не законы, но народные псефисмы (постановления народного собрания) - произведения демагогов, [управляющих] мнением народа", где просто "нет политического устройства", а есть лишь, как в нашем случае, "необузданное господство силы"⁷, бессмысленно-беспощадной и случайно-направленной - обманывают в лучшем (редком) случае - себя, чаще - свой народ. Дело в том, что за олигархией - при хорошем раскладе - может последовать демократия. За нынешней ослократией - как ни крути - деспотия, ибо хейрократия⁸ и, как следствие, фактическое безвластие, а не власть каких-то мифических, пусть и имсющих глиняную силу, группировок - всегда не только наихудшая, но и последняя форма существования данного государства; за ней неизбежно следует тирания в оставшейся части (частях) страны.

Такой прогноз определяет наш стратегический курс - на "истребление тиранов" и создание режима, устойчиво стремящегося к позитивным, цивилизо-

---

⁷ Полибий. VI, 10, 4.

⁸ господство силы (термин заимств. из: С. Мирзаев, "Полибий").

ваным целям. Лишь затем, по нашему убеждению, появится возможность “ввести” демократию. В этом - одно из самых существенных отличий идеологии нашего Движения от теоретических установок современных квазиполитических образований.

Что касается тактики нашего Союза, то она определяется государственно-устроительными и тираноборческими устремлениями лишь отчасти. Безусловно, сам факт пребывания Ельцина при исполнении каких-либо государственных функций является для нас оскорбительным. Это не означает, однако, что мы считаем благом для страны скорейшее падение ельцинского двора: трудно сказать, кто более опасен “как для целого государства, так и вообще для всех его граждан”⁹ - правящие ослопуги или “бесправные” пока, потенциальные диктаторы. Одно можно сказать с уверенностью: чем позднее придет настоящая тирания, тем быстрее будет иссякнет способность грядущих твердых и умелых рук к чему-либо, кроме государственной мастурбации, и тем больше у нас будет возможностей для подготовки к последнему кругу борьбы за власть.

Тактика наша, таким образом, - “революционная вполне”...

“Изменение существующего государственного и общественного строя”¹⁰ не может быть произведено в мышкиных интересах по кошкиным правилам. Как волка ни корми, он все равно при случае тебя скушает; и не по злобе даже, и не потому, что у них с кошками заговор, а инстинктивно, “по крови своей”, самосохранения и самовоспроизводства ради, ибо живут они не ради мышек на Земле...

Эти первичные зоологические представления, столь необходимые в политической работе, заставляют нас всякий раз тоскливо озираться в поисках объ-

---

⁹ ср.: Аристотель, III, 7, 13, пер. Н. Скворцова.

¹⁰ эта формулировка из ст. 2.2.1 устава нашего Движения, по-видимому, хорошо знакома читателю.

яснения бессмысленности дежурного вопроса о количестве членов Движения. Такой вопрос подразумевает, максимум - участие в ближайших выборах. Перед нами же стоят (поставленные, грубо говоря, объективной государственной реальностью, данной всему народу в виде потери политических ощущений) совсем иные задачи. Иными будут и методы их решения...

Интеллигенция всегда играет в поддавки, призывая народ и режим соблюдать правила. Народ, известное дело, пока не грянула пора, помалкивает, а режим играет "в чапаева"...

VI

Отказ играть по правилам, навязываемым режимом, и требование трансфера действующего истеблишмента - наиболее важные для нас тактические идеи. Подготовка и осуществление системы мероприятий по тотальной люстрации действующей братии - дело довольно понятное, не требующее, по видимому, подробных обоснований. Очевидны, отметим, две сложности: законодательная и техническая.

Что касается техники, то наиболее распространён саркастический вопрос: а где же вы возьмете другой истеблишмент? Мы отвечаем обычно, что (господа офицеры, молчать!) *качественно* других людей взять действительно негде, но перед теми, кто (начиная со II - III уровня) останется, будут поставлены другие цели, управление будет осуществляться несколько по-иному и т.д. Должна создаваться атмосфера нетерпимости, нравственного осуждения не только своекорыстного, но и безграмотно-халатного отношения к государственной службе.

Этими же соображениями обуславливается и наш подход к формированию законодательства о трансфере действующего истеблишмента - политического, общественного, экономического. Люстрационные процессы - не способ сведения счетов, но де-

монстративная гарантия (создание прецедента) неотвратимости кары за издевательство над согражданами. Не надо сурово - готовы "носить им, гадам, передачи". Пусть на 15 суток, пусть условно, пусть хотя бы запрет на профессию - но для всех, кто, злоупотребляя служебным положением, убивал, грабил, воровал и просто, при случае, пренебрегал достоинством "небольшого человека". Важно, чтобы за отстранением от власти верховных "льстецов и тиранов" последовали аналогичные действия "на местах", не должны быть забыты и бесцветно-влиятельные холуи вечно дряхлеющего Папаши, и последний, запятнавший себя антигосударственным распутством, клерк волисполкома...

Впрочем, это не проблемы ближайших дней, и потому, наверное, гораздо более наших оппонентов беспокоит отказ Движения от "режимных" правил. Мнения о нас высказываются самые смелые: с одной стороны - нам приписывают склонность к террору и насилию, с другой, не обнаружив соответствующих составов в наших пробных демаршах, - обвиняют в... неспособности захватить в заложники десяток, например, депутатов Гос. Думы. При этом, очевидно, забывается, что, во-первых, ничто в стране не ценится так дешево, как человеческая жизнь; что, во-вторых, насильничать - нехорошо; что, в-третьих, это не оригинально, пошло, в этом нет, в нашем понимании, политической доблести; что, в-четвертых, у террористических групп могут быть шансы отстоять свой - групповой - интерес, но нет пока шансов "вздыбить Россию" даже "ордой грабителей"; что, наконец, плетью обуха не перешибешь.

Но мы намерены демонстрировать - пока очень избирательно и в тренировочно-ограниченных масштабах - эту силу - организованную силу гражданского протеста. И мы намерены угрожать - возмездием.

Не следует, однако, ждать от нас особо громких и, тем более, массовых акций. Пощечину общественному вкусу полезно дать всегда, но зачем же из-за

этого ломать партийные копыя. У нас их мало, мы будем беречь своих людей. Что касается массовости - революционеров не может быть много; пока народ спит, все массовые акции - будь то предвыборные митинги, канализированные манифестации, забастовки etc. - суть профанация гражданского протеста и политической активности. Эти выступления, даже если и проходят под политическими лозунгами, на самом деле - способ самораскрутки (сублимации) режима, люди, в них участвующие, одурманены лишь привычно-призрачной надеждой на то, что организаторы той или иной буффонады тут же подкинут (обычно подкидывают) им очередной кусок, на драку собакам, а когда те окончательно проголодаются - снова на рельсы.

На самом деле, конечно, "никто из них не хочет лечь на рельсы"¹¹. Во всяком случае - сам. Другое дело - созвать трясушуюся от рабочего натиска прессу и, договорившись с местной милицией, вечным оппортунистом-губернатором и какой-нибудь федерально-профсоюзной швалью, организованной толпой "перекрыть" на 2 часа (как договаривались!) железную дорогу; выключить другим людям (с которыми можно не договариваться) свет; перестать этих - других - людей лечить; авось чего и звякнет... Замечательная гражданская активность и демонстрация солидарности трудящихся.

Мы, напротив, должны ежечасно демонстрировать организованную ненависть к режиму, - и только такие "демонстрации" будут для нас по-настоящему важны.

Нас *не должно быть* много, нам не нужны союзники - их просто не может быть в действующей политической системе. Ближайшее пробуждение народа еще не наше и будет оседлано стохастически избранным тираном; следующее - не проспать бы самим...

---

¹¹ И. Бродский, "Горбунов и Горчаков".

VII

Реализовать подобные планы под силу лишь организации, имеющей подходящую случаю структуру и программу. Наш Союз прекрасен как раз тем, что имеет “линейно-штабную структуру с жесткими вертикальными связями”¹² и не имеет столь необходимой всем “специфическим лицам российской политики”¹³ - программы.

Мы являемся сторонниками мягкого, доброжелательного стиля полемики и потому, в очередной раз, попытаемся разъяснить, что есть в наше время политическая программа. Мыслим так: позитивная программа, о которой первым делом бросаются говорить все - от повально безмозглых штатных политаналитиков до никогда не паразитировавших на “общем благе” случайно-разумных прохожих - эта “программа”, по-видимому, есть некое сочетание рассказа о “политических взглядах партии” и ответа на вопрос: “А что бы вы сделали, окажись на “их” (специфически правящем) месте, или какой могли бы дать “им” совет?”

Отцы и учителя! Кому “им”? Придворным, царькам, верховному шуту? На месте (местах) нынешней своры мы никак не окажемся, мы просто не вяжемся с ними (с волками иначе не делай мировой) - и все. А совет... совет “им” - дадим: публично покаяться, уйти в отставку и найти себе хорошего адвоката...

Теперь вернемся к “политическим взглядам партии”. Подсознательно-бессодержательные суждения политологов о коммунистах, демократах и прочих идеологических умницах к нам, очевидно, малопри-

---

¹² “Такое возможно, - замечает один из наших критиков, - только в подполье при... тоталитарных режимах, не допускающих свободы... партий”. Справедливо.

¹³ меткая самохарактеристика несчастного Абдулатипова.

менимы. Из наиболее, с общепринятой точки зрения, радикальных взглядов Движения следует, наверное, выделить “непризнание” границ СНГ (в ближайшее время мы будем создавать наши организации на Украине, в Белоруссии, Казахстане) и составление про-скрипционных списков уже сейчас.

В остальном наши политические взгляды достаточно традиционны. Мы считаем нынешний режим не только преступным, но и не легитимным, не признаем итогов последних президентских выборов. Мы считаем корыстными соучастниками преступлений и бесчинств режима (его изнанкой, исподним) не только черносотенно-советофильских ископаемых, но и творческих интеллигентов, вроде Марка Захарова, и независимых журналистов, вроде бывшего агента Алексева, и торговцев опиумом (для народа), вроде настоящего аг..., простите, Алексея II, и... Этот список не может быть продолжен из-за недостатка места и в силу тривиальности; заметим лишь, что особая - высокомерно-трогательная и по-хамски инфантильная - форма соучастия - у западных Пилатов, прощающихся с Россией...

VIII

Попытка задвинуть наше Движение в левый или правый угол или просто выставить в экстремистские сени - не удалась; мы упрямо надвигаемся.

Нам кажется, что у политиков нет и не должно быть (не бывает) политических убеждений, взглядов и т.п., кроме самых общих ощущений: духа времени и - вкуса. Ленин был умелым политиком, Гитлер - тоже. Первый всегда знал, что “большевики должны взять власть”. Второй твердо помнил, что надо истреблять евреев, а также подсознательно - даже вопреки чутью и здравому смыслу - пытался “дружить” с Англией. Все остальное оба идейно обосновывали и решали в “рабочем” порядке. Список их жертв, как известно, длиннее, чем список несменяемых “идеологических установок”.

Столь же слабую взаимосвязь постоянства “политических взглядов” и государственных результатов труда находим у политиков, которых потомки отнюдь не проклинают. Клемансо, например, спас свою страну, а Бен-Гурион - так тот даже создал свою заново. Оба, на первый взгляд, “в конце [политической] жизни старательно разрушали то, чему служили в ее начале”¹⁴. Оба, на наш взгляд, достойны подражания...

Более или менее стройный гул голосов, даже сравнительно доброжелательных, настоятельно требует от нас, тем не менее, хоть какого-то - программного - рассуждения о том, что мы будем делать после гипотетического прихода к власти. Мол, так все, конечно, человеколюбиво и местами верно, но, как говорил Полибий “всякая толпа легкомысленна и преисполнена нечестивых вожделений, неразумных стремлений, духа насилия...” Знаем, знаем и поэтому оговоримся вскользь, что, очевидно, действовать следует аккуратно вопреки популярному завету Годунова, “со временем и понемногу снова” создавая (после “затягивания” бывших) аутентические: прессу, партии, парламент. Впрочем, боюсь, что у нас будет еще время (дай Бог - свободное) решить, что делать, “в первую голову”, после реализации программы минимум.

- Ну, а все-таки, еще раз, серьезно: конструктивных пунктов, позитивной программы, что ли, у вас нет? Люди же захотят узнать, какое государство вы хотите построить и, главное, какими методами?¹⁵

- Во-первых, насколько мы знаем, увлечение программированием, в особенности - политическим, на “электоральные предпочтения россиян” никакого влияния практически не оказывает, т.е. большинству упомянутых “людей” это совершенно не интересно.

---

¹⁴ ср.: М. Алданов, “Клемансо”.

¹⁵ - Может быть скажете, например, насильственными?
- Не дождетесь...

В нашем политическом заповеднике давно созрело мнение, буквально всеобщее: всяк - и кабинетный еврей-депутат, и уличный погромщик-охотнорядец - не без оснований полагает, что шансы на то, чтобы "царствовать и всем владети" после добрейшего дедушки имеют только авторитарные, подчеркнутые деидеологизированные и напрочь серые кандидаты в диктаторы. Кто поверит, например, в звезду бедолаги-Зюганова? А кто видел, например, программку Лужкова?

Во-вторых, если серьезно говорить о том, каким макаром мы придем к победе демократического строя, то это в каком-то смысле не слишком сложный вопрос. Ведь с некоторыми оговорками "ясно, что таким же точно образом и при помощи тех же самых средств, которые способствуют развитию дельного человека, можно было бы сделать таковым и государство"¹⁶ ... "Демократией [же] должно почитать такое государство, в котором исконным обычаем установлено почитать богов, лелеять родителей, чтить старших, повиноваться законам, если притом решающая сила принадлежит постановлениям народного большинства."¹⁷ Представляется особо важным возродить не только авторитет власти, но и власть авторитетов, отметить (отдельным пунктом в требуемой от нас позитивной программе максимум), что "по государственной территории должны быть распределены также и святыни, одни - посвященные богам, другие - героям. Однако было бы утомительно долго останавливаться на этом и говорить обо всем подробно. Все это нетрудно придумать, но труднее выполнить на деле: слова - результат благих пожеланий, их осуществление - дело удачи. Поэтому мы и отказываемся теперь от дальнейшего обсуждения таких вопросов"¹⁸.

---

¹⁶ Аристотель, III, 12, 1, пер. С. Жебелева.

¹⁷ Полибий, VI, 4, 5.

¹⁸ Аристотель, III, 11, 4, пер. С. Жебелева.

Если рассматривать “историю народов и держав” как некую функцию - общественного блага от времени, - то политику следует определить как первую производную этой то возрастающей, то убывающей, а то и вовсе не непрерывной¹⁹ функции. Политика как дело субъективное, грубо говоря, на порядок проще истории - функции Божьего промысла, график которой мы можем лишь постфактум анализировать, пытаясь предугадать следующую фазу “круговорота [форм] государственного общежития”²⁰.

Такой прогноз определяет стратегию политика, ощущение мгновенной скорости изменения первообразной на данном этапе исторического развития - предопределяет его тактику. Люди, попавшие в подобную - функциональную - зависимость отхода истории, по нашему мнению, называются политиками.

Людьми же они называются тогда и только тогда, когда общественное благо в результате их деятельности возрастает, т.е. их собственная - произвольно-производная - функция - положительна...

Апрель 1998 года

---

¹⁹ разрывы бывают двух родов...

²⁰ ср.: Полибий, VI, 9, 10-11.

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...

*Александр Блок "Гамаюн, птица вещая
(картина В. Васнецова)"*

23 февраля 1899 г.

Человечество узнало о существовании группы лиц, именующих себя "Союзом сил сопротивления Гамаюн", приблизительно год тому назад. 25 августа 1997 года советский бомонд собрался на открытие сезона в Большом театре. Ставили, по традиции, "Жизнь за царя", аккуратно в том году вторично переделанную в "Ивана Сусанина": "Куда ты завел нас? Не видно ни зги..." - "Идите вперед, не крутите мозги". Короче говоря: театр уж полон, ложи блещут. Меркнет знаменитая люстра. Музыканты в оркестровой яме берутся за смычки, дирижер поднимает палочку, бояре на сцене открывают тры... И тут с балкона в зрительный зал, помахивая крылышками, вылетает стая белых бумажек. Со смутьянским текстом следующего содержания:

Сограждане!

Союз сил сопротивления "ГАМАЮН" призывает вас к борьбе с существующим диктаторским режимом. Его вина перед страной неоспорима и общеизвестна: массовые убийства, развал государства, обни-

шание народа, дискредитация идей демократии. Никто не понес наказания за это, а главные виновники до сих пор при власти.

Но напрасно они уверены в своей неуязвимости: уже собираются материалы для предания суду военных преступников, казнокрадов, взяточников. Ведется учет присвоенного расхитителями общенародного достояния, чтобы после конфискации вернуть его обществу. Составляются списки лиц, уличенных в активном пособничестве диктатуре лжи и насилия.

Мы никому не дадим спать спокойно - ни замшелым политическим волкам, ни своре молодых провокаторов-плейбоев, ни их телевизионно-эстрадной обслуге.

Мы обрушим на них гнев народа, и он сметет их с нашей земли.

Союз сил сопротивления
“ГАМАЮН”

Обращаю внимание: текст традиционный для родины перманентной революции. Нынешний режим прорывался к власти во всеоружии очень похожих идей. Я лично просмотрела несколько тысяч вырезок из жизни демократической интеллигенции начала 1990-х годов и обнаружила там исключительно два (прописью “два”) предложения на предмет как обустроить Россию на либерально-демократических началах: (1) суд над КПСС, и (2) люстрации для бывших функционеров старого режима. Впрочем, самые просвещенные обустройщики не расстаются с этой программой по сей день. То тут, то там натыкаешься: земля, дескать, у нас велика и обильна, а порядку в ней нет. Так что давайте, мол, проведем суд над КПСС - и будет у нас порядок, как в Германии после Нюрнбергского процесса! А самые продвинутые либералы предлагают судить даже не КПСС - а саму коммунистическую идеологию (честное слово, не вру!). Читатель, ты способен вообразить суд над ком-

мунистической идеологией?.. Встаньте, господа, суд идет! И торжественно встают почтенные старцы-судьи, адвокаты в мантиях, прокуроры и публика в зале. А на скамье подсудимых - кто? Оказывается, не "кто", а "что". Идеология. Полное собрание сочинений Маркса-Энгельса-Ленина.

Каюсь, суд над главарями нынешнего режима лично я представляю себе гораздо легче. Правили они, не стесняя себя рамками закона (президент Ельцин, гордо именующий себя "гарантом Конституции", прямо так и залепил на весь мир: "Я выше суда!"). Фактически за шесть лет своего пребывания у кормила "гарант Конституции" совершил два государственных переворота и нарушил три конституции (полторы из коих сам и под себя же написал). И уж тем более не унижался наш "гарант" до сверки своей деятельности со статьями Уголовного Кодекса. Оне самоуправствовали, постоянно превышали свои полномочия, злоупотребляли властью в корыстных целях, нарушали избирательные и прочие права граждан. Не брезговали при этом подлогами: и если о фальсификации итогов референдума об одобрении ельцинской конституции 1993 года можно говорить лишь предположительно, то фальсификация президентских выборов 1996 уже доказана, поелику имеются вступившие в законную силу приговоры судов. И кстати, крайне подозрительна деятельность нашего "гаранта" в свете той главы российского УК, где говорится о преступлениях против правосудия: были там и попытки упечь своих политических противников в тюрьму по заведомо сфальсифицированному обвинению, и открытое давление на судей и прокуроров с целью убереечь от суда особо приближенных взяточников и казнокрадов. Не говоря уже о замечательном изобретении нашего Всенародного: не платить демосу причитающихся тому пенсий, пособий и зарплат, предпочитая тратить сэкономленные таким образом деньги на себя любимого.

Между тем, не менее настойчиво, чем призывы к суду над предшественниками режима, муссируются в прессе предложения о предоставлении Б.Н. Ельцину гарантий от уголовного преследования за то, что он натворил за годы пребывания у власти. Вплоть до предоставления ему статуса пожизненного сенатора и вытекающего из него парламентского иммунитета (надо полагать, по примеру державного брата Аугусто Пиночета). Интересно, что выступают с такого рода предложениями чаще всего отнюдь не сторонники нынешнего режима, а представители демократической оппозиции (в частности, сотрудник Горбачев-фонда профессор В.Б. Кувалдин). То есть более умеренные представители того самого политического течения, радикальным крылом коего и является интересующее нас сегодня общество "Гамаюн".

О Русь, взмахни крылами!.. Плохо наше дело, господа, совсем забыли мы о существовании в нашем грешном мире Правосудия Божьего. О суде милостивом, беспристрастном и справедливом. О праве на защиту, о равенстве граждан перед законом и прочих гарантиях объективного судебного разбирательства. Чего это мы так круто - либо пожизненный иммунитет (а это - прямое приглашение наследникам Ельцина и далее распоряжаться страной, как их левая нога захочет). Либо уж сразу "гнев народа" на голову, как обещают гамаюны. Ибо не будем лицемерить: правосудие творят зануды и крючкотворы. А "гнев народа" - это уже не суд, а расправа. Не хуже пресловутого "суда над КПСС". И на Нюренбергский процесс ссылаться нечего. На том процессе, между прочим, троих (из двадцати двух) подсудимых оправдали. Несмотря на протесты советского судьи Никитченко.

Впрочем, мы отвлеклись... Итак, выход гамаюнов в свет являет собой смешение двух традиций. Листовки на открытии сезона в Большом - достаточно "западный" поступок. В мире, который с некото-

рых пор в России стали называть “цивилизованным”, относительно малочисленная, никому доселе не известная группа сравнительно молодых людей, решив заняться политикой, постаралась бы учинить что-нибудь столь же эпатазирующее, дабы привлечь к себе внимание. Но вот текст... Подобный текст, разумеется, мог родиться только в стране революционного правосознания. Но уж никак не там, где суды над бывшими президентами и премьер-министрами - дело рутинное. А посему и процедура давно и тщательно разработана: ежу ясно, кому, в каких случаях и как этим надлежит заниматься.

Власть отозвалась на вызов гамаюнов рядом телодвижений, вполне достойных наследников Сталина. Отнюдь не так, как реагируют на выпады крамольников коллеги нашего “гаранта” в упомянутых цивилизованных странах. (“Другу Гельмуту”, помнится, однажды тухлым помидором в морду залепили - и тот утерся!) А так, как реагировали на любую диссиду те самые “кровавые” коммунистические тираны, коих “гарант” с нечеловеческим пылом поносил в начале своего правления. Сначала гамаюнов начали таскать в КГБ (будем так называть эту контору для ясности).²¹ А затем Гамаюнами занялась Комиссия по экстремизму. Есть такая комиссия - при Президенте России. Разумеется, в цивилизованных странах с экстремизмом борются органы, независимые от исполнительной власти. Так то ж в цивилизованных! У них ведь как? Государство существует для граждан, а власть - для страны. А у нас люди существуют для государства, а государство - для президента. А потому: Суд - при Президенте. Комитет по правам Человека - при Президенте. Гражданское общество - при Президенте. И “демократия” - при нем же: когда

---

²¹ ЧК-НКВД-МВД и т.д. за годы своего существования меняло имячко раз восемнадцать, из коих на годы правления Б.Н. Ельцина приходится раз десять. Думается, не наше это дело - отслеживать, как старая блядь намазывает на себя новые румяна.

“мы”, вся президентская рать, орем: “Горбачева - под суд!” - то это демократия. А когда “они” грозятся учинить суд над нашим режимом - то это уже экстремизм. Удобно, не правда ли?

А еще при Президенте состоит самая свободная и независимая в мире пресса. Честное слово! Собрались главные редактора столичных изданий и учредили из себя Академию свободной прессы. При Президенте. И вот эта свободомыслящая Академия ежегодно конкурс устраивает - кто глубже вылизет президентский анус. Их главная премия, “золотое перо”, так и называется: “президентская”... О нет, пожалуйста, не приставайте ко мне!.. Я не знаю, с каких пор задницу лизут пером (тем паче, золотым). И когда в России пресса была несвободна лизать начальственный анус (при Ленине? при Сталине? при Иване Грозном?) - тоже, пожалуйста, не ко мне вопрос. У них там господин Голембиовский - президент Академии свободной прессы, с него и спрашивайте.

Натурально, этой самой “свободной прессе” и поручили искоренить крамолу. И “свободная пресса” не подкачала. Подтвердила свое нерушимое, десятилетиями проверенное единство с органами государственной безопасности. Не было, кажется, такого издания, проходящего по местной раскладке по категории “свободных” и “демократических”, которое бы не включилось в этот увлекательный процесс. От язвительной “Общей” - до правительственной “Российской газеты” (официальный рупор правительства Российской Федерации, который финансируется напрямую из бюджета, тоже, заметим, именуется у них “свободной прессой”). От вульгарного “Коммерсанта” - до чопорных “Известий”...

Попутно выяснилось, что свято место Отдела ЦК по пропаганде тоже не осталось пустым в нашу эпоху разгула ельцинской демократии. Ибо все эти публикации про Гамаюн были составлены по одному и тому же плану, явственно указывающие на координацию творчества их авторов из одного и того же

центра. По принципу: в огороде бузина - а в Киеве дядька. Если хотите, конкретнее: в Ярославле - нацисты. Они объявили себя последователями Адольфа Гитлера, носят свастику, время от времени убивают друг друга, после чего демонстрируют публике банки с маринованными человеческими ушами. А в Питере - Гамаюн. Те, в свою очередь, являются сторонниками либерала Явлинского, пользуются мобильным телефоном и завели собственную страничку в Интернете ("Совершенно секретно"). Или: "команда Чубайса" с целью дискредитации своих оппонентов совершила очередной подлог, подделав статью покойного обозревателя Андрея Фаина. А еще есть такая организация Гамают, которая "разбрасывает листовки, содержащие призывы к насильственному свержению конституционного строя"²² и "устраивает дебош в Большом театре". Спрашивается: какая связь между нацистами из Ярославля и сторонниками Явлинского в Питере? Между Гамаюном и "командой Чубайса"? А никакой. На сей предмет "свободные журналисты" изобрели замечательную формулировочку: "Пипл [то есть мы, остолопы] все схавает". Ох, кажется, оговорила я советскую власть. То есть, конечно, большевики не дорого брали соврать. Очень даже недорого. Но они хоть при этом старались не попадаться. А эти: врут - и при этом даже не затрудняются выглядеть правдоподобно. Свобода, мол, а пипл все схавает.

... Ладно, уговорили! Мне тоже симпатичен Явлинский. И у меня тоже есть мобильный телефон. И адрес в Интернете. Вот только в Большой театр я не

---

²² Это что, "свободные журналисты" изобрели эту милую формулировочку: "листовки, содержащие призывы к насильственному свержению конституционного строя"? Расскажите своей бабушке!.. Это - диспозиция статьи 280 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Она же - бывшая ст. 70 УК РСФСР ("Антисоветская агитация и пропаганда"). По которой судили Снявского и Даниэля.

хожу: поют плохо. Лучше уж - райские птицы русско-го Серебряного века: Алконост, Сирин, Гамаюн...

Что же до борьбы "с существующим диктаторским режимом..." У тиранов, конечно, много недостатков. Но есть и одна, объединяющая их всех, хорошая черта. Ни один из них не жил вечно.

**БАШКИРСКИЙ ФЕРТЕР
КУРЯТ СКАКУНА
ПО КЛЮЧКЕ "ЕЛЬЦИН"**

**Прижился в семье башкирского фермера
Хасана Удиятуллина из села Уду-Теляк
Углинского района
скакун по ключке "Ельцин",
предназначавшийся в подарок президенту РФ...
Коня должны были преподнести в подарок
президенту России
во время его поездки на северный Кавказ.
Но Борис Николаевич
прервал тогда свой визит
и остался без коня.
(Узв.9.IX.98)**

ЛЮДИ И ЗВЕРИ

Трудно поверить, но на самом краю американской земли, в штате Орегон, есть такой город Юджин, Евгений по-нашему, а еще проще - Женя, названный так по имени первооткрывателя в середине прошлого века этих мест. И вот 29-го апреля этого года в городе Юджине, куда я приехал прочесть несколько лекций о русской поэзии, открывалась международная конференция "Культура и революция".

Боже мой, как они были далеки друг от друга - орегонские леса и бесконечные неразрешимые русские проблемы - от Ленина до Ельцина, от первых декретов Советской власти до расстрела Белого дома, в который вот уже много месяцев упирается любой разговор о России. На конференции крутили документальные ленты о современной Москве, где, как это ни странно, продолжалась революция. На экране то и дело стреляли, а потом пели и опять стреляли. Волновались женщины и флаги разных мастей, плакаты, дети, хоругви по столичному асфальту. Казалось, страна разваливалась у нас на глазах, и мы, как будто во сне, бродили по свежим развалинам некогда великой империи. Они дымилась и кровоточили...

А открывалась конференция почти академически - моим докладом "Достоевский и XX век. Человек вне измерений". Я говорил там, что опыт каторги, опыт "смерти при жизни" показал Достоевскому, что тягчайшие преступления (и ведь действительно - преступления) совершает иногда самый смиренный, тихий и добрый человек. Совершив преступление, почти никто в этом не раскаивается. А последний

убийца иногда бывает лучше всех. “Палач” сидит в сердце почти каждого современного человека (пускай он до поры до времени только “жертва”). Сделай шаг - и человек превратится в зверя, в насекомое (“Мне иногда представлялось, - писал Достоевский, - что я вижу перед собой огромного исполинского паука, с человека величиною...”). Но еще шагни - и ты увидишь “отблески детской радости на этих клейменных лбах и щеках, в этих глазах, сверкавших иногда страшным огнем”.

И все время приходилось лихорадочно соразмерять в уме эти дальние планы и замыслы вчерашнего и сегодняшнего исторического бытия. Нас охватывали воспоминания, какие случаются, вероятно, у каждого человека накануне смерти. С единственным вопросом у каждого: зачем ты жил?

И мятущиеся по Москве негодующие толпы, кричащие и стреляющие, тоже спрашивали нас:

- Зачем мы жили?

Речь шла о бессмысленной жертве, о никчемной жизни нескольких поколений в истории человечества. И мы не могли ответить...

1994 г.

Храните колготки в морозилке

Продолжаем конкурс на самое полезное «супердаядское» предложение. Вы можете принять в нем участие!

Людмила ЛОМАКИНА из Краснодара уверена: «Не столько муж мешком таскает, сколько жена горшком сберегает». Она советует из плотной ткани сломанного зонта шить хозяйственные сумки. Остатки губных помад расплавлять, смешать, и получится новый цвет.

Марина ТЯЛЯГИНА из Ульяновска придумала способ, как «излечить» перегоревшую лампочку. Ее нужно вернуть в настольную лампу и, аккуратно поворачивая, стараться совместить тоненькие волоски деталек. Как только они совместятся, спираль припаяется.

«Скупые» письма читала
Наталья НЕШУМОВА.

Комс. правде, 2/VI-92

Ольга ИВАНОВА из Красноярска советует не выливать воду, в которой варились макароны. В ней можно крахмалить воротнички рубашек или салфетки.

Галина БАЗАРОВА из Ужгорода предлагает новые зубные щетки из искусственной щетины перед употреблением опускать в кипяток до тех пор, пока вода не остынет. После этого щетка прослужит вам в два раза дольше.

Т. ВАУМИНА (на имя по-скупилась!) из Татарстана разработала целую теорию о том, как носить и что можно делать из колготок. Мне понравился один совет. Для того чтобы колготки долго не рвались, кладите их на ночь в морозильную камеру.

«БОРИС, ГДЕ НАШИ ДЕНЬГИ?» —
КРИЧАЛА ТОЛПА

От редактора 3

УРА И УВЫ - СИНЯВСКОМУ!

<i>Петр Вайль</i> . Абрам Терц, русский флибустьер.....	7
<i>А. Жолковский</i> . Вспоминая Синявского.....	23
<i>Георгий Гачев</i> . Ура и увы - Синявскому!.....	28
<i>Светлана Иванова</i> . Памяти Андрея Синявского.....	38
<i>Василий Аксенов</i> . Памяти Терца.....	40
<i>Дмитрий Быков</i> . Памяти Андрея Синявского.....	43
<i>Александр Генис</i> . Странности любви.....	47
<i>Василий Бетаки</i> . Заметки к биографии.....	50
<i>Г. Померанц</i> . Правда не живет вне правдивого стиля... ..	51
<i>А. Вознесенский</i> . Отпевание на Сергиевом подворье.....	54
<i>З. Зиник</i> . Горсть родной земли.....	56
Брат, друг, коллега, учитель.....	59
Письмо.....	67
Цветы зла.....	72
<i>Ефим Бершин</i> . Перевоплощение Андрея Синявского..	81

СВОБОДУ ПУШКИНУ!

<i>М. Эпштейн</i> . Синявский как мыслитель.....	86
<i>Н. Рубинштейн</i> . Александр Пушкин и Абрам Терц	106
<i>Гасан Гусейнов</i> . Великий и могучий русский язык.....	116
<i>Абрам Терц</i> . Голос без хора.....	126

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

<i>Юрий Поляков</i> . Фабрика гроз.....	136
<i>Акрам Муртазаев</i> . В день, когда молчали “вертушки”.....	151
Мэры в законе.....	153
<i>Е. Карсанова</i> . На оккупированной территории проживал.....	156
Пострадала ли братва от кризиса?.....	159
<i>Георгий Глаговский</i> . Танцующие с волками.....	162
<i>Юлия Вишневская</i> . Взгляд со стороны.....	181
<i>А. Синявский</i> . Люди и звери.....	189

Рисунок на обложке: David Levine, The New York Review of Books

